

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет
Кафедра истории южных и западных славян**

ИСТОРИКИ-СЛАВИСТЫ МГУ

Книга 14

В.К. Терехов

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС

1885 г.

Москва 2023

УДК 327(49)(091)<01885>

ББК 63.3(475)52

Т35

Редакционная коллегия:

д.и.н., проф. **Г.Ф. Матвеев** (*научный редактор*),

к.и.н., доц. **З.С. Ненашева**,

к.и.н., доц. **Л.В. Кузьмичева**,

к.и.н., доцент **О.А. Дубовик**

Рецензенты:

Доктор исторических наук **В.И. Косик**,

Кандидат исторических наук **В.С. Пуятин**

Терехов В.К.

Т35 Историки-слависты МГУ : Кн. 14 : Балканский кризис 1885 г. /
Терехов В.К. — М. : Издатель Степаненко, 2023. — 204 с.

ISBN 978-5-901882-86-3

Работа В.К. Терехова посвящена выяснению широкого круга внутри- и внешнеполитических причин, толкнувших короля Сербии Милана Обреновича в 1885 году на войну с Болгарским государством, ставшую первой в истории их взаимоотношений в новое и новейшее время. Анализ проведён с привлечением широкого круга источников, хранящихся в государственных архивах Москвы и Белграда, публикаций документов, а также трудов предшественников. Полученные в результате исследования выводы отличаются беспристрастностью и подкреплены убедительными доказательствами.

Для специалистов в области славистики, студентов исторических факультетов и всех, кому интересна история Балкан и международных отношений в XIX веке.

© Терехов В.К., 2023

© Кафедра истории
южных и западных славян МГУ, 2023

ISBN 978-5-901882-86-3

© Степаненко А. Ю., 2023

*Посвящается светлой памяти
моего научного руководителя,
доктора исторических наук,
профессора Виктора Георгиевича Карасева.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

К.В. Никифоров. Читателю предложена не совсем обычная работа	7
Предисловие	15
Введение	21
Глава I	
Международное положение в Европе в 1878–1885 гг.	43
Глава II	
Сербия и Болгария накануне Балканского кризиса 1885 г.	55
§ 1. Внутренняя и внешняя политика короля Милана в первой половине 80-х г. XIX в.	56
§ 2. Политическое развитие Болгарии в 1878–1885 гг.	92
Глава III	
Балканский кризис 1885 г.	103
§ 1. Воссоединение Болгарии и великие державы. Сербия на путях к войне	103
§ 2. Дипломатическая активность на Балканах накануне сербско-болгарской войны	117
§ 3. Сербско-болгарская война и великие державы	141
Глава IV	
От перемирия до мира	167
Заключение	190
Библиография	195

Читателю предложена не совсем обычная работа

Опубликована кандидатская диссертация, защищенная В.К. Тереховым еще в 1977 г. Понятно, что речь идет не столько о научном исследовании, сколько и прежде всего об истории славистики. Сегодня многие поставленные в работе задачи и сделанные выводы звучали бы иначе. Изменилась методология, нет уже СССР и Югославии. Впрочем, марксистская методология и необходимые в то время цитаты из классиков марксизма используются автором диссертации весьма умеренно и не мешают общему восприятию работы.

В то же время и в России, и в Сербии при наличии обширной историографии по этому периоду балканской истории до сих пор так и не появилось специальной монографической работы, прямо посвященной балканскому кризису и сербско-болгарской войне 1885 г. Для Сербии это отчасти понятно, проигранная война всегда малопривлекательна. Этот период представлен в сербской историографии довольно скромно. Из последних работ назовем, в частности, монографии директора Исторического института в Белграде Александра Растовича «Великобритания и Сербия (1878–1889)»¹ и профессора Белградского университета Сузаны Райич «Внешняя политика Сербии. Между ожиданием и реальностью (1868–1878)»². Определенное внимание сербско-болгарской войне 1885 г. уделялось и в обобщающих работах³.

---

¹ Растовић А. Велика Британија и Србија 1878–1889, Београд, 2000.

² Рајић С. Спољна политика Србије. Између очекивања и реалности 1868–1878. Београд, 2015.

³ См., например: Љушић Р. Историја српске државности. Књига II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 220–223.

Гораздо больше внимания победоносной войне уделяли болгарские историки. Особенно всплеск активности среди историков был отмечен в 1985 г. в связи со столетием болгарского Объединения⁴. Нужно обязательно упомянуть и защищенную в 2003 г. в Москве в Институте славяноведения РАН докторскую диссертацию болгарского исследователя Петра Ж. Куцарова «Воссоединение Болгарии в 1885 году и Российская империя»⁵.

Наконец, в России эта тема также не привлекала к себе пристального внимания. Хотя, конечно, выходили книги, печатались статьи. Отметим прежде всего книгу сотрудника Института славяноведения РАН Виктора Ивановича Косика «Русская политика в Болгарии. 1879–1886»⁶. Другим серьезным исследованием остается монография профессора Московского педагогического государственного университета Михаила Юрьевича Золотухина «Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888 гг.)»⁷. Появлялись, конечно,

---

⁴ *Недевска Е., Шанов С.* Сръбско-българската война 1885 година: Сб. спомени. София; 1985; *Венедиков Й.Т.* История на доброволците от Сръбско-българската война 1885 година. София, 1985; Съединението на Северна и Южна България и Сръбско-българската война. Дипломатически документи 1885–1886. София, 1989; *Димитров И.* Епоха 1885: Исторически очерк за Съединението на Северна и Южна България. 3. изд. София, 1995; *Алчев А.В.* Песни за сръбско-българската война от 1885 г. София, 1995; *Петров М.Р.* Българският подвиг 1885: Русия и Европа: Ист. очерк. София, 1995; *Вълчев Г., Пантев А.Л.* Защитници на Съединението 1885 г. Видин, 2001; *Милчич С.С.* Сливнишката епопея 1885 г. София, 2013; *Тачев С.Н.* 1885: спомени на съвременници. София, 2018; *Пейков Т.К.* Кратка история на Сръбско-българската война през 1885-та: исторически фотоалбум. София, 2019.

⁵ *Куцаров П.Ж.* Воссоединение Болгарии в 1885 году и Российская империя. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2003.

⁶ *Косик В.И.* Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М., 1991.

⁷ *Золотухин М.Ю.* Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888 гг.). М., 1993.

обобщающие работы, упомянем, в частности, две серии по внешней и внутренней истории Балкан Института славяноведения РАН. Интересующие нас разделы в них написаны В.И. Косиком и П.А. Искендеровым⁸. Сюжеты, связанные с сербско-болгарской войной 1885 г., затрагиваются в интересной статье А.Л. Шемякина «Дунайское закулисье «братоубийственной» войны»⁹.

Однако диссертация В.К. Терехова не теряется в этом ряду. Она базируется на русских дипломатических документах, часто впервые вводимых в научный оборот. Диссертация построена очень логично — от общего к частному, к более конкретному: ситуация в мире, на Балканах, в Сербии и Болгарии, наконец сам кризис 1885 г. и его центральная часть — сербско-болгарская война. Кризис вытекал из российско-австрийского соперничества на Балканах, а также английского вмешательства в балканские дела. Но были и веские внутрибалканские причины. Автор скрупулезно рассматривает все повороты сложного сюжета. У каждой стороны конфликта была своя правда. Но Терехов справедливо называет войну для Сербии «захватнической» и «несправедливой». Она и потерпела поражение, хотя изначально рассчитывала на легкую победу.

Как известно, обучавшие болгарских военных российские офицеры незадолго до войны были отозваны на родину. В результате болгарская армия не имела офицеров, чином выше капитана. Военному министру, первому этническому болгарину на этом посту Константину Никифорову было всего 27 лет, начальнику штаба болгарской армии Рачо Петрову — 24 года. В историографии сербско-болгарскую войну часто называют «войной капитанов против генералов». Правда, однофамилец и тезка автора этих строк Константин Никифоров был майором. Он также являлся воспитанником русских военных

---

⁸ См.: В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 170–173, 201–205; История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). М., 2017. С. 67–73, 96–100.

⁹ Шемякин А. Дунайское закулисье «братоубийственной» войны // Родина, 2010. №11. С. 110–114.

заведений, и его хорошо учили. И в целом Россия и русские военные инструкторы за короткий срок сумели создать в Болгарии боеспособную армию.

Балканский кризис 1885 г. вписан в отечественной историографии в более широкий период — от Берлинского конгресса и до начала Первой мировой войны. Он очень важен для дальнейшего развития всех балканских народов. И не только потому, что после Берлинского конгресса многие из них после долгого перерыва получили независимость, а Болгария — самостоятельность. Крупнейший балканист последнего времени В.Н. Виноградов считал, что после Берлина «...в связи со стремительным ослаблением Турецкой державы резко снизилось значение Восточного вопроса в судьбах Европы, под ним стали понимать соперничество держав»¹⁰. Но и сами они уже не были полновластными хозяевами в любой точке Балкан. «Османское владычество в регионе пришло к концу, — продолжал В.Н. Виноградов. — Вместе с тем отошла в прошлое система международных отношений в регионе, в котором тон задавали великие державы, то соперничавшие, то сотрудничавшие друг с другом. Отныне решающими субъектами международного права здесь стали сами балканские государства, их взаимоотношения и, как скоро выяснилось, их соперничество»¹¹.

Национальные планы балканских государств не только накладывались на планы великих держав и планы друг друга (что и вело к конфликтам), но и на вековую региональную отсталость. Образно говоря, из Азии, куда балканские страны попали после турецкого завоевания, они вновь вернулись в Европу. Но вернуться формально было явно недостаточно, нужно было вернуться фактически, то есть европеизировать все стороны своей во многом еще патриархальной жизни, стать настоящими европейцами. Поэтому модернизация (или

---

¹⁰ Виноградов В.Н. Последняя русско-турецкая война // История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). М., 2012. С. 325.

¹¹ Виноградов В.Н. Предисловие // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. С. 7.

европеизация) — являлась основным содержанием этого периода в истории балканских государств.

Однако шанс подобного развития ни европейскими державами, ни балканскими странами использован не был. Разрыв между Балканами и остальной Европой только увеличился. Балканские страны оказались «бедными родственниками» западного мира с угрозой попасть под новую зависимость, но уже не от Турции, а от европейских держав. В случае Сербии, например, таковой державой в тот период оказалась Австро-Венгрия.

Берлинский конгресс сохранял свое влияние на региональное развитие вплоть до Балканских войн 1912–1913 гг., хотя его решения и стали пересматриваться намного раньше. В 1885 г. произошли объединение Болгарии, а затем и сербско-болгарская война (об этом как раз и говорится в диссертации В.К. Терехова). В 1886 г. болгарский князь Александр Баттенберг отрекся от престола, к власти пришел представитель Кобургов — князь Фердинанд. В 1896–1897 гг. произошло восстание на Крите, переросшее в греко-турецкую войну. В 1903 г. произошел государственный переворот в Сербии, завершившийся и там сменой правившей династии. В 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, закрепив новые балканские переделы. Тогда же, в 1908 г. провозглашено независимое Болгарское царство. В том же году усилиями молодых офицеров произошла младотурецкая революция в Османской империи.

Особое место в переустройстве Юго-Восточной Европы принадлежало Балканским войнам, особенно первой из них. Она оказалась своего рода восточноевропейской Реконкистой, выдавливанием Турции и турецкого населения обратно в Азию. Малые балканские государства впервые в истории выступили вместе и самостоятельно, а не для поддержки тех или иных действий великих держав. Балканских союзников стали даже называть «седьмой великой державой». Однако союз балканских государств продлился, как известно, совсем недолго.

Вторая балканская война была войной между вчерашними союзниками. Как борьба против мавров не удержала христианские королевства от борьбы друг с другом, так и изгнание

османов сопровождалось борьбой новых балканских государств за дележ турецких трофеев. На этот раз ситуация по сравнению с войной 1885 г. в корне переменялась. Сейчас нападающей стороной была уже Болгария. Как и в первом случае агрессор потерпел сокрушительное поражение.

Балканские войны после Берлинского конгресса 1878 г. «стали хронологически вторым, а по значимости — равным ему этапом становления национальной государственности балканских государств»¹². Причем, корни Балканских войн обычно находят в решениях Берлинского конгресса, а непосредственный повод — в младотурецкой революции 1908 г. И именно на Балканах мир скатился к Первой мировой войне.

Период в 36 лет — от Берлинского конгресса до Первой мировой войны совсем не случайно привлек к себе в последнее время пристальное внимание отечественных историков. Упомянем 4-й том «Истории Балкан в Новое время»¹³, выходящую также в Институте славяноведения РАН серию «Человек на Балканах»¹⁴ и сразу несколько научно значимых изда-

---

¹² Улуяян Ар. Опыт невраждебного историописания: Балканские войны в контексте «новой историографии» региона // Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 48.

¹³ История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.).

¹⁴ Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб., 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX — начало XX в.). СПб., 2006; Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007; Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.). СПб., 2009; Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011; Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн. М., 2012; Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016; см. также: Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии. Конец XIX — начало XX в. М., 2008.

ний на русском языке¹⁵. Эти работы, несомненно, увеличили наше знание и наше понимание сложных процессов, протекавших на Балканах после Берлинского конгресса. Однако диссертация В.К. Терехова остается одной из первых, по своему пионерских исследовательских работ по этому периоду. Тем она прежде всего и интересна для истории славистики.

К.В. Никифоров

---

¹⁵ Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары / Сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006; изд. 2. СПб., 2022; Русские о Сербии и сербах. Т. II. Архивные свидетельства / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014; Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) / Сост. А.Л. Шемякин. СПб.; М., 2019; *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда 1878–1912 гг. СПб., 2007; *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012; *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013; *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея: Переключка эпох

Идея опубликовать текст диссертации, которая была защищена в 1977 году, родилась давно, почти сразу после защиты. Но, как известно, от появления идеи до её осуществления – порой проходит достаточно много времени. И хотя я понимал, что такое количество неизвестных доселе документов нельзя не пускать в научный оборот, но причин не делать чего-то всегда находится много. Для того, чтобы захотеть и сделать конкретный шаг порой нужен либо серьезный стимул (например, подготовка к работе над докторской диссертацией), либо серьёзный толчок. Пару лет тому назад один уважаемый мною ученый пристыдил меня, спросив: «У Вас обычная лень сесть и поработать? Или Вам не жаль своих многолетних трудов (а над темой я работал, начиная с курсовых)? Или просто Вы не понимаете, как важно пустить в научный оборот свыше шестидесяти до сих пор остающихся неизвестными документов?»

Пристыдил! Прочитал еще раз работу, уже с позиции сегодняшнего расклада политических сил. Увидел много параллелей.

История показывает, что распад империй, особенно великих, чаще всего сопровождался двумя факторами: либо страны, окружающие распадающееся государство, стремятся «урвать» себе часть его территории, либо составные части некогда бывшей империи начинают борьбу друг с другом. Причин для последнего немало: и межнациональные и межконфессиональные противоречия, стремление расширить свою территорию. Порой много зависит и от особого психологического состояния глав новых образований; от чрезмерной пере-

оценки своих политических, экономических и даже военных сил. Можно добавить и конкурентную борьбу за нового покровителя.

Все эти факторы полностью присутствовали в конце девятнадцатого века. И именно в них лежат причины всех внутрибалканских противоречий, а также противоречий между великими державами, имеющими свой интерес в регионе, а позже и не только в нем. Так или иначе, но балканский узел, со всеми его противоречиями как был почти полтора века назад «пороховой бочкой» Европы, так до сих пор им и остался. К сожалению, теперь он территориально значительно расширился. Все повторяется, только на другом, крайне опасном уровне.

Повод для осложнений

Поводом для осложнения отношений между Россией, Австро-Венгрией и Англией послужило воссоединение Восточной Румелии (автономная турецкая провинция, расположенная на территории Южной Болгарии) с Болгарским княжеством. Болгарский князь Александр Баттенберг надеялся, что Александр III будет вынужден признать свершившийся факт, так как Россия до Берлинского конгресса сама выступала за подобное объединение. Но он ошибся. Изменение в позиции России вполне объяснимо, так как незадолго до восстания в Восточной Румелии и провозглашения объединения, А. Баттенберг, с согласия Вены и Лондона, высказался против присутствия «иностранных офицеров в Болгарии». Иностранцами офицерами были русские, которые создавали болгарскую армию. Петербург, видя, что А. Баттенберг полностью уходит из-под влияния и становится главной помехой проведению балканской политики России, решил сместить его с болгарского трона. Русский посол, который составил план отречения, по-

лагался при этом на руководителей болгарской оппозиции. Но те, после примирения с князем, отказались приводить в исполнение план, чем привели в ярость посла. В своем донесении в Петербург он оправдывался тем, что «ни на одного болгарина нельзя положиться».

Султан был уверен, что воссоединение прошло не без участия России, а Россия, в свою очередь, видела в этом акте «руку» Вены и Лондона, с тем чтобы вырвать у нее роль «покровителя» интересов славян. Канцлер Бисмарк точно почувствовал, что «шар», пущенный Баттенбергом, на самом деле летит не из Софии, а из Лондона и потому не может не задеть интересы России и Австро-Венгрии. Это нарушало стабильность внутри Союза трех императоров, что на тот момент было невыгодно Бисмарку. В то же время балканские события не могли не отразиться и на самой Германии, которая незадолго перед этим стала обладательницей крупных владений и поэтому её интересы всё чаще сталкивались с Англией.

Учитывая это, канцлер увидел в усилении болгарского князя укрепление и самой Англии, что противоречило политическим и экономическим интересам Германии. Поэтому Бисмарк, не желая активно вмешиваться в эти события, всё же внимательно наблюдал за их развитием. Видя невозможность решить миром передел территорий и непримиримость России, Англии и Австро-Венгрии в борьбе за единоличное влияние на Балканах, и растерянность султана, канцлер нашел простой выход, предлагая «утопить весь вопрос в чернилах».

Началась активная дипломатическая переписка и игра, которая фактически прикрывала стремление каждой из великих держав перетянуть хотя бы одну из них на свою сторону. Более того, каждая из них стремилась осуществить свои планы и путем перетягивания Сербии или Болгарии на свою сторону, подталкивая их к

решительным действиям. Под решительными действиями подразумевалась и подготовка к войне.

Попытка Англии перетянуть на свою сторону султана, чтобы он вмешался, припугнув его тем, что на Балканах идет подготовка к войне, не удалась. Султан ответил предельно ясно и кратко: «Пусть их себе подерутся».

И только Бисмарк предложил великим державам «войти на Балканы и разогнать разодравшихся петухов». Явно полагая при этом, что осуществление подобного предложения потребует от них найти возможности для взаимного примирения.

Однако Петербург хотел «руками» Сербии наказать болгарского князя, а заодно и Англию, стоявшую за его спиной; Англия, в свою очередь, рассчитывала победой Болгарии наказать Россию; у Вены на какое-то время интересы в отношении Белграда совпали с Петербургом. Там рассчитывали на победу Сербии в войне с Болгарией и надеялись, опираясь на свою более активную поддержку Белграда, перетянуть победившую Сербию на свою сторону, оторвать ее от Петербурга.

Таким образом во всех европейских столицах были готовы к войне. «Утопить в чернилах» проблему не хотели. Об этом свидетельствует и тот факт, что многие сугубо важные документы (как-то переписка дипломатов со своими министрами и даже главами государств) так и не были прочитаны теми, кому они посылались и от которых зависела возможность не допустить обострения в Европе и уйти от кровопролития.

«Утопить в чернилах» не удалось

Дипломатия переписок перестала работать и наступила очередь пушек.

Но результаты войны оказались совсем другими, нежели их ожидали, болгарская армия, воспитанная

русскими офицерами, оказалась сильнее сербской. К тому же Милан, поняв, что переоценил свои силы, впал в состояние нервной неуравновешенности, метался по европейским столицам, ища помощи.

Правительство России прекрасно понимало, что и Австро-Венгрия, и Англия стремятся все сделать для ослабления позиции России на Балканах, но отсутствие экономических связей с балканскими государствами резко ослабляло объективные возможности ее борьбы за господство в этом районе Европы. Борьба с болгарским князем стала для Петербурга той «призмой», через которую рассматривались все вопросы, в том числе и отношение к войне и ее результатам.

Победа А. Баттенберга поставила Александра III перед необходимостью вернуться к идее насильственного удаления его из Болгарии, что и было сделано в 1886 году. Но результатом же оказалась серьезная потеря Россией своих позиций на Балканском полуострове.

Балканский кризис 1885 года наглядно показал отсутствие единства внутри Союза трех императоров — России, Германии и Австро-Венгрии. Война, а также переворот в Болгарии в 1886 году стали тем самым локальным взрывом, который еще более обострил противоречия между великими державами и привел, в конце концов, к краху этого Союза.

Тем самым, еще раз было подтверждено, что политика и отношения между ведущими на международной арене государствами и так называемыми малыми странами находятся в тесной взаимосвязи.

* * *

В завершении предисловия хочу поблагодарить заведующего кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова профессора, доктора исторических наук Геннадия Филипповича Матвеева за помощь в подготовке и публикации монографии.

Прошу директора Института славяноведения РАН доктора исторических наук Константина Владимировича Никифорова принять мою благодарность за глубокий и обстоятельный анализ данной работы.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Первые две трети XIX в. на Балканах — это период, когда «вечный Восточный вопрос» практически не сходил с повестки дня в истории международных отношений Европы. Попытки его решения вели к углублению противоречий великих держав и в первую очередь Австро-Венгрии, России и Англии.

Небывалый подъем национально-освободительного движения на Балканах в середине 70-х годов XIX в., русско-турецкая война 1877–1878 гг., привели к образованию национально-независимых государств — Сербии, Черногории, Румынии и Болгарии (последняя официально была автономным княжеством). Эти балканские страны и населявшие их народы перестали быть только объектами политической игры великих держав и постепенно становились субъектами новых политических отношений на Балканском полуострове. В этом и состояла суть трансформации Восточного вопроса. С появлением самостоятельных государств на Балканах Восточный вопрос стал вопросом Балканским. Для России, Австро-Венгрии и Англии в своем новом качестве он еще больше осложнил борьбу за гегемонию в Юго-Восточной Европе, т.к. пришлось искать новые методы, с помощью которых можно было бы «привязать» к себе правящие круги балканских стран.

В угоду политическим и стратегическим соображениям Англии и Австро-Венгрии Берлинский конгресс грубо попрал интересы балканских народов: не получил национального объединения болгарский народ, в Боснии и Герцеговине турецкое владычество заменили австрийским. Фракия, Македония и Новопазаржский санджак остались под безраздельным господством Османской империи. Новая обстановка определяла исторические задачи, вставшие перед балканскими народами:

укрепить свою государственность и добиться завершения национального объединения. Их решение наталкивалось на соперничество великих держав.

Для Австро-Венгрии Балканский вопрос всегда был одним из важнейших вопросов, связанных с самим существованием двуединой монархии. Славянское национальное движение, — как внутри Австро-Венгрии, так и вне ее подрывало основу этого государства, вело к его краху. Славянские крестьяне, ремесленники, мелкая буржуазия противостояли австрийской крупной буржуазии, всеми силами стремившейся к установлению полного экономического господства в этом районе Европы для превращения его в рынок сбыта своих товаров. Так как славянское национальное движение исторически было тесно связано с Россией, то австрийские и венгерские магнаты и буржуазия видели в ней постоянную угрозу для себя. Правящие классы Австро-Венгрии любые действия России на Балканах рассматривали в качестве прямой угрозы своему бытию, а действия славянских стран, направленные на достижение национального освобождения и объединения, считали происками России, проявлением ее панславистских устремлений.

Поэтому уже в период подготовки Берлинского конгресса Вена стремилась установить в той или иной форме политический и экономический контроль над всей западной частью Балканского полуострова. С этой целью она старалась отодвинуть границы Болгарии возможно дальше на восток.

В то же время, тот авторитет, которым пользовалась у балканских народов Россия как их союзник в борьбе с Турцией, являлся одновременно и источником страха за свое положение у проавстрийской династии Обреновичей в Сербии и князя Баттенберга в Болгарии, находившегося под влиянием лондонского кабинета. Подобное положение вынудило правящие круги Сербии искать способ, чтобы отвлечь народные массы от борьбы

с антinationальной политикой, проводимой королем Миланом в Сербии. В свою очередь Россия, не имея возможности экономически привязать к себе правящие круги Сербии и Болгарии, стремилась добиться этого политическими средствами.

Все эти факторы значительно осложнили процесс национального развития молодых балканских государств и обострили отношения между Веной и Петербургом. Ярким доказательством этому является тот факт, что первая же попытка, предпринятая в Болгарии в 1885 г., добиться национального объединения, вызвала Балканский кризис.

Целью данной диссертации является установление основных причин Балканского кризиса, выявление этапов его развития и роли великих держав. Необходимость изучения данной проблемы вызывается тем обстоятельством, что этот вопрос недостаточно освещён в зарубежной литературе. Что же касается советской историографии, то эта тема затрагивается лишь в обобщающих трудах по истории Болгарии и Югославии. Новизну работы определяет не только постановка проблемы, которая еще не была предметом специального рассмотрения в советской исторической литературе, но и освещение некоторых важных вопросов, таких как причины сербско-болгарской войны 1885 г., роль самих балканских стран в европейской политике и влияние великих держав на их развитие.

В статье «Политическое положение в Европе» Ф. Энгельс на примере развития Сербии в 80-е годы XIX в. показал, как под влиянием австро-венгерской буржуазии политическая структура Сербии без учёта национальных нужд была скопирована с австро-венгерской. В то же время, будучи современником описываемых им событий и потому не располагая всеми важными документами, он сделал в той же работе ряд, на наш взгляд, неточных замечаний по конкретным событиям. Так,

Ф. Энгельс пишет, что непримиримая борьба между А. Баттенбергом и Александром III началась после воссоединения Болгарии, в то время как документы свидетельствуют, что борьба началась намного раньше. Имеющиеся в распоряжении исследователя документы позволили также установить, что Баттенберг не командовал болгарскими войсками во время единственного и решающего боя под Сливницей, а военная кампания 1885 г. велась болгарскими военными не по законам прусской военной школы: ее вели ученики русских офицеров, исходя из достижений русской военной мысли.

При работе над диссертацией автор старался учитывать роль различных слоев внутри тех или иных классов, борьбу отдельных групп и, наконец, роль личностей, руководителей, идеологов и т.д. Эта конкретность в рассмотрении проблем является одним из важнейших методов исследования внешнеполитических событий. Анализируя политические системы и конкретную политику, невозможно ограничиваться указанием лишь на экономические интересы, нужно искать те конкретные факторы или, как говорил Ф. Энгельс, «различные моменты надстройки, которые непосредственно определяют появление и жизнедеятельность тех или иных политических институтов, осуществление того или иного курса в политике»¹⁶. В данном случае, обращаясь к конкретному материалу, автор ставил перед собой задачу показать динамику внутривнутриполитических событий, предшествовавших Балканскому кризису 1885 года, вскрыть причинно-следственную связь отдельных этапов развития конфликта.

При работе над диссертацией автору оказали большую помощь труды советских ученых по теории и методике исследования политических отношений и, в частности, международных отношений. Так, Ф. Бурлацкий

---

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394–395.

и А. Галкин на основе марксистско-ленинской методологии определили ряд важнейших методов, которые, исходя из теории научного коммунизма, должны использоваться при исследовании внешнеполитических проблем.

К ним относится отражение политической динамики и анализ соотношения сил — как фактора формирования политических отношений; затем выявление конкретных социальных факторов, оказывающих непосредственное влияние на политический процесс¹⁷. Это тем более необходимо, что каждый международный кризис характеризуется в пределах общих типовых особенностей — индивидуальными чертами, которые проявляются в его происхождении и характере, структуре и фазах его развития. Отсюда вытекают и более конкретные задачи, решение которых необходимо для раскрытия темы диссертации: показать динамику развития политических событий на Балканах, предшествовавших кризису 1885 г., и ее влияние на развитие событий, вскрыть причинно-следственную связь отдельных этапов развития конфликта.

Необходимость изучения данной проблемы вызывается и тем обстоятельством, что этот вопрос, важный для исследования развития Балкан, а также для изучения роли великих держав в становлении молодых балканских государств, недостаточно освещен в советской и зарубежной литературе.

Советские историки касались ее лишь в обобщающих трудах, посвященных истории Болгарии или Сербии, или истории международных отношений. В связи с этим, автор считает необходимым в историографической части данной диссертации остановиться на рассмотрении некоторых исследований как советских, так

---

¹⁷ Бурацкий Ф., Галкин А. Политика, социология, международные отношения. М., 1974. С. 33–34.

и зарубежных авторов, которые хотя и не рассматривают прямо Балканский кризис 1885 года, но так или иначе касаются его. Из работ досоветского периода можно отметить работы И.С. Иванова «Сербия и Болгария со времени Восточно-Румелийского переворота 6 сентября 1885 года»¹⁸, А.Терехова «Исторический очерк движения России на Балканский полуостров»¹⁹, А.Ф. Бендерова «Сербо-болгарская война 1885 года»²⁰ и Е. Анго «Соперничество на Балканах»²¹. Исследование А.Ф. Бендерова, командовавшего во время войны одним из соединений болгарской армии, посвящено, в основном, разбору военных действий. Но в отличие от работ других военных историков в книге А.Ф. Бендерова содержится много документов: приказы верховного главнокомандования, донесения, свидетельства других офицеров. Особенно важно, что автор опубликовал подлинные документы, свидетельствующие о деятельности князя Баттенберга до начала военных действий и в ходе решающего боя под Сливницей. Появление этих важных документов стало возможным из-за резко отрицательного отношения к князю русского правительства. А факт их достоверности подтверждается другими источниками. Автор исследования в предисловии дает краткий очерк политического положения в Болгарии в то время и отношений между балканскими странами. Он считает, что войну развязал сербский король Милан, так как не получил требуемой компенсации за воссоединение Болгарии. Данное исследование ценно, в первую очередь, своей документальностью, а не историческими выводами.

---

¹⁸ *Иванов И.С.* Сербия и Болгария со времени Восточно-Румелийского переворота 6 сентября 1885 г. Одесса, 1886.

¹⁹ *Терехов А.* Исторический очерк движения России на Балканской полуостров. СПб., 1888.

²⁰ *Бендерев А.Ф.* Сербо-болгарская война 1885 г. СПб, 1896.

²¹ *Анго Е.* Соперничество на Балканах. (Чем пользуется Австрия?). СПб., 1912.

Вопросы истории международных отношений нашли свое отражение во многих общих трудах по истории XIX – начала XX в. Среди них наиболее полезным для диссертанта было исследование С.С. Татищева «Из прошлого русской дипломатии»²². Будучи сторонником русско-французской ориентации, Татищев в своей работе подвергает критике протагонистов политики русско-германского союза и особенно министра иностранных дел России Н.К. Гирса, сообщая при этом некоторые важные сведения, характеризующие стиль работы как самого министра, так и русских дипломатических представителей.

В советской исторической литературе проблемам Юго-Восточной Европы в 80-х годах, к сожалению, уделялось явно недостаточное внимание. Самому Балканскому кризису 1885 г. в лучшем случае уделялось несколько строк в общеисторических работах.

У истока советской историографии стоит интересная, хотя и небольшая по размерам книга Л. Владимирова «Балканы и война»²³. Автор прекрасно справился со своей задачей – выяснить роль иностранного капитала и степень подчинения ему балканских стран. Убедительно, на богатом цифровом материале рисует он картину подчинения экономики молодых балканских государств австрийским и германским капиталам, что и определило внешнеполитическую ориентацию данных стран. Через десять лет после издания книги Владимирова в советской исторической науке появилась монография Сергея Даниловича Сказкина «Конец австро-русско-германского союза»²⁴. Этот фундаментальный труд и сейчас остается единственным, рассматриваю-

---

²² Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890.

²³ Владимиров Л. Балканы и война. Петроград, 1918.

²⁴ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1928 (далее цитируется по 2-му изд. М., 1974).

щим политические отношения России, Австро-Венгрии и Германии в восьмидесятые годы прошлого столетия. Точнее говоря, отношения великих держав, которые так или иначе принимали очень большое участие в Балканском кризисе 1885 г. Это показывает значение данной монографии для исследователя международных отношений на Балканах. С.Д. Сказкин с поразительной тщательностью и глубиной вскрыл основные проблемы европейской политики, проследил взаимоотношения трёх великих держав, без понимания которых невозможно приступить к изучению любой проблемы в Европе в последней трети XIX века, а тем более событий на Балканах.

События Второй мировой войны заслонили от историков балканские проблемы конца XIX века. Однако советские ученые, и в частности С.И. Сидельников и К.Л. Струкова, посвятили свои работы рассмотрению одной из важных балканских проблем: борьбе болгарского народа за воссоединение своей родины. С.И. Сидельников отразил в своей диссертации, написанной в 1946 г., борьбу болгарского народа за воссоединение восточной Румелии с княжеством Болгарии, начиная с 1878 г. и вплоть до официального признания Турцией этого воссоединения в 1886 г.²⁵ Следовательно, автор должен был затронуть и сам Балканский кризис 1885 г. Однако широкие хронологические рамки исследования не позволили ему сосредоточить свое внимание на интересующей нас теме. Сербско-болгарская война, её причины и международный аспект, связанный с ней, рассматриваются в одной главе, нет исчерпывающего анализа происходивших событий. Это объясняется, конечно, не только широким кругом вопросов, которые

---

²⁵ *Сидельников С.И.* Воссоединение княжества Болгарии и Восточной Румелии (1878–1886 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Харьков, 1946.

автор поставил перед собой, но, в первую очередь, отсутствием важнейших документов, которые в то время не могли быть использованы в диссертации.

Вторая диссертация на тему воссоединения Болгарии написана несколькими годами позже²⁶. Автор также ставил перед собой задачу показать борьбу болгарского народа за национальное объединение. При этом К.Л. Струкова значительно ограничила хронологические рамки своего исследования, что видно уже из названия работы. Это позволило ей детально проанализировать положение в Восточной Румелии и Болгарии, показать движущие силы движения за воссоединение. Убедительные доказательства поддержки Россией данного движения играют большую роль при исследовании всего Балканского кризиса 1885 г. и особенно при определении позиции России.

После Великой Отечественной войны советские ученые рассматривали международное положение на Балканах в восьмидесятых годах XIX в. в основном в общеисторических работах. И все же, несмотря на малочисленность исторических исследований, необходимо отметить один интересный на наш взгляд момент. В работах советских историков-балканистов, опубликованных в сороковых-пятидесятых годах, проавстрийская политика Милана объяснялась его обидой на Россию за Сан-Стефанский договор, а в отношении войны 1885 г. подчеркивалось, что Сербию на нее толкнула Австро-Венгрия. Причина такого шага со стороны двуединой монархии либо не указывается, либо говорится, что венский кабинет пошел на это с целью ослабить два молодых славянских государства. Этот взгляд особенно ясно прослеживается у В.М. Хвостова²⁷ в первом изда-

---

²⁶ Струкова К.Л. Воссоединение Южной и Северной Болгарии в 1885 году. М., 1952.

²⁷ История дипломатии. Т. 2. М., 1945.

нии «Истории дипломатии» и в работе Я.А. Демкова, в которой рассматривается политика Австро-Венгрии в данный период²⁸. При этом из поля зрения историков выпадали внутривосточные факторы, которые сыграли немаловажную роль во внешнеполитической ориентации молодых балканских государств и в развитии Балканского кризиса 1885 г.

Совершенно необоснован вывод советского историка Ф.А. Ротштейна, к которому он пришел в своей монографии «Международные отношения в конце XIX века»²⁹. Турция и Англия были возмущены, пишет он, нарушением Берлинского трактата. Россия также «была крайне возмущена и потребовала от Турции немедленно вмешаться вплоть до применения военной силы для восстановления законного порядка»³⁰. Исследования других советских историков и обнаруженные нами документы свидетельствуют, что Россия не только не требовала от Турции силой вернуть прежний порядок, но вообще с подобной просьбой не выступала. Петербург стремился устранить с престола князя Баттенберга, но не ликвидировать воссоединение Болгарии. Что касается Англии, то правительство этой страны, исходя из стремлений обратить Болгарию в своего союзника, не возражало против воссоединения. Причины внутреннего характера, вызвавшие сербско-болгарскую войну, в книге вообще отсутствуют.

При дальнейшем развитии советской исторической науки вышеназванные взгляды были исправлены. Так, советский историк-славист В.Г. Карасев в соответствующих главах, написанных им для таких фундаментальных работ как «История Югославии»³¹ и «История южных

²⁸ Демков Я.А. Австро-Венгрия в 1867–1974 гг. М., 1951.

²⁹ Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. М.; Л., 1960.

³⁰ Там же. С. 125.

³¹ История Югославии. М., 1963. Т. I.

и западных славян»³², подчеркивает несправедливый, захватнический характер сербско-болгарской войны 1885 г. для Сербии и отмечает, что король Милан пошел на этот шаг по внутривнутриполитическим причинам. Однако необходимость ограничиться общими положениями не позволили автору более глубоко исследовать взаимозависимость внешних и внутренних факторов, вызвавших Балканский кризис 1885 г. Все же, несмотря на это, две вышеназванные работы имеют большую ценность для исследователя, поскольку в них упоминается о внутривнутриполитических причинах, по которым король Милан пошел на войну с Болгарией.

Взаимоотношение Австро-Венгрии и России в последней трети XIX века и их влияние на балканские события рассматривает в своей диссертации Э. Палоташ³³. Но так как Э. Палоташ исследовал более поздний период, т.е. события, происходившие в конце восьмидесятых и в девяностых годах, то Балканский кризис рассматривается им лишь во вступительной части. Тот факт, что автор опирается при этом не на архивные документы, а на некоторые исследования югославских историков, объясняет отдельные неточности, содержащиеся в работе. В частности, автор считает, что политика министра иностранных дел Австро-Венгрии Г. Кальноки в период сербско-болгарской войны характеризуется лояльностью к деятельности русской дипломатии и осторожностью по отношению к Милану и его требованиям территориальной компенсации. Нельзя согласиться и с замечанием автора, что Россия стремилась ликвидировать плоды восстания в Восточной Румелии, т.е. восстановить прежнее положение.

---

³² История южных и западных славян. М., 1957.

³³ Палоташ Э. Австро-венгерско-русские связи. Рукопись диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. М., 1968.

В югославской литературе, как довоенной, так и после освобождения, данная проблема не нашла своего полного отражения. Более подробно события на Балканах в 1885 г. рассматривались в югославской историографии только С. Йовановичем. Его исследование касается в основном межпартийных отношений в Сербии с 1880 по 1890 годы³⁴. Автор недостаточно полно анализирует и учитывает влияние международного положения и особенно Австро-Венгрии на внутреннюю и внешнюю политику Сербии. Необоснован, на наш взгляд, вывод, что Австро-Венгрия не несет ответственности за развязывание военных действий в 1885 г.³⁵ Причину войны Йованович видит лишь в стремлении Милана восстановить равновесие на Балканах, нарушенное воссоединением обеих частей Болгарии, и не дать последней возможность присоединить Македонию³⁶.

В современной югославской историографии Балканскому кризису посвящена единственная работа, автор которой В. Вучкович³⁷. Надо отметить, что автор обширно использовал документы венских и берлинских архивов, неопубликованные письма Милана королеве Наталье, что, безусловно, повышает источниковедческую ценность данной работы. В. Вучкович стремился подробно проследить не только ход подготовки войны, но и связать отношения между странами-членами Тройственного союза с положением на Балканах. Однако отсутствие у автора документов, свидетельствующих о деятельности русского правительства, не позволило ему выполнить данную задачу. Фактически роль России в событиях 1885 г. осталась не раскрытой. В книге Россия

---

³⁴ *Йованович С.* Влада Милана Обреновича. Белград, 1934.

³⁵ Там же. С. 247, 249, 251.

³⁶ Там же. С. 222.

³⁷ *Вучковић В.* Дипломатска историја српско-бугарског рата (1885–1886 гг.). Београд, 1956.

упоминается лишь в связи с совместными акциями Тройственного союза. Неоправданно доверчивое отношение к документам венского архива и слабое использование документов сербского министерства иностранных дел не позволили автору вскрыть действительную степень виновности Австро-Венгрии в кризисе 1885 г. на Балканах. Австро-Венгрия, пишет Вучкович, сразу же после объявления воссоединения Восточной Румелии с Болгарией «решительно советовала Милану не объявлять войну Болгарии»³⁸. И лишь когда военные приготовления были в полном разгаре, венский кабинет посчитал, что нельзя «оспаривать право сербского народа и его короля... предпринять военные меры». Автор не говорит и о причинах, вызвавших Балканский кризис, ограничиваясь констатацией, что до него историки видели причину войны в стремлении сербского короля не допустить создания Великой Болгарии. Но этот взгляд, — подчеркивает Вучкович, — как видим, оказался необоснованным»³⁹. По нашему мнению, В. Вучкович не смог дать ответ на вопрос, в чем причина Балканского кризиса, потому что сосредоточил свое внимание лишь на дипломатической истории событий, непосредственно предшествовавших самой войне. Он оставил почти без внимания внутривнутриполитическое развитие страны и экономическое подчинение Сербии Австро-Венгрии.

Слишком доверчивое отношение к документам венского и берлинского архивов и некоторая недооценка документов югославских архивов привели к ошибочным выводам другого югославского историка — В. Чоровича⁴⁰. Рассматривая внешнеполитическую линию Сербии в исследуемый нами период, автор пришел к выво-

---

³⁸ Там же. С. 22, 24.

³⁹ Там же. С. 99.

⁴⁰ Чубрилович В., Чорович В. Србија од 1858 г. до 1903 г. Београд, 1958.

ду, что Вена не виновна в развязывании сербско-болгарской войны. Венский кабинет, пишет он, с пониманием относился к требованиям сербского короля о территориальной компенсации взамен признания воссоединения Болгарии, но не поддержал действия сербского правительства.

Вышедшая в Белграде в 1974 г. большая монография С. Скоко и П. Опачича⁴¹ во многом исправляет выше отмеченные недостатки. Это единственная работа, в которой прямо говорится, что война 1885 г. для Сербии была несправедливой, захватнической. Однако в книге неправильно, на наш взгляд, подчеркивается, что кризис 1885 г. вызван лишь австро-русскими противоречиями. Надо отметить также, что предпосылки войны и роль великих держав в монографии рассматриваются в общих чертах, что вполне объяснимо, так как перед авторами стояла другая цель.

Автор данной диссертации считает также необходимым остановиться на некоторых других работах югославских историков, которые на первый взгляд непосредственного отношения к теме не имеют, но в то же время без рассмотрения поднимаемых в них проблем подойти к раскрытию задачи, стоящей перед автором, невозможно. К таким работам относятся монографии, рассматривающие внутриэкономическое положение и межпартийные отношения в Сербии, авторами которых являются Д. Янкович, М. Вукоманович. Работа Н. Вучо⁴² посвящена экономической истории Сербии. В ней наглядно отражено экономическое проникновение иностранного капитала в страну и роль, которую он играл в экономическом развитии Сербии. Богатый фактический материал, содержащийся в данной работе, помогает при анализе экономического развития

---

⁴¹ Скоко О., Опачич П. Войвода Степа Степанович у ратовима Србије 1876–1918 гт. Београд, 1974.

⁴² Вучо Н. Привредна историја Србије. Београд, 1955.

Сербии. Югославские историки Д. Янкович и М. Вукоманович посвятили свои труды исследованию политической истории Сербии. М. Вукоманович в своей монографии дал наиболее полный анализ развития рабочего класса страны, профсоюзного и социалистического движения в Сербии⁴³. Автору данной диссертации эта работа во многом помогла разобраться в сложной взаимосвязи социалистического и радикального движения.

Внутриполитическое положение в Сербии исследует и Д. Янкович⁴⁴. Его труд имеет особую ценность для нас не только потому, что в нем скрупулезно рассмотрен вопрос о возникновении партий и их роли, но и потому, что Д. Янкович внимательно рассматривает влияние внутриполитических и экономических факторов на внешнюю политику Сербии. Это особенно ясно видно на примере анализа причин, приведших к проавстрийской политике Милана. Д. Янкович, в отличие от других видных югославских историков, таких как В. Чубрилович, В. Чорович, В. Вучкович, считает, что Сан-Стефанский договор не только не был единственной, но даже и не главной причиной, определившей внешнеполитический курс Сербии. Главную причину проавстрийского курса он видит во внутреннем положении Сербии, подчеркивая, что рост недовольства народных масс своим экономическим положением и антинациональной политикой самого Милана заставил последнего искать спасение в укреплении связей с Веней.

В болгарской буржуазной литературе существуют две работы, в которых рассматриваются отдельные аспекты Балканского кризиса 1885 г. Это «История сербско-

---

⁴³ Вукомановић М. Радничка класа Србије у другој половини XIX в. Београд, 1972.

⁴⁴ Јанковић Д. О политичким странкама у Србији 19 в. Београд, 1955.

болгарской войны 1885–1886 гг.» Ю. Венедиктова⁴⁵ и «Дипломатическая история сербско-болгарской войны 1885–1886 гг.» К. Крачунова⁴⁶.

Ю. Венедиктов, преувеличивая роль болгарского князя А. Баттенберга в борьбе за воссоединение Болгарии и его авторитет у болгарского народа, отмечает, что именно этот факт вызывал зависть сербского короля Милана, так как он не имел возможности объединить всех сербов. Милан подозревал, что объединение организовала Россия, и опасался, что это поднимет у сербов авторитет России, как опоры в их борьбе за национальное объединение, а значит, приведет к укреплению в Сербии противников проавстрийской политики короля. Это и явилось причиной протеста сербского короля и его борьбы за недопущение признания воссоединения. Всю вину за развязывание войны Ю. Венедиктов возлагает на сербского короля, отмечая, что Австро-Венгрия не поддерживала стремлений Сербии решить вопрос военным путем⁴⁷. К. Крачунов, твердый сторонник ориентации Болгарии на Англию, отмечая, что Сербию на войну толкнула Австро-Венгрия, стремился доказать полное отсутствие своекорыстных интересов на Балканах у Англии. Возвеличивая личные качества Баттенберга, автор специально замалчивал роль России в борьбе болгарского народа за свое освобождение.

В болгарской историографии специально вопрос о кризисе не рассматривался. В «Истории Болгарии», вышедшей в 1955 г., сербско-болгарской войне, её причинам и международным отношениям на Балканах в тот период уделяется небольшое внимание. Авторы правиль-

---

⁴⁵ *Венедиктов Ю.* История на сърбско-българската война 1885 г. София, 1910.

⁴⁶ *Крачунов К.* Дипломатическа история на на сърбско-българската война 1885–1886 г. София, 1921.

⁴⁷ *Венедиктов Ю.* Цит. соч. С. 2, 14, 22.

но отмечают большую зависимость Сербии от Австро-Венгрии, но причиной обострения обстановки считают стремление Милана расширить пределы королевства⁴⁸. Разбор международных отношений в этом районе Балкан практически полностью отсутствует. В изданной в 1962 г. «Истории Болгарии» академик Д. Косев (автор соответствующей главы) считал, что ещё со времени русско-турецкой войны 1877–1878 годов Милан стремился захватить часть болгарской территории и потому воссоединение было использовано им как повод для осуществления старых грабительских планов. Австро-Венгрия поддержала эти планы Сербии, так как считала, что военные успехи укрепят Милана на сербском престоле⁴⁹. К тому же война должна была, по мнению Вены, ослабить балканские народы и подчинить Болгарию её влиянию. Надо сказать, что на нескольких страницах, отведенных событиям 1885 г. на Балканах (это, безусловно, много, учитывая обобщающий характер книги), с особой тщательностью описывается ход сербско-болгарской войны, но почти ничего не говорится о политике России и Англии, что является недостатком данной работы.

А. Пантев, один из первых послевоенных болгарских историков, уделивший внимание некоторым важным международным аспектам балканского кризиса 1885 г., исследовал английскую политику на Балканах в 80-е годы XIX в.⁵⁰ Автор, несмотря на ограниченные размеры статьи, прекрасно справился со своей задачей. Оперируя множеством архивных документов, Пантев раскрывает те средства, с помощью которых Англия пы-

---

⁴⁸ Там же. С. 81.

⁴⁹ История на България. Т. 2. София, 1962.

⁵⁰ Пантев А. Политиката на Англия към съединението на княжество България с Източна Румелия // Известия на Института за история. 1967. Т. 19.

талась в своих целях использовать борьбу болгарского народа за национальное объединение и направить её против России. Полемизируя с некоторыми западными историками, Пантев убедительно доказывает влияние Англии на обострение конфликта между русским императором и болгарским князем. Обнаруженные им документы свидетельствуют о прямой попытке английского представителя диктовать болгарскому правительству направление внешней политики княжества и, в частности, каких отношений оно должно придерживаться с Россией.

Работа Н. Пенкова «Борьба болгарского народа против Берлинского договора и международное право»⁵¹, в которой разбираются события, рассматриваемые в данной диссертации, является, по сути, сжатым изложением событий этого периода. Бросается в глаза некритическое отношение исследователя к политике царской России. Основной упор автор делает на отношении сербского короля Милана и турецкого султана.

Наиболее объемной работой по Балканскому кризису 1885 г. является «История сербско-болгарской войны 1885 года», изданная коллективом авторов под общей редакцией проф. Й. Митева в 1971 г.⁵² Данная монография рассматривает в основном военную сторону конфликта, но в главах, посвященных разбору причин войны и внешнеполитических событий на Балканах, содержится анализ политики европейских стран. Авторы книги дали правильную, на наш взгляд, оценку политики Англии на Балканах и ее стремлению превратить Болгарию в орудие своей борьбы против России. Помимо этого, в книге доказано стремление австрийской и германской дипломатии не допустить укрепления отно-

---

⁵¹ Пенков Н. Борбата на българския народ против Берлинския договор и международното право 1878–1886 гг. София, 1968.

⁵² История на сербско-българската война 1885 г. София, 1975.

шений России с Болгарией. Особенно наглядно это видно во время Константинопольской конференции, где обсуждался вопрос о воссоединении Восточной Румелии с Болгарией. Однако следует отметить, что деятельность России освещена слишком схематично. В частности, книга не дает ответа на вопрос о позиции России в период подготовки сербского короля к войне и после заключения перемирия.

В 1975 г. в Софии вышла монография С. Димитрова и К. Манчева «История балканских народов 1878–1918 гг.»⁵³. Авторы книги правильно, на наш взгляд, считают, что одной из основных причин кризиса 1885 г. является стремление Милана укрепить своё положение на троне⁵⁴. Слишком ограниченные размеры главы о войне 1885 г. не позволили авторам конкретно проследить развитие балканских событий: неполно отражена деятельность России и Турции в развитии событий и почти совсем остался в стороне такой вопрос, как влияние Германии на балканские события того времени.

Таким образом, рассмотренные выше работы не дают представления о Балканском кризисе 1885 г., т.е. нет чёткого ответа на вопрос о причинах кризиса, не исследована роль великих держав как в период подготовки Сербии к войне, так и после нее в ходе переговоров о заключении мирного договора. Вопрос воссоединения Болгарии рассматривался историками в чисто страноведческом плане, а не как важное звено в цепи событий Балканского кризиса.

В связи с этим данная диссертация опирается, в основном, на архивные документы. К ним относятся, в первую очередь, документы бывшего русского МИДа, хранящиеся в Архиве внешней политики России в Моск-

---

⁵³ Димитров С., Манчев К. История на балкаските народи 1879–1918 гг. София, 1975.

⁵⁴ Там же. С. 143–144.

ве (АВПР) — ныне Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), бывшего министерства иностранных дел Сербии, хранящиеся в Архиве Союзного секретариата по иностранным делам СФРЮ (ССИП) в Белграде. Находящаяся в этих архивах дипломатическая переписка между министерствами иностранных дел и их дипломатическими представителями даёт исследователю солидную базу для работы. Эти источники позволяют проследить процесс подготовки войны и вскрыть действительную подоплеку деятельности ведущих европейских держав, дать некоторым важным событиям совершенно иное освещение, как например, переговорам короля Милана в Вене после провозглашения воссоединения Восточной Румелии с Болгарией, отношению России к воссоединению Восточной Румелии и Болгарии.

Изученные в этих архивах документы по их структуре можно разделить на:

1. Официальный актовъй материал, т.е. ноты и меморандумы;
2. Делопроизводственные, т.е. переписка министерства иностранных дел России и Сербии со своими представителями за границей.

Эти документы позволяют точно восстановить ход событий в рассматриваемый нами период. Донесения и депеши русских послов, инструкции, получаемые ими от министра иностранных дел России Н.К. Гирса, собранные в Архиве внешней политики России в фонде «Канцелярия». Документы укомплектованы по четкому хронологически-тематическому принципу. На полях донесений послов нередко встречаются пометы царя или министра, которые иногда являются важным источником, проливающим свет на тот или иной поворот в политике. К своим донесениям послы регулярно прилагали вырезки из газет страны их пребывания, что во многом облегчает исследователю работу по изучению материалов прессы.

В процессе работы в АВПР были просмотрены донесения русских послов и дипломатических агентов из Белграда, Софии, Константинополя, Вены, Лондона, Берлина, Парижа, Бухареста за 1882–1886 годы. Для изучения позиции России на Балканах очень важны также инструкции и годовые отчеты министерства иностранных дел России. В них намечены основные направления деятельности посольств, определены задачи русской дипломатии.

В отличие от Архива внешней политики России, работа в архиве Союзного секретариата по иностранным делам СФРЮ в Белграде представляет значительную трудность ввиду разрозненности находящихся на хранении документов. Они неупорядочены, лежат в отдельных папках. Так, несмотря на то, что существуют папки донесений сербских послов, важные письма и депеши могут находиться в других папках, где документы собраны тематически. В основном документы собраны по хронологическому принципу, но существование множества папок различной тематической направленности слишком затрудняет работу исследователя.

Основные документы в этом архиве по интересующей нас теме распределены по фондам «Извештај» («Сообщения») со своей нумерацией. Каждый номер соответствует городу, откуда послан документ. Так, нами просмотрены фонды под номерами от 1 до 8, в которых хранятся сообщения послов из Петербурга, Вены, Берлина, Константинополя, Софии, Афин, Парижа, Лондона. Существует также фонд «Телеграммы», где хранятся разрозненные сообщения, не вошедшие в вышеназванные фонды. Телеграммы, исходящие из министерства иностранных дел, собраны в специальный фонд. Многие документы, прямо относящиеся к сербско-болгарской войне, хранятся в нескольких папках, составляющих фонд «Рат» («Война»).

Несмотря на трудности чисто технического порядка, материалы, обнаруженные нами в этом архиве, позволили документально проследить деятельность сербского правительства и степень его ответственности за балканский кризис 1885 г.

Из дополнительных архивов следует упомянуть некоторые документы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), в фондах которого хранятся важные документы для исследования политики царской России в Болгарии в 1880-е годы, в частности, истории борьбы русского царя Александра III с болгарским князем Баттенбергом. При исследовании темы данной диссертации эти документы помогают выяснить причину отрицательной реакции Александра III на воссоединение Болгарии и объясняют подоплеку тех или иных шагов дипломатического представителя России в Болгарии.

Диссертант использовал материалы Государственного архива Сербии (ДАСПС), относящиеся к внутреннему положению в Сербском королевстве, в частности, циркуляры главы правительства местным органам власти о положении в стране, и др., документы Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИА) и Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ). Нам приходилось также прибегать к материалам общеизвестного много томного собрания германских дипломатических документов — «Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914», Bd. I–XL. Berlin, 1922. Но, памятуя о «крайней тенденциозности» подбора исторических документов в этом издании, автор ограничился их использованием в основном для перепроверки материалов, которыми он непосредственно оперировал.

ГЛАВА I

Международное положение в Европе в 1878—1885 гг.

Дипломатическое поражение России на Берлинском конгрессе 1878 г. имело непосредственным результатом обострение русско-германских отношений. Оказав поддержку Австрии, Бисмарк фактически приступил к созданию австро-германского союза, который должен был стать основой всей системы новых союзов Германии. Эта система должна была, по мнению канцлера, обезопасить Германию от держав, способных скорее других нарушить соотношение сил в Европе — Франции и России, а также нейтрализовать такие страны как Австро-Венгрия и Англия.

В прессе России в поисках виновников поражения поднялась кампания против Германии, и, в частности, против Бисмарка, обвиняя его в предательстве. Канцлер ответил встречной кампанией, подкрепляя её экономическими мерами, затруднившими экспорт русских сельскохозяйственных продуктов в Германию. Царское правительство, в свою очередь, ввело высокие пошлины на германские промышленные товары. Отношения между двумя государствами резко ухудшились. Развернувшиеся события показали Бисмарку сколь незначителен в России вес тех сил, которые выступают за укрепление связей с Германией. Это поставило канцлера перед необходимостью заключить союз с Австрией, с помощью которого можно было бы удержать равновесие сил в Европе. Русско-германские экономические противоречия не исчерпывались конкуренцией русского и прусского сырья и хлеба на германском рынке. Не менее, а, пожалуй, еще более острая борьба развернулась между

русским и германским капиталом за внутренний рынок России. Ухудшение отношений между господствующими классами Германии и России и явилось той почвой, которая облегчила германской дипломатии создание новой дипломатической комбинации огромной важности.

И все же Бисмарку для укрепления связей с Веной понадобилось прибегнуть к запугиванию самого императора Вильгельма «русской опасностью», убеждая его пожертвовать своими династическими связями с русским царём. Канцлер доказывал кайзеру, что установление более тесных связей двух монархов должно, в конечном итоге, заставить русского царя пойти на улучшение отношений с ними. Переговоры о заключении австро-германского союза завершились подписанием 7 октября 1879 г. секретного договора. Бисмарк, правда, хотел, чтобы союз был направлен как против России, так и против Франции, но Вена на это не пошла, и в результате договор предусматривал взаимную помощь Германии и Австро-Венгрии в случае нападения России на одно из этих государств. Если же в качестве нападающей будет другая держава и к ней не присоединится Россия, то стороны, подписавшие договор, должны были сохранять нейтралитет. Австро-германский союз, несмотря на внешне оборонительную форму, на деле являлся первым военным блоком, сложившимся в Европе в период перерастания капитализма в империализм.

Незадолго до заключения этого союза. петербургская газета «Голос», официоз министерства иностранных дел России, подчеркивала, что Союз трёх императоров можно считать несуществующим, его заменяет Союз двойственный⁵⁵. Но именно это и пугало Александра II. На записке посла России в Берлине Сабурова, который предупреждал, что «отношения с Германией

---

⁵⁵ Голос. 31 января. 1879.

двигаются к кризису более серьезному, чем мы склонны думать», царь приписал: «Вот этого-то я и боюсь»⁵⁶. Для России положение осложнялось еще и тем, что Берлинский конгресс ухудшил и без того натянутые отношения с Англией. Так как Россия своего флота в Черном море не имела, военный флот Англии продолжал оставаться на рейде в проливах и фактически господствовал там. Естественно, что это усилило позиции Англии в Турции.

«Настоящим хозяином в столице Турции стал уже не султан, а представитель Англии», — писал позднее военный министр России Д.А. Милютин в своих мемуарах⁵⁷. Английский флот оставался в том районе до середины 1879 г., а затем был перебазирован в восточную часть Средиземного моря, что не сняло опасности его появления в Черном море. В 1881 г. русское правительство приняло решение о строительстве черноморского флота. Он должен был по своей мощи превосходить турецкий и в случае необходимости доставить в Босфор одним эшеленом тридцатитысячный десантный корпус с артиллерией с целью перекрыть английской эскадре доступ к берегам России. Однако, понимая, что создать флот за один год невозможно, русское правительство стремилось найти политические пути для выхода из той изоляции, в которой она оказалась на Берлинском конгрессе. Для этого было необходимо отдалить от Англии ее вероятных союзников, прежде всего соратницу Англии на Берлинском конгрессе — Австро-Венгрию, оторвать Турцию от Англии и продвинуть сухопутные войска ближе к проливам, пока будет строиться флот.

Первую из этих задач Петербург рассчитывал решить возобновлением соглашения трех императоров. Им

---

⁵⁶ Русско-германские отношения 1873–1914 гг. // Красный архив. Т. 1. С. 65–67.

⁵⁷ Милютин Д.А. Дневник. Т. 3, М., 1950. С. 40.

же отчасти предполагалось решить и вторую задачу, а третью — путем укрепления русского влияния в Болгарии и организации болгарской армии под руководством русских офицеров. Но и этот вопрос самостоятельно Россия решить не могла. «Болгарский вопрос — тонкий, и никакое решение не будет принято, пока не будет достигнуто соглашение с Бисмарком», — писал министр иностранных дел России Н.К. Гирс послу в Берлине Шувалову⁵⁸. Отсюда видно, что решение и этой проблемы во многом зависело, как считал Петербург, от отношений в монархическом треугольнике. В этих направлениях и развивалась внешнеполитическая деятельность России в начале 80-х годов XIX века.

К счастью для Петербурга англо-турецкий союз по-могла разрушить сама Англия. Захват ею в 1882 г. Египта оттолкнул от неё султана, т.к. ему стало ясно, сколь ненадежно обещание Лондона проводить политику «сохранения» Османской империи. Русское правительство сразу же выступило на стороне турецкого правительства. В инструкции А.Б. Лобанову-Ростовскому министр иностранных дел России предельно четко изложил позицию Петербурга. «Турция ослаблена последней войной, — писал он. — Она хочет сохранить остаток своих владений, укрепив свою власть в исламской империи... Политика двух западных держав (Англии и Франции) пытается завершить ее расчленение. Мы не имеем никакого интереса оказывать этому содействие»⁵⁹.

Учитывая финансовые трудности Турции, Горчаков в инструкции Лобанову просил сообщить великому визирю о готовности Петербурга помочь освобождению Порты от иностранного влияния. Но усилия Петербурга расширить каналы экономического проникновения

---

⁵⁸ Из рукописи книги «Восточный вопрос во внешней политике России XVIII–XIX вв.», разд. II, гл.4, автором которой является Н.С. Киняпина.

⁵⁹ Там же.

России в Турцию, поддержанные русским посольством в Константинополе, были малоэффективны. Аграрная Россия не могла противостоять натиску Западной Европы. Из общего экспорта товаров европейских держав в Турцию за 1878–1880 годы, равного в стоимостном выражении приблизительно 27,5 млн турецких лир, доля России составляла 1,8 млн лир, Англии — 11,8 млн лир, Франции — 5,8 млн лир, Австрии — 3,1 млн лир. Несмотря на неудачную попытку экономического сближения Турции, Россия все же продемонстрировала султану свою готовность помочь ему в случае политического противоборства Турции с Англией. Этот факт, а также непосредственный нажим Петербурга, оказанный им путем задержки эвакуации русских войск из Турции, побудили турецкое правительство подписать 8 февраля 1879 г. в Константинополе мирный договор с Россией.

Этот документ установил, что условия Берлинского трактата заменили те статьи прелиминарного Сан-Стефанского договора, которые были отменены или заменены на Берлинском конгрессе, но остальные условия Сан-Стефанского договора заменялись Константинопольским договором. В частности, Турция обязывалась выплатить России почти 850 миллионов франков. Эта статья имела не столько финансовое, сколько политическое значение, так как неспособность Турции выполнить финансовые обязательства открывала России возможность влиять на политику Османской империи. Первые плоды улучшения отношений появились вскоре же: султан, идя навстречу русским пожеланиям, обещал не вводить свои войска в Восточную Румелию, на что имел право по условиям Берлинского трактата. Таким образом, после ухода из этой области русских войск, там в качестве единственной вооруженной силы оставалась местная милиция. Это сыграло важную роль при объединении Восточной Румелии с Болгарией.

Одновременно с принятием мер по сдерживанию Англии и улучшению отношений с Турцией, русская дипломатия направляла свои усилия на возобновление Союза трех императоров. Но, начиная этот зондаж, в Петербурге не знали, что Бисмарк и сам уже искал благоприятной для себя возможности связать Австро-Венгрию и Россию с тем, чтобы Германия могла оказывать влияние на их политику⁶⁰. При этом надо также учитывать, что хотя экономические предпосылки для установления тесной дружбы этих трех стран были малоблагоприятными, но и экономический антагонизм между ними не был настолько силен, чтобы преодолеть политическую необходимость союза. А для германского канцлера подобная необходимость созрела уже вскоре после подписания австро-германского договора в 1879 г. «Нам нельзя допустить, чтобы мы остались в полном одиночестве между Россией и Францией, имея рядом поверженную и брошенную нами на произвол судьбы Австрию», — писал Бисмарк в сентябре 1878 г. Эти его слова показывают широкий аспект политики Германии в 1870–1880-е гг. В дальнейшем он пытался связать всех своих возможных противников с Россией — это поставило бы Англию и Германию в зависимое положение от более мощного партнера, но главное, при таком варианте едва ли можно ожидать решения немецкого национального вопроса в пользу прусской гегемонии в Германии. Следовательно, новое объединение трёх держав в один союз, не разрушая при этом более тесного военного союза с Австрией, для Бисмарка стало уже необходимостью. Договор, возобновлявший «священный союз», был заключен 18 июня 1881 г.

Новый договор не являлся военным пактом наподобие германо-австрийского, а был лишь соглашением о

---

⁶⁰ О перипетиях заключения данного союза см. подробнее: *Сказкин С.Д.* Конец... С. 157–197.

нейтралитете, так как три страны обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае, если одна из них окажется в состоянии войны с четвертой великой державой. Иными словами, Россия обязывалась перед Германией соблюдать нейтралитет во франко-германской войне, а Германия и Австро-Венгрия гарантировали то же самое на случай войны России с Англией. Партнёры по Союзу обязывались также придерживаться нейтралитета в случае войны с Турцией, однако при условии, что между ними будет предварительно заключено соглашение о результатах этой войны. Эта оговорка обеспечила прежде всего уважение интересов Вены при возможном изменении действующего русско-турецкого соглашения. Немаловажное значение для развития дальнейших событий и прежде всего тех, которые развернулись в середине восьмидесятых годов, имела вторая статья договора о возобновлении Союза трёх императоров. В ней подчеркивалось, что все три участника союза «дают взаимное обещание в том, что какие-либо изменения в территориальном статусе в Европейской Турции могут произойти не иначе, как по их взаимному соглашению». Договор, по настоянию России, предусматривал обязательный характер принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл для военных кораблей. Это означало, что Берлин и Вена поддерживают стремление России не допустить ввода английского военного флота в эти проливы и в Чёрное море без согласия на то других стран, а не одного лишь султана, как хотела Англия. Более того, Турция была предупреждена, что в случае нарушения ею этого положения она будет находиться в состоянии войны с той страной, в ущерб которой это будет сделано и лишится преимуществ территориальной неприкосновенности, вытекающих из Берлинского трактата.

При анализе основных вопросов исследуемой темы важное значение имеет, протокол, конкретизировав-

ший вторую статью данного договора. За Австро-Венгрией сохранилось право на аннексию Боснии и Герцеговины, но, что самое главное, — три державы обязывались не допустить занятия турецкими войсками Восточной Румелии и Балканского хребта. Более того, три державы соглашались «не противиться возможному соединению Болгарии с Восточной Румелией... в случае, если бы этот вопрос был выдвинут силою вещей».

Однако участники договора обязались «отклонять болгар от всяких агрессивных действий по отношению к соседним провинциям и объявить им, что в подобном случае они действовали бы на свой страх и риск». Добившись заключения данного союза, Петербург на какое-то время стал спокойнее относиться к европейским проблемам, имея возможность сосредоточить своё внимание на борьбе с Англией в Азии. Царь и его советники, и в первую очередь министр иностранных дел Гирс, считали, что они данным договором не только обеспечили России прочный тыл в случае англо-русских столкновений, но и при посредстве Бисмарка смогут активнее влиять на политику венского кабинета. И эта их уверенность особенно ясно проявилась в столь частом обращении Петербурга к Бисмарку за посредничеством во время событий, разыгравшихся в конце 1885 г. Договор трёх императоров, внешне продемонстрировав полное единство действий стран его подписавших, на деле к этому не привел. Он не устранил противоречий между Веной и Петербургом и не уменьшил подозрений двух союзниц-врагов: Австро-Венгрии и России. Для Австрии и России значение Союза трёх императоров должно было проявиться, в первую очередь, в балканских делах. Для России утвердиться на этом полуострове — значит обеспечить путь к проливам. Для Австро-Венгрии Балканский вопрос всегда, а к концу XIX века в особенности, был связан с жизнью и смертью, ибо экономический интерес притягивал австро-

венгерскую буржуазию к балканскому рынку, но страх перед возможностью раствориться в славянской среде накладывал сильный отпечаток на политику этой страны и на отношения с Россией. «У Австрии хороший аппетит, но плохое пищеварение», – в этих словах Бисмарка суть политики Вены. Иначе говоря, австро-венгерское правительство стремилось к экономической аннексии, но боялось превратить ее в политическую.

Руководимая в течение полутора десятка лет (1881–1895 гг.) графом Густавом Кальноки австро-венгерская политика, была направлена на обеспечение политического влияния и экономической гегемонии двуединой монархии в малых странах Балканского полуострова при сохранении территориального статус-кво и целостности Турции. Потому отказ от новых территориальных притязаний принудил австро-венгерскую дипломатию ограждать балканские интересы монархии другими средствами. Такой цели могли служить, в частности, коммерческие преимущества на основе неравноправных торговых договоров с балканскими странами или знаменитые планы постройки новых железнодорожных линий и т.д. В силу этого положения, Австрия вынуждена была поддерживать в странах национального возрождения наиболее реакционные слои, о чем яснее всего свидетельствует политика в Сербии (подробнее об этом речь пойдет ниже). Не имея возможности подчинить себе остальную часть Балкан, и в частности, Болгарию, Вена всячески пыталась подтолкнуть там борьбу с русским влиянием. В свою очередь Россия, как соперница Австрии, пользовалась симпатиями патриотов в Западной части Балкан. В результате, интересы каждой из двух держав охватывали весь полуостров. Но как ни велики были успехи австрийцев на Балканах, трудности, которые они встретили при оккупации Боснии и Герцеговины, и растущая оппозиция их влиянию в Сербии ясно указывали, что всякий даль-

нейший шаг Австрии будет наталкиваться на всё большее сопротивление и облегчать русским работу, направленную на подрыв австрийского влияния⁶¹.

Настороженность и постоянное ожидание друг от друга враждебных актов — вот что характеризует отношения этих двух держав и после заключения Союза трёх императоров. Иллюстрацией тому является заключение австро-румынского договора. В Вене, разумеется, видели, что для обеспечения более прочной связи с Болгарией Россия заинтересована в политическом подчинении Румынии и поэтому австро-венгерское правительство считало для себя жизненно важным делом обеспечить в Румынии свое влияние и тем самым не допустить зависимости этой страны от России. В свою очередь Румыния, обиженная потерей Бессарабии, желала возврата России к полике Сан-Стефано. Поэтому Австро-Венгрия и Румыния в октябре 1883 г. заключили договор о взаимопомощи, к которому присоединился Бисмарк. Договор предусматривал взаимное оказание помощи в случае войны с Россией. Другим примером служит Тимокское восстание. Оно показало всем, сколь трудно было удержаться правительствам в Вене и Петербурге на позиции лояльности в отношении друг к другу. Взаимные обвинения так и сыпались: из Австро-Венгрии — что восстание инспирировано Россией; та в свою очередь подозревала Австро-Венгрию в искусственном создании такой обстановки, которая позволит Вене вмешаться и продвинуться дальше на Балканы. Петербург решил воспользоваться предложением Бисмарка о продлении Союза трёх императоров, так как в 1884 г. истек срок его действия. Русское правительство поэтому отнеслось к этому предложению весьма сдержанно и не торопилось приступать к переговорам, решив вначале добиться прекращения антирусской дея-

---

⁶¹ Там же. С. 250.

тельности Австрии в Болгарии. Бисмарк, несколько встревоженный таким оборотом дела и не поддерживая, как он выразился, излишнее заступничество Вены за Баттенберга, предложил Вене и Петербургу заключить соглашение о разделе сфер интересов на Балканах. Но Кальноки был против этого плана, так как, во-первых, он не верил, что в Сербии, которая должна была быть узаконена как сфера влияния Австрии, прекратится русофильская пропаганда; а, во-вторых, он сам не хотел отказываться от борьбы за Болгарию как союзника против России. Но и Александр III не хотел «отдавать» Сербию. Таким образом, обе стороны не теряли надежды на установление своего господства на всем Балканском полуострове. Бисмарк отказался от своей идеи, видя её бесперспективность. Но нового взаимоприемлемого варианта выработать не удалось. Было решено, что Гирс и Кальноки проведут заключительные переговоры. Обе державы не хотели отказываться от продления срока Союза, так как им это было не выгодно, и потому 15 (27) марта 1884 г. в Берлине был подписан сроком на три года договор между тремя великими державами, повторявший все основные статьи соглашения 1881 г. Но новый договор, опиравшийся преимущественно на династические и монархические принципы, не мог внести изменения в политику Австро-Венгрии и России. Балканский вопрос так и остался для них яблоком раздора.

И здесь вновь, как бы замыкая круг главнейших политических задач, стоящих перед Россией и требующих неотложного решения, на первый план выступила задача политического подчинения Россией Болгарии. России Болгария нужна была уже не только как территориально наиболее близкий регион к проливам, но и как заслон против распространения австро-венгерского влияния на весь полуостров. Урегулирование оставшихся нерешенных вопросов, связанных с исполнением

Берлинского трактата, стало ещё более затруднительным. При этом царь опирался на то, что болгарский народ, оказавшийся волею ведущих государств Западной Европы разделенным на два княжества — Болгарию и Южную Болгарию (далее — Восточная Румелия), по-прежнему с большой симпатией относился к России, видя в ней своего освободителя. Искусственное разделение болгарского народа, угроза восстановления турецкого владычества в Восточной Румелии дали толчок новому подъёму национально-освободительного движения, движения за воссоединение обеих частей страны. О том, что европейские правительства, несмотря не на что, не смогут предотвратить объединение Болгарии, хорошо понимали и некоторые министры царского правительства и, в частности, военный министр Д.А. Милютин. «Начатое нами дело несомненно довершится самою силою вещей, — писал он в своих мемуарах. — Каковы бы ни были теперь поставлены европейской дипломатией ограничения в самостоятельности Южной Болгарии, какие бы тесные границы не были ей назначены, можно иметь уверенность в том, что образуемая ныне на Севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения всего болгарского народа в самостоятельное государство⁶². В связи с этим русский военный министр, имея к тому же возможность влиять на внешнюю политику страны, добился согласия правительства на разрешение тайных поставок оружия в Восточную Румелию, которое использовалось для укрепления национальной милиции. Значительное его количество шло в создаваемые добровольческие дружины. Эти поставки продолжались вплоть до середины 1885 года⁶³.

⁶² Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. С. 68.

⁶³ ЦГВИА. Ф. 430. Д. 165. Переписка военного министра России с русскими консулами в Болгарии и с командующим Одесским военным округом.

ГЛАВА II

Сербия и Болгария накануне Балканского кризиса 1885 г.

Король Сербии Милан I Обренович

§ 1. Внутренняя и внешняя политика короля Милана в первой половине 80-х годов XIX в.

Конец XIX в. в Сербии — это период становления в условиях аграрной страны капиталистического способа производства. Австро-Венгрия, несравненно более высокоразвитая в экономическом отношении, чем соседняя с ней Сербия, именно в этот период все сильнее подчиняла себе экономику молодого государства. Эта экономическая зависимость, приведшая к политической, является одной из характерных черт развития Сербии после достижения полной независимости от Турции в 1878 г. и до начала XX в. Проавстрийская политика династии Обреновичей способствовала превращению Сербии в аграрно-сырьевой придаток двуединой монархии. Используя ненависть сербского народа к Турции и личные качества Милана Обреновича, Австро-Венгрия упорно добивалась своей цели — полного подчинения Сербии, как в экономическом плане, так и в политическом.

Данный процесс подчинения исподволь начался ещё до получения Сербией независимости. Австрия уже тогда, пользуясь большими льготами, активно проводила экспансионистскую политику. Торговый договор между Портой и Австрией, заключенный в 1862 г., хотя официально и повышал таможенную пошлину для австрийских товаров, продаваемых на территории империи, с 3% до 8%, практически не изменил положения, так как в специальном разделе стояла оговорка, согласно которой новые тарифы не распространялись на товары, продаваемые в некоторых турецких провинциях, в том

числе и в Сербии. Правда, еще в 1843 г., благодаря укреплению роли зарождавшейся торговой буржуазии Сербии, княжество получило разрешение на обложение налогами иностранных купцов, ставя их тем самым в те же условия, как и отечественных. Но на практике подобные действия часто вызывали протесты австрийцев, и в дело вмешивался турецкий визирь, принимавший чаще всего сторону иностранных купцов.

Австрийская буржуазия использовала свое географическое положение и тот факт, что Сербия с востока, запада и юга была, окружена государствами той же экономической структуры и, следовательно, вынуждена была развивать свои торговые отношения в первую очередь с Австрией. В начале 1880-х годов до $\frac{2}{3}$ сербского экспорта, основной статьёй которого являлась продукция сельского хозяйства, направлялось в двуединую монархию, которая по более высоким ценам перепродавала эти товары в промышленно развитые страны, а в Сербию поставляла свою промышленную продукцию. Естественно, что австрийская буржуазия стремилась оставить Сербию на уровне сельскохозяйственной страны и рынка для своих товаров. Торговая буржуазия Сербии не могла противиться подобной политике экономического подчинения, к тому же некоторые наиболее крупные скотопромышленники и землевладельцы получали от австрийских капиталистов проценты за посредничество в оптовой торговле и не были заинтересованы в борьбе за экономическую независимость. Австрийские кредиты, предоставляемые династии Обреновичей и крупной буржуазии Сербии, привели к тому, что большая часть сербского государственного долга, к началу XIX в. исчисляемого в 522 млн динаров, причиталась Австро-Венгрии. Для того, чтобы получить более яркую картину о размерах финансового разорения страны, можно привести сравнительные дан-

ные о росте государственного долга европейских стран и Сербии в 1870–1890 гг.⁶⁴

Страны	Государственный долг	Задолженность на 1 жителя
Пруссия	возрос в 3,8 раза	выросла в 3,2 раза
Франция	возрос в 2,3 раза	выросла в 2,1 раза
Россия	возрос в 2,2 раза	выросла в 1,6 раза
Австро-Венгрия	возрос на 4%	по Австрии на 21% по Венгрии на 64%
Англия	уменьшился на 13,5%	уменьшилась в 27%
Сербия	увеличился в 12,5 раз	увеличился в 8,8 раз

Только за 10 лет, с 1877 г. по 1887 г., государственный долг Сербии австрийской буржуазии возрос с 27 миллионов динаров до 277 миллионов, а уплата процентов и погашение кредитов с 825 тысяч до 16 млн динаров в год⁶⁵. За пять лет после получения Сербией независимости дефицит торгового баланса страны с 27 млн динаров увеличился до 34 млн динаров.

Первоначальное накопление капитала и экспроприация земли разорвали в первую очередь основную массу сельскохозяйственного населения. В XIX веке Сербия была страной с ярко выраженным мелкособственническим укладом. Так, к 1889 г. 72,6% владельцев земли имели наделы до 5 га. Скотоводство стало постепенно уступать место земледелию⁶⁶.

⁶⁴ Таблица составлена на основании данных, приведенных В.Л. Глебовым в книге «Капиталистический путь развития слаборазвитых стран». Новосибирск, 1970. С. 19–20.

⁶⁵ Глебов В.Л. Цит. соч. С. 28.

⁶⁶ Вучо Н. Цит. соч. С. 182.

Учитывая недостаточную емкость сербского рынка, продукция земледелия шла за границу, прежде всего в Австро-Венгрию. К 1884 г. 86% стоимости сербского экспорта приходилось на торговлю с этой страной. Увеличение торгового и платежного дефицита, рост военных закупок, на которые уходило до 20% бюджета, разбазаривание национальной казны на личные нужды Милана уже в начале 1880-х годов привели к резкому увеличению налогов. Если в 1879 г. на каждого сербского налогоплательщика падало около 54 динаров бюджетных расходов, то в 1885 г. их было уже 92 (увеличение на 70%). Подобный рост бюджетных расходов и налогов обусловил и резкий рост цен. Это привело к тому, что в 1883 г. из 25 тысяч порезских душ — 10 тысяч имели задолженность, а к 1886 г. из каждых 14 хозяйств одно было распродано в связи с невозможностью уплаты налогов⁶⁷. Узость внутреннего рынка, сильная иностранная конкуренция и отсутствие необходимых капиталов привели к крайне медленному развитию промышленности даже и после обретения Сербией полной политической независимости.

К середине 1880-х гг в стране были построены лишь 4 новые фабрики: в 1878 г. в Белграде — фабрика по производству дорогого сукна, мощность оборудования исчислялась в 90 л.с., занятость 48 человек; в 1882 г. — фабрика шерстяных изделий, мощность оборудования 330 л.с., на которой работало 245 мужчин и 273 женщины; в 1884 г. — коксовый завод, занятость — 65 человек; работало несколько старых предприятий (Крагуевацкий государственный военный завод, несколько пивоварен), но все эти предприятия сколько-нибудь заметного значения в экономической жизни страны не имели⁶⁸. О трудностях в создании новых промышленных

---

⁶⁷ *Глебов В.Л.* Цит. соч. С. 28.

⁶⁸ *Вучо Н.* Цит. соч. С. 182.

предприятий свидетельствует хотя бы тот факт, что в начале 80-х годов была сделана попытка открыть суконную фабрику в Топчидере (предместье Белграда) для снабжения армии, но из-за нехватки капиталов и иностранной конкуренции она была закрыта и заказы переданы конкурентам во Францию. Не лучше дело обстояло и с развитием ремесленничества. Австрийский капитал, играя решающую роль в снабжении сербского населения изделиями легкой промышленности и такими необходимыми для промышленного развития товарами, как машины, металлоизделия и др., мог не только препятствовать производству этих товаров местной промышленностью, но и одновременно разорять сербских ремесленников, не способных выдержать конкуренцию с австрийскими фабриками. Эта конкуренция постепенно подтачивала устои цехов, защищавших ранее сербских ремесленников от иностранной конкуренции. С 1880-х гг. начинается упадок цеховой организации ремесленного производства и разорение ремесленников. Но стать промышленными рабочими они не могли ввиду неразвитости отечественной промышленности.

Берлинский договор 1878 г. предоставил Сербии право заключать договоры и соглашения с иностранными государствами, но до заключения таковых старые договоры оставались в силе, и, следовательно, в торговых отношениях ничего нельзя было менять. Молодая растущая сербская буржуазия после Берлинского конгресса начала открыто требовать экономической независимости от Австро-Венгрии. Именно этим фактом и объясняется заключение в 1880 г. договора о дружбе и торговле с Великобританией. Но он принес для Сербии обратный результат. Вена, ссылаясь на положение этого договора, стала требовать для себя больших льгот в обмен за увеличение сербского экспорта в Австро-Венгрию.

В результате усиленного нажима ей удалось 24 апреля 1881 г. заключить договор на выгодных условиях. Более того, размеры таможенных пошлин, которые были определены в этом договоре, стали эталоном и для других государств при определении размеров подобных сборов. Хотя договор определял размер таможенного тарифа в 8%, Австро-Венгрия нашла возможность обойти его, добившись для себя разрешения на торговлю с четырёхпроцентным тарифом в приграничных районах. Заключением торгового договора Австро-Венгрия добилась привилегированного положения на сербском рынке, и, самое главное, она получила еще большие возможности для контроля над развитием сербской промышленности.

Не упустили возможности венские, а также парижские банки использовать в своих целях постановление Берлинского конгресса о строительстве в Сербии железной дороги для связи оттоманской ветки с австрийской. Условия предоставления кредитов Сербии были выгодны в первую очередь кредиторам. Прибыли от железнодорожного строительства также шли в сейфы иностранных фирм. Все же строительство железных дорог обеспечивало сербской буржуазии определенную долю доходов и прежде всего от подрядов на производство работ и поставку местных материалов и рабочей силы. В 1881–1887 гг. в Сербии были построены две железнодорожные линии (первая вступила в строй в 1894 г.), общей протяженностью в 540 километров, которые обошлись в 90 879 тысяч динаров. Кроме того, почти 6 968 тысяч динаров было уплачено за подвижной состав и 29,4 тысячи динар за инвентарь⁶⁹.

Все эти деньги были обеспечены за счет займов, рассчитываться по которым приходилось сербским налогоплательщикам, что ухудшало и без того тяжёлое по-

---

⁶⁹ Глебов В.Л. Цит. соч. С. 20.

ложение беднейших слоев страны. Недовольство народа проводимой Миланом политикой было использовано военными кругами для увеличения военных расходов, а вооружение и снаряжение армии проводилось опять же иностранными фирмами. Вслед за торговым договором с Австрией последовало заключение сербско-австрийских конвенций о судоходстве, затем ветеринарной конвенции, по условиям которой венгерские скотопромышленники получили возможность регулировать сербские поставки скота. Это незамедлительно было использовано как средство для оказания политического давления.

Подобные дискриминационные акты вызвали недовольство мелкой буржуазии и крестьянства, так как они ощутимо затруднили сбыт сельскохозяйственной продукции. Чувствуя это, глава правительства либералов Й. Ристич предложил Милану пойти на крайние меры и потребовать пересмотра уже заключенных дискриминационных соглашений. Милан и крупная буржуазия, испугавшись, что в случае провала подобной попытки торговые и экономические отношения с могущественным соседом могут еще больше ухудшиться, категорически отказались от подобного предложения. К тому же, сам Милан давно уже тяготился правительством либералов, не без основания считая Ристича сторонником политики сближения с Россией. Используя это предложение Ристича, Милан отказался поддерживать дальнейшую политику правительства, и оно ушло в отставку. Была одна причина, по которой Милан решил заменить правящую партию другой: он считал, что либералы слишком спокойно относятся к нарастанию радикальных настроений и к деятельности недавно созданной радикальной партии. Начало этого движения приходится на конец 70-х — начало 80-х годов и вызвано общественно-экономическим положением того времени.

Медленное развитие капитализма в Сербии повлияло на темпы формирования рабочего класса и обусловило постепенное обострение классовых противоречий. От появления первых наемных рабочих в Сербии до их полного перерастания в рабочий класс потребовалось более полувека. Это было время образования всех основных характерных черт новой капиталистической общественной системы. Мелкая буржуазия, встретившись с сильной внутренней и внешней конкуренцией, а последняя была особенно сильна, прибегла к увеличению эксплуатации, стремясь последствия этой конкуренции переложить на плечи беднейших слоев общества. Значительное увеличение объема импорта промышленной и ремесленной продукции по торговому договору с Австрией 1881 г. особенно остро сказывалось на мелких ремесленниках. Начался процесс их ускоренного разорения, но это не привело к интенсивному созданию крупных капиталистических мастерских и фабрик, так как их открытию препятствовали австро-венгерские промышленники. Это обусловило появление как в городе, так и в деревне избытка рабочей силы. Разорение деревни увеличило число критически и радикально настроенных лиц, резко выступавших против короля и правительства. Подобные общественно-экономические процессы не могли не отразиться на развитии социалистического движения. Деятельность сербских социалистов в 1880-х гг. не могла получить особого размаха ввиду несоответствия общественно-экономических отношений, т.е. из-за отсутствия социальной базы — рабочего класса. Смерть крупнейшего представителя социалистического движения в Сербии Светозара Марковича, роспуск Первого Интернационала и отчасти ослабление международного рабочего движения — все эти факты тяжело отразились на социалистическом движении в Сербии.

После Марковича среди сербских социалистов не появилось личности такой силы и таких способностей, которая смогла бы с позиций исторического и диалектического материализма найти формы развития этого движения. Конец 1870-х – начало 1880-х гг. отмечается сильными идейными разногласиями среди последователей Марковича. Эти разногласия, а также социальная демагогия радикалов и их утверждение, что лишь они являются подлинными последователями учения С. Марковича, привели к тому, что народные массы оказывали всё большую поддержку радикалам, видя в них единственных своих защитников. Радикализм являлся движением международным, и его сторонники выступали защитниками буржуазного порядка и буржуазных институтов. Духовным отцом партии был Адам Богославлевич. Он и его группа, действовавшие на политической арене Сербии с 1874 по 1880 г., заимствовали у Марковича только лозунг борьбы с бюрократической системой путем учреждения общинного, уездного и окружного самоуправления. Внешнеполитическая программа радикалов требовала государственной независимости, освобождения и объединения сербов. Главной и единственной общественной силой при этом радикалы считали крестьянство. Активная пропаганда буржуазно-демократических политических требований и поддержка интересов мелких производителей в условиях развивающегося капитализма принесли в начале 1880-х гг. большую популярность вождям этой партии – Николе Пашичу, Перо Тодоровичу и Рана Милошевичу⁷⁰.

Единственной группой социалистов, которая в то время пыталась разоблачить буржуазный характер радикалов, была группа Миты Ценича. В газете «Радник» они вели борьбу с вождями радикальной партии, видя

---

⁷⁰ История Югославии. Т. I. С. 426.

в радикализме основное препятствие дальнейшему развитию революционных и социалистических сил Сербии. В своих статьях Ценич доказывал, что радикальная партия — это буржуазная партия, и ее требования политических свобод не затрагивают существа буржуазного общественного строя.

Таким образом, отсутствие организованного рабочего класса, с одной стороны, и все увеличивающееся обеднение крестьянства, стихийно искавшего выхода из своего тяжелого положения в мелкобуржуазном радикализме, с другой, привели к переходу большинства сторонников Марковича на сторону этого движения. Они приняли его за революционный процесс, т.е. произошло временное слияние социалистического движения с радикальным. На этой основе в 1881 г. была создана Радикальная партия.

Резкое падение после войны 1878 г. политического престижа либералов в народе из-за их отказа от проведения внутренних реформ, разногласие вождей этой партии (в частности, Ристича) по внешнеполитическому курсу страны с королем и быстрое усиление радикалов выдвинули на первый план в политической жизни Сербии Напредняцкую партию. Это была малочисленная группа, являвшаяся наследницей консерваторов и выражавшая интересы верхушки сербской сельской и торговой буржуазии. Именно ее решил использовать Милан как главную силу в борьбе с радикализмом. При его поддержке эта партия сумела продержаться у власти почти семь лет.

Югославский учёный Д. Янкович в своем исследовании о политических партиях в Сербии в XIX в. так характеризует отношения напредняков и Милана: «Ни один из сербских князей и королей не был столь тесно связан ни с одной из политических партий, как Милан с напредняцкой в период с 1880 по 1887 год. Считая рост прогрессивных общественных сил одинаково для

себя опасным, Милан и напредняцкая партия все теснее сближались до тех пор, пока по своим целям и методам не стали единым целым. Напредняцкая партия полностью впряглась в монархическую колесницу, без которой она не смогла бы существовать вовсе»⁷¹. В программе партии были пункты о свободе слова, о дальнейшем развитии торговли, но самым главным было положение о твердой приверженности монархии⁷².

Первый закон, принятый после прихода партии к власти, был о свободе печати, что свидетельствует о её поисках поддержки в стране. Закон, хотя и разрешил создание газет без предварительного одобрения, но предусматривал возможность закрытия любого органа печати «за нанесение оскорбления князю в любой форме и за призывы к бунту». Определял же наличие подобных оскорблений и призывов сам Милан⁷³.

Не добившись привлечения на свою сторону мелкой сельской буржуазии и не приостановив рост недовольства в стране, партийное руководство стало создавать и укреплять чиновничий аппарат. В связи с этим, только на проведение кампаний по замене судей и полицейских чиновников правительство выделило 150 тысяч динаров. Милан решил также, что пришло время устранить последненего сторонника сближения с Россией — митрополита Михаила. Для этого он дал указание правительству ввести налог на разные церковные отправления и на получение церковного сана, приравняв тем самым лиц, занимающих эти должности, с государственными чиновниками. Формально правительство имело право на подобный акт, но, принимая это решение, Милан был уверен, что оно вызовет резкий про-

---

⁷¹ Янкович Д. О политических партиях... С. 216.

⁷² Видело. 2 января 1880.

⁷³ Архив Сербии. Стенографские белешки о седницима Народне скупштине 1880–1881 гг. Часть первая. С. 994.

тест у митрополита. Так и произошло. И хотя конфликт можно было бы уладить, Милан воспользовался им для отстранения Михаила с поста митрополита. Михаил добровольно отправился в изгнание и в Софии обратился в русское генеральное консульство с просьбой разрешить ему поселиться в России. Петербург открыто высказал свое недовольство поступком сербского короля и послал Михаилу 10 тысяч франков, но дать разрешение на переезд из Болгарии в Россию ему не счёл возможным из-за боязни установления через Михаила связи «сербских радикалов с российскими бунтовщиками»⁷⁴. Приведенные ниже данные показывают масштаб перемен в государственном аппарате Сербии за время правления правительства либералов с 24 марта 1876 года по октябрь 1880 года и в течение одного года нахождения у власти Напредняцкой партии⁷⁵.

	Уволено на пенсию	Перемещено по службе	Уволено	Получило повышение
Правительство либералов	40	435	6	1487
Правительство напредняков	65	179	26	579

Назначение на ответственные должности лояльных чиновников и принятие закона о постоянной армии, который предусматривал увеличение офицерского состава и значительное повышение оклада офицерам укрепило власть напредняков. О взаимоотношении этой партии и Милана интересно впоследствии написал сам сербский монарх. В письме к М. Гарашанину в

⁷⁴ ЦГВИА. Ф. 430. Оп. 173 (3). С. 300–302.

⁷⁵ *Живанович Ж.* Политическая история... Т. 2. С. 188.

1887 г., занимавшему тогда пост главы правительства и лидера Напредняцкой партии, король подтверждал, что не столько они действовали для него, сколько он сам использовал их так, как ему было надо. «Семь лет я, как одержимый, боролся против всего своего народа за вас и партию, во главе которой вы стояли»⁷⁶.

Поправить экономическое положение новое правительство решило не за счет уменьшения австрийского господства, а путем введения косвенных налогов. Впервые в истории страны в 1880 г. был введен налог на спиртные напитки, табак, сахар, кофе. Затем, в 1882 г. установлен налог с промыслов и заработков. Сербия, вплоть до Первой мировой войны, была единственной страной в Европе, где облагалась налогом заработная плата. Один из немногих ученых, посетивших Сербию в 1880-х гг., бельгийский экономист Э. Лавеле писал: «Большой опасностью для Сербии мне представляются ее огромные расходы, по большей части непроизводительные и которые постоянно создают необходимость новых займов... Для их выплаты банкирам отдают в залог доходы от некоторых налогов и таким образом утверждают за ними право вмешательства во внутренние дела страны. Во всяком случае постоянное возрастание налогов должно вызвать недовольство в народе, которое постараются подавить силой»⁷⁷.

Увеличение налогов стало мощным аргументом для радикалов в их борьбе с правящей партией. 14 февраля 1882 г. газета «Самоуправа» опубликовала обращение к народу депутатского меньшинства — членов радикальной партии с просьбой поддержать оппозицию⁷⁸. В

---

⁷⁶ Цит. по: *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србиј XIX в. Београд, 1951.

⁷⁷ *Лавеле Э.* Балканский полуостров: [Путевые заметки]. М., 1889. Ч. II. С. 27.

⁷⁸ Самоуправа. 14 февраля 1882.

обращении отмечалось, что увеличение налогов и постоянные финансовые затруднения доказывают неспособность правительства вывести страну из трудного положения. Два внешнеполитических пункта обращения заслуживают особого внимания. «Мы не можем поддерживать правительство, — говорится в нём, — так как оно отошло от политики русского народа, но подчинило Сербию Австро-Венгрии. Мы требуем также уважать братские связи с Болгарией и все разногласия по транспортным и торговым вопросам устранить путём переговоров, заключив соответствующие договоры и соглашения. Вместо всего этого, Сербия заключила убыточный договор с Австро-Венгрией». Открытое требование полного пересмотра политики страны получило положительный отклик у народа. В некоторых районах Сербии прошли митинги в поддержку обращения, самым крупным из которых был митинг в Зайчаре с участием более 250 человек⁷⁹.

Напредняцкая партия в ответном обращении не смогла убедительно ответить на вопросы, поставленные радикалами и лишь прибегла к новому запугиванию болгарским князем Баттенбергом и стремлением Болгарии к расширению за счет Сербии. Не осталось незамеченным обращение радикалов и в Вене. Несмотря на предварительную договоренность, австро-венгерское правительство не разрешило провоз по своей территории закупленных Сербией новых винтовок системы «Маузер», опасаясь, что они попадут в руки радикалов.

Милан, видя нарастающее недовольство в стране его политикой и боясь, что Россия использует Карагеоргия для борьбы с ним, почти сразу же после заключения торгового договора с Австро-Венгрией заключил с ней без ведома скупщины Тайную политическую конвенцию. По условиям этого документа Сербия отказыва-

---

⁷⁹ Самоуправа. 25 февраля 1882.

лась от всяких претензий на Боснию и Герцеговину, от Новопазарджского санджака. Более того, Сербия без предварительного согласия Венского кабинета не могла вести переговоры и заключать какие-бы то ни было договоры с другими странами. За это Австро-Венгерская монархия обещала поддержать династию Обреновичей и оказать ей содействие при провозглашении сербского княжества королевством. Коронация Милана состоялась 22 февраля 1882 г. Этим актом Милан рассчитывал укрепить свой трон и авторитет не только в Сербии, но и на Балканах. Но титул короля не принес ему желаемых результатов. Недоверчивый и раздражительный, он был способен на кратковременные политические взлеты, после которых наступал период подавленности. Так произошло и на этот раз. Король испугался, что получив титул без одобрения русского царя, он тем самым еще больше ухудшил свое положение. Решив, что Черногория и Болгария — это плацдарм для ведения борьбы с династией Обреновичей, Милан вскоре после своей коронации послал резкие протесты князьям этих государств, обвиняя их в том, что они лично причастны к этой борьбе. Но основывался он лишь на аресте нескольких черногорцев, задержанных на территории сербского государства с запасом оружия, хотя результаты их допроса не подтвердили участия соседних государств в той деятельности, которую им приписывал Милан.

Чтобы исчерпать инцидент, Александр Баттенберг пригласил Милана на встречу с ним. Свидание состоялось в Рушуке, но трудно сказать, сколь результативным оно было, так как в день возвращения сербского монарха из Рушука на родину 11 октября на него было совершено неудачное покушение. Глава правительства М. Пирочанац сообщил королю, что результаты следствия ведут к официальным русским лицам, хотя на самом деле женщина, покушавшаяся на жизнь короля, упорно

утверждала, что она сделала это из чувства мести за своего супруга, казненного по приказу короля⁸⁰.

Приезд в январе 1883 г. в Цетине, столицу Черногории, князя Петра Карагеоргиевича для помолвки с дочерью черногорского князя Николая усилил у Милана боязнь переворота. Вена постаралась укрепить в Милане уверенность в том, что это одно звено в цепи событий по подготовке династического переворота. В связи с этим, министр внутренних дел М. Гарашанин в циркуляре, направленном окружным полицейским властям, писал: «И сейчас, когда Россия берет под покровительство свадьбу в Цетине, она руководствуется той же враждебной по отношению к Сербии и сербам политикой, которую так торжественно обнародовала в Сан-Стефано и которую Европа, к нашему счастью, хотя бы частично расстроила. Сегодня она пытается тихо добиться того, чего не смогла достичь открыто»⁸¹.

Милан послал своего доверенного человека Йована Мариновича в Петербург с задачей выяснить отношение России к династии Карагеоргиевичей. Министр иностранных дел России Гирс на прямой вопрос, заданный ему Мариновичем, заявил, что Россия «полностью равнодушна» к событиям в Цетине и в интересах европейского мира не собирается что-либо предпринимать против династии Обреновичей. И это отвечало действительности, ибо любая насильственная перемена могла вызвать резкое обострение в отношениях между Веной и Петербургом, что, в свою очередь, не могло не ухудшить положение России в Европе. Правда, Гирс столь же прямо обвинил Сербию в том, что она без консультации с Россией сделала поворот в сторону Австрии, что прежние отношения с Россией забыты, а, следовательно, до тех пор, пока Милан будет проводить

---

⁸⁰ Вучкович В. Цит. соч. С. 6.

⁸¹ Там же.

австрофильскую политику, Сербия не должна рассчитывать на помощь России⁸².

Но Милана больше интересовала цетинская свадьба, нежели условия Гирса об улучшении взаимных отношений. Поэтому по поручению Милана министр финансов Сербии Ч. Миятович встретился в июне 1883 г. с находившимся в Вене черногорским князем Николаем. Николай попытался уговорить сербского министра, что предстоящая женитьба его дочери служит в первую очередь интересам Обреновичей, так как перед разрешением на венчание он якобы потребовал от Петра Карагеоргиевича отказа от претензии на сербский престол. Но это объяснение тем более не удовлетворило сербского короля. Он понимал, что даже если такое условие и было поставлено, то оно вряд ли могло бы остановить не только Петра Карагеоргиевича, но и самого Николая в случае, если оба, а тем более Россия, решат совершить династический переворот в Сербии.

М. Гарашанин в новом циркуляре, разосланном по округам, отмечал, что черногорский князь в своих поступках руководствуется завистью и пользуется в своих враждебных Сербии действиях поддержкой России. Именно так, по предписанию Гарашанина, полицейские власти должны были разъяснить народу свадьбу в Цетине. Гарашанин, говоря о зависти, которую испытывал Николай, отчасти был прав. Провозглашение Милана королем Николай воспринял как личное оскорбление, ибо молодая династия Обреновичей тем самым показывала свое превосходство перед старой черногорской династией Петровичей. Николай прекрасно понимал, что свадьба явится сильным ходом по укреплению уверенности Милана в незыблемости своего трона. И он не ошибся.

---

⁸² *Јовановић С.* Цит. соч. С. 88.

Милан посчитал свадьбу открытым вызовом. Но самое главное, если раньше его уверенность в сохранении трона базировалась на Тайной конвенции как защите от всех внутренних и внешних врагов, то сейчас уверенность пропала. Яснее чем когда-либо ранее он увидел, что Сербия не стала бесспорной австрийской зоной влияния, и за нее еще ведется борьба между Австрией и Россией. Он стал обдумывать текст новой конвенции, которая еще прочнее привязала бы его к габсбургской монархии. Примерно через полтора года Милан предложит новые параграфы к Тайной конвенции, но пока объективные обстоятельства ему еще не давали возможности заняться разработкой своего предложения. Во-первых, никаких вещественных доказательств участия России, Черногории или Болгарии в подготовке покушения на него так и не было найдено, а во-вторых, доказать даже своим сторонникам, что свадьба в Цетине — это прикрытие стремлений к династическому перевороту, было невозможно. К тому же в стране назревали важные внутривнутриполитические события.

В 1883 г. должны были состояться новые выборы в скупщину. Правительство Пирочанаца предлагало изменить конституцию и создать в скупщине верхнюю палату. Милан менее всего желал ввести у себя парламентаризм. И если было невозможно установить режим личной власти, то по крайней мере он хотел оставить конституцию 1869 г., согласно которой парламент зависел от правительства, а не правительство от парламента. Резкое расхождение между ним и главой правительства Пирочанацем могло вызвать правительственный кризис, но их объединила общая угроза: радикальная партия выставила свой проект конституции, разработанный Н. Пашичем. Он предусматривал, что сербский народ суверенен в королевстве и является основой любой власти. Исходя из этого, следовало, что депутаты скупщины как представители народа могли принять за-

кон вопреки королевскому желанию. Если законопроект при первом голосовании был принят скупщиной, но отвергнут королем, то он представлялся депутатам для повторного голосования и в случае, если он вновь получал большинство голосов, то считался принятым. Конституция вводила многие новые нормы. Право короля увольнять министров в отставку изымалось. Постоянная армия ликвидировалась, к тому же без решения скупщины не могла быть объявлена даже частичная мобилизация. Административное устройство страны определялось по принципу самоуправления. Страна делилась на срезы и общины, органы власти в которых были избираемыми и подчинялись местной скупщине. Правительство могло запретить то или иное решение местных органов власти, но лишь на определенное время, и последнее слово по данному спорному вопросу принадлежало местной скупщине. Подобная конституция, естественно, пришлась не по нраву и королю, и правительству, которые лишались фактической власти.

Выборы, состоявшиеся в сентябре 1883 г., вызвали в стране большую политическую активность. Фактически это были первые выборы с организационно оформленными партиями, когда избиратели заранее знали к какой из партий принадлежит тот или иной кандидат. Борьба разгорелась между поддерживаемыми королем напредняками и радикалами, за которыми шли крестьяне. В органах печати конкурирующих партий не было недостатка во взаимной резкой критике. Радикалы открыто называли проводимую внешнюю политику антинациональной и предлагали создать балканский союз для борьбы с Австрией. Большую поддержку в народе радикалы получили за критику и торгового договора с Австрией, и чрезмерно больших государственных займов. В свою очередь, правящая партия при поддержке короля в предвыборной борьбе обвиняла радикалов в негосударственном подходе и стремилась использовать

все возможности для недопущения их к власти, смещая полицейских, начиная от окружных начальников до простых служащих, если они отказывались преследовать радикальных агитаторов. Незадолго перед выборами, например, свыше двух тысяч радикалов находились под арестом.

Министр внутренних дел М. Гарашанин, к которому Милан относился с подозрением за неэффективное ведение следствия по делу о покушении на короля, старался в этой кампании вернуть себе былое доверие. Он нисколько не смущался незаконностью своих действий и не скрывал, что стремится с помощью силы подавить всякую оппозицию. В ответ на преследования радикалы в своей газете публиковали все более острые статьи. В одной из них, автором которой был Милошевич, даже рекомендовалось оказывать отпор властям, не боясь, что они призовут на свою сторону армию. Если таковое произойдет, то драться и с армией, защищая свои права⁸³.

Из многих краев Сербии все чаще приходили сообщения, что крестьяне, находясь под влиянием агитации радикалов, не подчиняются властям. Особенно частыми различного рода протесты были в Восточной Сербии, в частности, в Зайчаре, где дело доходило до прямого столкновения военных с толпой крестьян, сообщалось и о вооруженных стычках.

7 сентября 1883 г. при необыкновенной активности населения состоялись выборы в скупщину. Уже в ходе выборов стало ясно: несмотря на фактический террор правительства, радикальная партия победила. Об обстановке, в которой проходили выборы, депутаты победившей партии постарались заявить при первом же удобном случае. В сообщении комиссии скупщины по регистрации депутатов и проверке их полномочий от-

---

⁸³ *Јовановић С.* Цит. соч. С. 106.

крыто говорится, что «полицейские и административные власти активно вмешивались в выборы, порой заставляли избирателей голосовать за лиц из правящей партии. Народ от полицейского давления пострадал и материально, и физически, а деятельность полицейских властей вышла за рамки законности, поэтому народ, избравший своих представителей в такой обстановке, надеется, что они найдут действительных виновников его бед»⁸⁴. Руководители радикальной партии вслед за этим заявили, что они готовы на законном основании взять власть. 20 сентября правительство ушло в отставку.

Во время выборов Милан находился с официальным визитом в Австро-Венгрии и Германии. Он вернулся в Белград уже после того, как стало официально известно о результатах голосования. В Вене сербскому королю без труда смогли внушить, что проигрыш правительственной партии — это новое доказательство антимонархической деятельности, а угроза радикалов «найти действительных виновников бед народа» — это открытый намек на династический переворот⁸⁵.

Прибыв в Белград, Милан принял отставку министров правительства и направил Пирочанцу открытое послание, в котором не просто признавал заслуги старого правительства, но и подчеркивал, что заключение ряда торговых договоров и консульских конвенций — это большая заслуга кабинета. «Эти акты, — писал он, — означали дальнейший шаг в укреплении независимости Сербии». Что касается внутренней политики, то и здесь Милан восхвалял достижения, но, не имея возможности обойти молчанием имеющиеся в этой области большие трудности, особенно ухудшение платежеспособности страны и рост прямых и косвенных налогов, он постарался найти им оправдание. «Ваше правитель-

⁸⁴ Николић М. Тимочка буна... 1883 г. Београд, 1954. Т. I. С. 1.

⁸⁵ Там же. С. 14.

ство, — говорится в послании, — первым поняло, что после Берлинского конгресса независимая Сербия не сможет развиваться дальше, не неся новые жертвы, не приблизившись во всех отношениях к тем, кто сердечно принял Сербию в свое содружество»⁸⁶.

Так сербский король ответил на требование изменить внешнеполитический курс и подчеркнул, что именно внешнеполитическая ориентация страны за последние два года его, как короля, устраивает более всего. После такого послания вряд ли кто-то уже мог сомневаться в том, что Милан передаст власть какой-либо партии, кроме напредняцкой. Новое правительство было поручено сформировать Н. Христичу, занимавшему ранее в течение многих лет пост министра внутренних дел. В новый кабинет не вошел ни один представитель имевшихся в стране партий. Сам Христич не только был беспартийным, но вообще отрицательно относился к созданию партий. Он хорошо понял для чего поставлен главой кабинета, и поэтому одним из первых правительственных актов после роспуска им скупщины стала инструкция полицейским властям о задачах, стоящих перед ними. Им запрещалось вступать в партию, требовалось полностью выполнять любые правительственные предписания, как бы они к ним ни относились, а к тем, «кто народ беспокоит», подходить строго и без колебаний использовать любые средства для наведения порядка⁸⁷. Кого подразумевал Христич, говоря о тех, «кто народ беспокоит», получателям данной инструкции было ясно.

«Самоуправа» так прокомментировала первые шаги нового главы кабинета: «Когда Никола Христич управлял государством, тогда не было конституции, когда появилась конституция — ушёл Христич. Новое появление Христича — это верный признак приготовлений к от-

---

⁸⁶ Самоуправа. 22 сентября 1883.

⁸⁷ Самоуправа. 6 октября 1883.

мене конституции». Главный комитет радикальной партии настолько был уверен в подготовке подобного переворота, что даже пытался припугнуть Христича. «Народ пока спокоен, но недоволен своим положением и если и дальше будете разрушать надежды народа, то это приведет к опасным последствиям»⁸⁸.

Но дальше этого предупреждения радикалы не пошли, ожидая действий Милана. Король, в свою очередь, также медлил. Его уверенность, с которой он приехал из Вены, начала пропадать. Он не знал действительного настроения в армии, казна была пуста, а долг исчислялся в девять миллионов динаров. Пока Милан выжидал, Христич готовил силы на случай возможных беспорядков. Победа радикалов на выборах резко подняла их авторитет в народе. На многих митингах крестьяне требовали отдать власть радикалам, веря, что те отменят налоги. Новое правительство решило в качестве предупредительной меры разоружить народ. Основываясь на постановлении предшествующего правительства от 25 июня 1883 г. о проведении перевооружения, Христич потребовал от всех, кто не состоит на действительной службе, сдать старое оружие. Взамен же новое оружие выдавать не разрешалось, что объяснялось его высокой стоимостью. Радикалы сразу же заявили, что разоружение проводится с целью подготовки государственного переворота, дабы «подавив все свободолюбивые чувства, сделать народ послушным и надеть на него новое ярмо»⁸⁹. «Ты отдай оружие, если его требуют, — писал в “Самоуправе” Пашич, — но дом без ружья не оставляй, так как сам знаешь, без ружья нет и свободы»⁹⁰.

---

⁸⁸ Самоуправа. 6 октября 1883.

⁸⁹ Николић М. Цит. соч. Т. I. С. 1.

⁹⁰ Там же. С. 6.

Это изъятие оружия вызвало новые протесты у крестьян Восточной Сербии, сильнее всего пострадавших от войны и потому более революционно настроенных. Не раз после войны здесь вспыхивали волнения. К примеру, в конце 1882 г. и в мае 1883 г. крестьяне этого края отказались проводить по требованию Вены специальное клеймение скота, которое ставило их в дискриминационные условия при его продаже. Во главе частей жандармерии, посланных правительством для наведения порядка, стоял Христич, бывший тогда чиновником министерства внутренних дел. Австрийское правительство потребовало примерно наказать зачинщиков «бунта», вызванного, как официально заявили в Вене, радикалами⁹¹. Н. Христич арестовал и отдал под суд 24 человека, которые затем были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Но подавление этих волнений не остановило в Сербии, и особенно в этом крае, рост недовольства политикой правительства. Осенью 1883 г. здесь вспыхнуло восстание, охватившее большую часть Тимоцкого края. Началось оно 20 октября в селах Болевацкого среза. Беднейшие крестьяне и разорившиеся ремесленники не только отказались отдать оружие, но и обратили его против властей. Восставшие свергли местные власти, создавали повстанческие комитеты, требуя демократизации общественного и государственного строя, введения местного самоуправления и улучшения материальных условий⁹².

21 октября правительство объявило в округе Црна Река чрезвычайное положение, направив на подавление восстания жандармерию и регулярные войска. В этом округе был также образован чрезвычайный суд для рассмотрения преступлений против короля, королевства, конституции. Этот суд карал неподчинение влас-

---

⁹¹ Там же. С. 200.

⁹² История Югославии. Т. I. С. 496.

тям, «разбойничество» и другие «опасные проступки». Суд имел право рассматривать или пересматривать дела, начатые до основания суда, если считал, что совершенное в прошлом преступление имеет значение в данный момент. Финансовые издержки от судопроизводства и расквартирования войск и жандармерии падали на те села, где проходили волнения. Причем в этот период начислялась двойная плата личному составу карательных частей⁹³. В конце октября Тимокское восстание было подавлено. Чрезвычайный суд приговорил 34 участника восстания к смертной казни, 567 человек было сослано на каторгу, и еще большее количество осуждено на различные сроки тюремного заключения.

Подавление восстания Милан вместе с крупной буржуазией, Христичем и лидерами напредняцкой партии, как выразителями интересов этой буржуазии, решил использовать в первую очередь для разгрома радикальной партии. В 1883 г. она насчитывала в своих рядах уже 45 тыс. членов и представляла серьезную угрозу. Хотя Тимокское восстание не планировалось ее Главным комитетом, но рядовые члены партии широко участвовали в нем. Судебные дела по Тимокскому восстанию свидетельствуют, что члены суда пытались любым путём получить доказательства участия в восстании рядовых членов партии, а самое главное, что Главный комитет планировал восстание и руководил им. Были случаи, когда подсудимому обещали уже после вынесения приговора помилование, если он даст специальное показание о своих связях с радикальной партией и Главным комитетом. Членов Главного комитета пытались обвинить в деятельности, направленной на разжигание беспорядков в стране. Так, в обвинительных заключениях П. Тодоровичу и Р. Микоевичу говорилось, что они, как члены руководства радикальной партии «виновны во

---

⁹³ Николић М. Цит. соч. Т. I. С. 25–31.

всех беспорядках, происшедших в стране за последние 2 года перед Тимокским восстанием». Н. Пашич также обвинялся в подстрекательстве к бунту, а его виновность была признана судом лишь на том основании, что он писал статьи в газете «Самоуправа», что его хорошо знали другие обвиняемые, и что он сбежал за границу еще до указа об аресте⁹⁴.

Общий вывод Чрезвычайного суда был именно тот, который хотел видеть король: «Этот бунт — дело всей радикальной партии»⁹⁵. Теперь у Милана и правительства появилась возможность запретить радикальную партию, что и было незамедлительно сделано. На этом закончился первый этап деятельности этой партии. Свою деятельность она возобновила лишь в 1889 г. Начав свою жизнь на политической арене Сербии с борьбы против абсолютизма и реакции, она, с появлением на политической арене пролетариата в конце XIX — начале XX в., приобрела ярко выраженные черты партии консервативной, выражавшей интересы промышленно-финансовой буржуазии.

Тимокское восстание, вызванное тяжелым экономическим и бесправным политическим положением народа, явилось последней в XIX в. попыткой народных масс революционным путем добиться проведения буржуазно-демократических преобразований. Оно стало поворотным пунктом в постепенном превращении радикалов в партию крупной буржуазии.

После подавления Тимокского восстания Милан на некоторое время вновь почувствовал себя сильным монархом, который может без боязни опереться на свою армию. Однако он опасался укrywавшихся в Болгарии радикалов и подозревал, что на них будут опираться силы, стремящиеся к династическому перевороту. А в

⁹⁴ Там же. Т.2. С. 400–406.

⁹⁵ Там же. Т.2. С. 188.

том, что Россия использует Болгарию и Черногорию для достижения подобной цели, Милан не сомневался. В руки министерства внутренних дел попали листовки, написанные Пашичем почти сразу после его бегства в Болгарию, в которых содержались угрозы нового восстания. В других листовках прямо говорилось о подготовке вторжения в Сербию вооруженных групп из Черногории. Все эти факты заставили Милана принять меры предосторожности⁹⁶.

Сербский король хорошо понимал, что Христич своей жестокостью стал одиозной фигурой в глазах общественного мнения. Проявив сильные качества в критический период, он был не способен руководить правительством далее, так как был приверженцем старой системы управления и не признавал партий, которые стали уже реальностью. Король вновь решил обратиться к послушной ему напредняцкой партии. На новых выборах в скупшину победу одержала в условиях разгрома оппозиции напредняцкая партия, представители которой должны были войти в правительство. Н. Христич отказался от участия в новом кабинете и подал в отставку. Правительство было поручено сформировать М. Гарашанину, который еще до восстания проявил большое рвение в борьбе с радикалами. Став во главе правительства, он должен был организовать действенную борьбу с радикалами-эмигрантами.

Первым шагом нового главы кабинета, сформированного 7 февраля 1884 г., был протест болгарскому правительству и требование предпринять энергичные меры против эмигрантов. Болгары, между тем, неожиданно для Белграда связали этот вопрос с возвращением им небольшой территории на берегу реки Тимок, близ Брегова. Спор из-за этой территории возник после того, как река Тимок, по которой проходила граница

---

⁹⁶ Вучковић В. Цит. соч. С. 7.

между Сербией и Болгарией, изменила свое русло, и одно имение, приобретенное еще сербским князем Милошем, оказалось на противоположном берегу, следовательно, на территории Болгарии. Долгое время ни Турция, ни Болгария не оспаривали этот район и на нём находилась сербская пограничная застава. Но после демарша Гарашанина в Софии решили выставить контрпредложение, так как безоговорочное удовлетворение требования сербского правительства могло вызвать протесты болгарских радикалов и их сторонников. Гарашанин пригрозил разрывом дипломатических отношений в случае невыполнения его требований.

Милан, поручая Гарашанину ведение борьбы с его противниками в Болгарии, одновременно с этим решил сделать попытку улучшить отношения с Россией. Он воспользовался тем случаем, что в Белграде проездом находился влиятельный русский генерал, военный представитель России в Вене К. Каульбарс, и устроил ему весьма теплый прием. Хотя Милан не скрывал своих симпатий к Австро-Венгрии, он в лестных выражениях высказал благодарность России, говорил о своем большом уважении к русскому царю. И даже высказал пожелание скорее начать переговоры по поднимающемуся ранее вопросу о торговом трактате, «который, — как подчеркнул король, — может стать примером для других держав»⁹⁷.

Но, прибегая к этой уловке, Милан знал, что вряд ли Вена позволит ему пойти на заключение какого-либо «примерного» договора с Россией. И потому это предложение на деле подтверждено не было. Немаловажную роль сыграло также и то обстоятельство, что сербский король в это время был полностью поглощен неожиданно возникшим на повестке дня бреговским вопросом, вышедшим за рамки сербско-болгарских отно-

---

⁹⁷ АВПР. 1884 г. Ф. К. Д. 82. Л. 25.

шений и превратившимся в проблему, для решения которой понадобилось вмешательство великих держав. Правительства Австро-Венгрии и России, как только осложнились сербско-болгарские отношения, насторожились. Вновь сказалось взаимное недоверие. В Петербурге считали, что Милан, заручившись поддержкой Австро-Венгрии, пошел на обострение отношений с Болгарией, во-первых, из-за боязни сербских эмигрантов, а во-вторых, с целью отвлечь внимание народа от внутренних неурядиц. В Вене же стремились узнать, не стоит ли за действиями болгарского князя Россия, которой было выгодно поддерживать у Милана чувство неуверенности.

Тем временем в Болгарии сербские эмигранты были переселены в глубь страны, о чем сообщил сам Пашич, прийдя в русское консульство. Вместе с тем Болгария установила свой пограничный пост в Брегово⁹⁸. В ответ Сербия выполнила угрозу и разорвала дипломатические отношения. Всего за несколько дней положение в этом районе обострилось до максимальных пределов.

София пошла на уступки, заявив о готовности убрать свой пост у Брегова, гарантировала спокойствие на болгаро-сербской границе, но требовала от Сербии не устанавливать своего военного поста в спорном районе. В Белграде эти предложения не были приняты. Более того, распространив слух о якобы имевшем место нападении болгар на сербский пограничный пост (хотя официально сербское правительство данный факт не подтвердило), сербский военный министр демонстративно отправил два батальона для охраны границ. Белград явно надеялся при этом, что в качестве ответной меры в Болгарии будет объявлена мобилизация⁹⁹. Видя подобный оборот событий, германское правительство с мол-

⁹⁸ АВПР. София, 1884 г. Ф. К. Д. 82. Сообщение посла от 18 мая.

⁹⁹ АВПР. Белград. 1884 г. Д. 11. Л. 15, 132. Доклад Персиани.

чаливого согласия Вены и Петербурга предложило услуги посредничества. Бисмарк потребовал от Белграда воздержаться от дальнейших шагов и приступил к консультациям со своими партнерами по Союзу трёх императоров. Милан нехотя согласился с условиями канцлера, но всё же просил его ускорить ход событий, одновременно обратившись к венскому кабинету для поддержки его политики. Пока Бисмарк проводил консультации, австрийский министр иностранных дел Кальноки заявил, что его правительство не одобряет болгарскую позицию и от имени Милана посоветовал Баттенбергу быть более умеренным, сообщив ему при этом, что Сербия «не замышляет никаких наступательных действий»¹⁰⁰. Умеренный тон ответной ноты Болгарии с отказом от мобилизации армии продемонстрировал Европе, кто стремится нагнетать обстановку.

Параллельно с ухудшением политических отношений между Сербией и Болгарией затруднялось развитие и экономических отношений. Так, сразу же после угрозы Гарашанина разорвались дипломатические отношения, болгарское правительство ввело высокие таможенные пошлины на товары, составляющие основу сербского экспорта (вино, конопля, веревочные изделия), что резко затруднило дальнейшие поставки этих товаров. После ответных аналогичных мер товарообмен между Болгарией и Сербией резко сократился.

После проведенных консультаций Бисмарк от имени Австро-Венгрии и России предложил передать спорный вопрос на рассмотрение совещания представителей трёх держав. Из Софии мгновенно пришел утвердительный ответ, а Милан, прежде чем последовать этому примеру, запросил разъяснений о характере совещаний. Этот факт объясняется тем, что глава сербского

---

¹⁰⁰ АВПР. София. 1884 г. Д. 82. Л. 260–264. Телеграммы Гирса — Кояндеру.

правительства Гарашанин заподозрил Россию в том, что она за спиной Сербии и Австро-Венгрии подготовила решение, более отвечающее интересам Болгарии, нежели Сербии. Поэтому Белград в первую очередь заинтересовался, сколь обязательно будет исполнение решений данного совещания, т.е. будут ли эти документы предусматривать конкретные действия или они наметят пути взаимного соглашения. Австро-венгерский представитель сразу же и без предварительной консультации с двумя другими державами успокоил Сербию, обещав, что документы будут носить лишь характер рекомендаций¹⁰¹.

Это вызвало возражение у царского правительства, и потому Бисмарк согласился, дабы избежать ссоры Вены с Петербургом, организовать вместо этого совещания двусторонние сербско-болгарские переговоры и передать решение бреговского вопроса им самим, но рекомендовал болгарам отказаться от этого клочка земли, за что Сербия должна была уступить равноценную территорию в другом месте. Для эмигрантов-радикалов устанавливались ограничения: они не имели права проживать ближе 50 километров от сербской границы. Видя замешательство великих держав, Милан не очень стремился к быстрому и миролюбивому решению вопроса. Баттенберг также не хотел идти на большие уступки, и обе стороны повели дипломатический зондаж с целью добиться каждая для себя осторожных выгод. Когда же Баттенберг из-за внутренних осложнений решил уступить требованиям Сербии, в дело вмешался русский дипломатический представитель, решивший, что это все устроила Австро-Венгрия дабы «доставить случай Сербии восторжествовать над покровительствуемой нами Болгарией»¹⁰². В связи с этим он поста-

¹⁰¹ АВПР. Белград. 1884 г. Ф. К. Д. 11. Л. 25. Персиани – Н.К. Гирсу.

¹⁰² АВПР. Ф. К. 1884 г. София. Д. 82. Л. 1–5.

вил себе «ближайшей целью устранить его высочество от непосредственного участия в переговорах», но добиться этого не смог¹⁰³. Бреговский вопрос так и остался нерешенным вплоть до сербско-болгарской войны 1885 г.

Кровавая расправа над участниками Тимокского восстания в Сербии в 1883 г. и разгром радикальной партии не ослабили внутривнутриполитического кризиса в стране, не остановили процесс продолжающегося обнищания крестьянства. Этому способствовал и гнёт налогов, усилившийся в 1885 г., и растущая непопулярность самого короля. Общий долг Сербии в 1885 г. исчислялся 12 млн франков¹⁰⁴. Согласно новому постановлению правительства, принятому по рекомендации министра финансов В. Петровича, налогом облагалось все имевшееся у крестьян имущество, что привело их к еще большему обнищанию. Тяжелое экономическое положение усугублялось тем, что правительство Австро-Венгрии летом 1885 г., идя навстречу требованиям скотопромышленникам своей страны, запретило ввоз сербского скота по санитарным причинам. Это, естественно, привело к резкому сокращению экспорта сербского скота — основной статьи дохода от внешней торговли Сербии.

Используя эти факторы, активизировали свою деятельность и радикалы. Они понимали, что следующее восстание может привести к успеху в том случае, если оно распространится на всю страну, а не будет локальным, как это случилось с Тимокским восстанием. Судя по переписке радикалов, в конце 1885 г. в стране готовилось новое восстание. Этот вывод подтверждается и растущим четническим движением. К концу лета 1885 г. оно достигло таких размеров, что глава правительства Гарашанин был вынужден разослать циркулярное пись-

---

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ АВПР. Ф. П. А. 1885 г. Д. 431. Л. 196–202.

мо местным органам власти. «Вопреки всем мерам предосторожности, принятым королевским правительством с целью ликвидации разбойничьих отрядов, которые за последнее время стали появляться в стране, органы власти не смогли добиться их полного уничтожения и восстановления спокойствия в стране, — писал он в своём циркуляре. Король был вынужден в целях прекращения разбойничества, участвовавшего за последнее время, ввести чрезвычайное положение в тех районах, где появились четы»¹⁰⁵. Это, в первую очередь, касалось Крагуевацкого, Чачакского, Пожаревацкого и Белградского округов.

Но для организации нового восстания у радикалов не хватало оружия и не было денег для его приобретения. После Тимоцкого восстания правительство постаралось полностью разоружить народ, и перед руководителями радикальной партии, находившимися в эмиграции, встала нелегкая задача — закупить оружие и доставить его в страну.

В апреле 1885 г. в Россию вместе с бывшим главой сербского правительства Ристичем прибыл опальный митрополит Михаил. За ходом их визита очень внимательно следило сербское дипломатическое представительство, которое в своих отчетах подчеркивало, что визит по отношению к Сербии носил открыто антиправительственный характер. Более того, посол предупредил Гарашанина, что в Петербурге «ходят упорные слухи, что скупщина Сербии должна вскоре призвать Ристича взять власть в свои руки. Здесь даже не скрывают этого желания»¹⁰⁶. Свои выводы он подкрепил выдержкой из речи секретаря Славянского общества, известного славянофила В.И. Аристова. В официальном приветствии он публично высказал Ристичу и Михаилу по-

¹⁰⁵ ГСИП. Ф. И. 8. 1885 г. Телеграмма Гарашанина.

¹⁰⁶ ГСИП. Ф. И. 8. 1885 г. Телеграмма посла из Петербурга.

желание, чтобы «они снова заняли прежнее место и стали во главе сербского народа»¹⁰⁷.

Вскоре после этого визита из России в Сербию выехали два человека — Зисман и Парунов. Снабженные большими суммами денег, они не скрывали, что едут для оказания помощи в подготовке правительственного переворота¹⁰⁸. Деньги были переданы радикалам, после чего руководители этой оппозиционной партии, и в первую очередь Н. Пашич, решили добиться у царского правительства прямой поддержки своих планов организации переворота. С этой целью они попытались наладить связи с главой династии Карагеоргиевичей — князем Петром Карагеоргиевичем, жившим в Петербурге под покровительством царя. Но князь и его сторонники, следуя совету русского МИДа, проявили сдержанность, так как сомневались, что радикалы представляют реальную силу, и больше стремились наладить отношения с правящей партией¹⁰⁹. Зато в панславистских кругах открыто поговаривали о нем, как «о надеждах Сербии»¹¹⁰. Газеты «Современные известия», «Новое время» и ряд других опубликовали сообщение о положении в Сербии, в котором, в частности, отмечалось, что «там все более увеличивается престиж Карагеоргиевича и сербские эмигранты неустанно работают над восстановлением в Сербии лучшего порядка вещей»¹¹¹.

Все эти и им подобные факты, безусловно, обеспокоили Милана. Он понял, что цель столь торжественного приёма Ристича в Петербурге — продемонстрировать недовольство царского правительства Миланом. Рассердившись на это, он уволил Ристича в отстав-

---

¹⁰⁷ Новое время. 19 апреля 1885.

¹⁰⁸ ГСИП. Ф. И. 8. 1885 г. Донесение посла от 27.4.1885 г.

¹⁰⁹ *Јовановић С.* Цит. соч. С. 538–539.

¹¹⁰ ГСИП. Ф. И. 8. 1885 г. Сообщение от мая месяца.

¹¹¹ Новое время. 4 июня 1885.

ку с поста министра в распоряжении и попросил Австро-Венгрию повлиять на русского царя и на его возможные планы в отношении перемены династии в Сербии. Одновременно с обращением за помощью к Австро-Венгрии Милан потребовал от своего посла в Петербурге почти ежедневно сообщать о развитии русско-английских отношений. Это свидетельствует о том, что сербский монарх не терял надежды на столь желанный для него русско-английский конфликт. Поняв в конце мая 1885 г., что русско-английская война маловероятна, король окончательно решил добиваться установления еще более тесных связей с Австро-Венгрией, видя в этом единственное свое спасение¹¹². В июне 1885 г. он предложил дополнение к Тайной конвенции 1881 г., согласно которому её срок действия значительно продлевался, а Вена обязывалась не пускать на свою территорию членов семьи Карагеоргиевичей.

Но особого внимания заслуживают 2-й и 5-й пункты дополнения. Второй пункт гласил: «Король Милан дает слово императору Францу Иосифу, что не покинет сербского престола до совершеннолетия своего сына. Но если Австрия посчитает, что он должен отречься от престола либо в пользу своего сына, либо в пользу Габсбургской династии, либо в пользу какого-нибудь принца, принадлежащего к королевской династии европейской страны, король Милан обязуется это сделать. В этом случае он получает австрийское гражданство, а семья — наследный титул «королевское величество». Сын Милана должен был получить майорат, размеры которого должны были определиться в дальнейшем. Пятый и последний пункт гласил: «Если в момент смерти или отстранения короля Милана королевич Александр будет находиться на австрийской территории и согла-

---

¹¹² ГСИП. Ф. И. 8. 1885 г. (Папка переписки с послом Сербии и России).

сится на провозглашение его королём, то Австрия вплоть до совершеннолетия не выпустит его со своей территории в Сербию. Управление его майоратом Австрия поручит опекунскому совету из трёх лиц, в состав которого будет входить австро-венгерский министр иностранных дел, маршал австрийского двора и одно лицо, которое назначит сам Милан. Если в момент смерти Милана королевич Александр не будет находиться на австрийской территории, то Австро-Венгрия введет свои войска в Сербию и далее поступит согласно второму пункту этого дополнения»¹¹³. Этим документом, хотя он низводил Милана до положения вассала Австрии, король стремился создать противовес Петру Карагеоргиевичу в случае, если последний совершит переворот. Но подобный документ не мог быть принят даже Веней, так как это могло привести к резким протестам со стороны других европейских государств. Если бы стало известно, что Милан разрешает Габсбургам оккупировать его страну, то это вызвало бы резкое ухудшение русско-австрийских отношений. Предложение Милана не было принято, но Австро-Венгрия устами министра иностранных Кальноки пообещала при удобном случае обсудить с Россией вопрос о Сербии и о планах России в отношении династических перемен в этой стране.

В августе во время встречи австро-венгерского и русского императоров между Кальноки и министром иностранных дел России Гирсом состоялся обмен мнениями о положении в Сербии. Кальноки заявил, что его правительство выступает за «внутренний мир» в этой стране и резко возражает «против любой агитации в пользу Карагеоргиевича». В ответ Гирс заверил его, что ни он, ни царь не хотели, чтобы князь черногорский выдавал свою дочь замуж за Петра, но тот не послушал-

---

¹¹³ *Јовановић С.* Цит. соч. С. 210–211.

ся. Более того, Гирс заверил Австро-Венгрию, что Россия «не выдвигает князя Карагеоргиевича в претенденты на сербский престол»¹¹⁴. Параллельно с заявлением Кальноки Милан и сам высказал протест посланнику России в отношении кампании в русской печати и предупредил, что в Сербии «воцарение Петра невозможно». И все же Гирс, несмотря на данные им заверения, не отказался от идеи династической перемены в Сербии¹¹⁵. Политическая обстановка в Сербии становилась все более напряженной. Это чувствовал и сам Милан. В беседе с дипломатами перед отъездом в Вену в конце августа он пожаловался, что боится куда-либо уезжать, так как «мятежный дух в стране все более усиливается и причиной тому не только финансовая политика, но и внешняя»¹¹⁶. Понимая это, Милан постоянно стремился найти какой-либо повод для укрепления его позиции в собственной стране. Таким поводом явилось воссоединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством, произошедшее в сентябре 1885 г.

§ 2. Политическое развитие Болгарии в 1878–1885 гг.

Образование государственности в Болгарии неразрывно связано с Россией. Уже с начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Болгарии по мере освобождения территории от турок стало вводиться новое гражданское управление, в создании которого главную роль играли русские военные и политические деятели. По

---

¹¹⁴ ГСИП. Ф. И. 1. 1885 г. Донесение сербского посла из Вены от 16 августа.

¹¹⁵ АВПР Ф. П. А. 1885 г. Д. 431. Л. 145–147. Телеграмма посла России из Белграда.

¹¹⁶ Там же. Л. 142.

Князь Болгарии Александр Баттенберг

условиям Берлинского трактата для создания новых государственных органов Болгарии и налаживания общественной и государственной жизни в стране было введено русское гражданское управление, которое первые девять месяцев полностью управляло страной. Создавались губернии, организовывалось народное войско, решались вопросы организации просвещения и т.д.

Русская администрация, считаясь с существующими в стране условиями и отношениями, не навязывала болгарам свои институты. Она содействовала созданию нового болгарского государства, население которого после ухода русских должно было начать самостоятельную жизнь. С освобождением Болгарии от турецкого господства ее территорию покидали не только турецкие власти и войска, но и помещики, земли которых переходили к коренному населению, что привело к ликвидации турецкого военно-феодалного землевладения и благотворно сказывалось на последующем развитии болгарского народа. Наряду с введением местных учреж-

дений власти, администрация занималась подготовкой основ будущего государственного управления, так называемого Органического устава, ставшего затем конституцией страны. Этот вопрос был главным для болгарского народа. Наряду с внутренними нуждами Болгарии, при выработке устава учитывались международная обстановка и внешнеполитический резонанс этого акта. Новая конституция должна была поднять авторитет России на Балканах, ослабить возможное вмешательство Западной Европы в дела края, определить отношения между новым государством и султанской Турцией.

Руководил подготовкой проекта Устава генерал-лейтенант А.М. Дондуков-Корсаков, назначенный Александром II в феврале 1878 г. имперским комиссаром в Болгарии. Устав ограничивал полномочия князя за счёт расширения власти народных представителей. Эти изменения в значительной степени вытекали из внутренней и международной обстановки, из желания сблизить Устав с конституциями других стран. В дальнейшем в проект Устава, учитывая замечания Петербурга, были внесены статьи о свободе собраний, неприкосновенности частной собственности, о полномочиях народного собрания принимать бюджет и утверждать законы. По окончательному проекту Устава Болгария признавалась наследственной и конституционной монархией с народным представительством при сохранении вассальных отношений с Турцией. Князь признавался главой государства и являлся начальником вооружённых сил. Его именем заключались договоры, но законодательную власть князь делил с Народным собранием. В стране ликвидировались сословия: все граждане признавались равными перед законом; право частной собственности считалось неприкосновенным; вводилась обязательность военной службы и свобода собраний.

Десятого февраля 1879 г. в Велико-Тырново, древней столице Болгарии, под председательством Донду-

кова-Корсакова открылось Учредительное собрание, обсуждавшее проект Устава. При обсуждении проекта Устава выявились серьезные разногласия между двумя политическими группировками. Консерваторы боялись предоставить народу какие-либо политические права и свободы и считали проект слишком демократичным. Они предлагали учредить сенат, ввести имущественный ценз на выборах, отвергали свободу печати и ассоциаций. Против них выступили либералы. Им удалось склонить Учредительное собрание на свою сторону и провести предложения, придавшие конституции прогрессивный характер. Принятая 16 апреля 1879 г., она получила название Тырновской. На другой день после её принятия Великое национальное собрание по предложению России избрало князем Александра Баттенберга, 22-летнего немецкого принца, племянника русской императрицы. Первое, что сделал новый князь — высказал недовольство Александру II болгарской конституцией, которую он назвал «до смешного либеральной» и потребовал пересмотра некоторых наиболее важных статей. Но царь не мог пойти на это, понимая, что пересмотр конституции может подорвать политический авторитет России в Болгарии и может быть использован западноевропейскими странами для развертывания антирусской пропаганды. После встречи с царем Александр Баттенберг направился в Константинополь, где ему был оказан особо торжественный прием.

В конце июня 1879 г. Александр Баттенберг, присягнув конституции, стал князем Болгарии, а в следующем месяце русские войска и администрация покинули страну. Однако в состав первого болгарского правительства вошло два русских генерала, один из которых стал военным министром. Политика Баттенберга с первых же месяцев его правления была направлена не к оздоровлению обстановки на Балканах, а к сохранению там напряженности. Опираясь на консервативные круги внутри

страны, а также на правительства Австрии и особенно Англии, которые стремились превратить Баттенберга в оплот борьбы с Россией, болгарский князь стал откровенно высказывать пренебрежение к конституции. Свои действия он выдавал за линию русского правительства, хотя в Петербурге по-прежнему не поддерживали его намерения ликвидировать болгарскую конституцию, советуя ему придерживаться более осторожной тактики в отношении законов Болгарии. Не отрицая «пороков» конституции, Россия стояла за ее сохранение. Стремясь подорвать влияние России, князь постоянно проявлял недовольство деятельностью русских офицеров, руководивших организацией болгарской армии, с целью подчинить ее своей власти. Без согласия военного министра он приглашал в Болгарию прусских и австрийских офицеров, которых военный министр, в свою очередь, увольнял. Эти разногласия сторонники князя расчетливо истолковывали как борьбу Баттенберга в защиту интересов страны. Но князю для осуществления его планов мешало само болгарское правительство Цанкова-Каравелова, составленное из сторонников либеральной партии и проявлявшее значительную самостоятельность и независимость от князя.

Убийство Александра II отвлекло на время внимание русского правительства от событий в Болгарии. Воспользовавшись этим и опираясь на консервативные круги Болгарии, А. Баттенберг в апреле 1881 г. организовал переворот, распустив негодное ему Народное собрание и самолично изменив конституцию. Было составлено новое правительство из консерваторов, в состав которого входили и русские генералы. С помощью жандармерии, заменившей милицию, князь организовал новые выборы и добился предоставления ему широких полномочий. В стране была ограничена свобода слова, собраний, установлен высокий ценз при выборах

в парламент. Хотя русское правительство возражало против ликвидации конституции, после совершения переворота оно предписало русскому консулу в Софии М.А. Хитрово признать переворот и поддержать князя. Эта поддержка вызвала у части болгарской буржуазии и в народе антирусское настроение, усилившееся после категорического отказа Александра III поддержать петицию болгарских либералов о восстановлении конституции.

Недовольство болгарской буржуазии объяснялось также возросшей активностью в Болгарии австро-венгерского и английского капитала, тогда как экономические отношения молодой болгарской буржуазии с Россией были ничтожно малы. Русский капитал, тот самый капитал, в котором была сила новой националистической политики России 1880-х годов, не шёл в Болгарию по очень простой причине: бороться с западноевропейским капиталом, даже и в сугубо благоприятных условиях, которые ему могло бы создать правительство, он не мог. Ему нужны были совсем иные, экзотические рынки, где не было бы конкурентов. Этот капитал нашёл такие рынки в Азии. А в Болгарию пошёл иной капитал, денежный, связанный с большими концессиями, гарантированными правительством, пошёл капитал, господство которого определяется не результатом упорной борьбы с конкурентами на рынке, а ловкостью в момент получения концессии. Несмотря на свои старания, русское дипломатическое представительство не смогло заставить Баттенберга подписать соглашение о строительстве железной дороги в направлении от Дуная к Балканскому хребту, что обеспечило бы России возможность быстрой переброски её войск к проливам. Баттенберг подписал с австрийским правительством соглашение о строительстве железнодорожной ветки, которая связывала Вену с Белградом и Софией.

Подобный шаг болгарского князя ещё больше ухудшил его отношения с царской Россией. Понимая это, князь для укрепления своего положения восстановил Тырновскую конституцию и решил поддержать движение за воссоединение Болгарии с Восточной Румелией. В этой обстановке обострилась борьба между консерваторами и либералами во главе с Цанковым, Каравеловым и Стамболовым. Каждая группировка постаралась добиться политического авторитета, выставляя себя защитником дела объединения болгарского народа. Они собирали митинги, на которых принимались резолюции с требованиями о воссоединении, а в ответ на протесты австро-венгерского и русского представителей в Софии, указывавших на «несвоевременность, бесполезность и даже вредность для Болгарии подобных действий», Цанков и другие деятели правительства заявили, что «агитация дальше митингов не пойдет, а потому она не опасна»¹¹⁷. Сам князь доказывал, что это движение не имеет смысла. Но его поездка по стране как раз и совершалась с целью поддержки агитации за воссоединение. Перед тем как уехать, князь беседовал с А.Я. Кояндером и спросил совета, как быть с требованиями о воссоединении. Кояндер решительно высказался против и, как показали дальнейшие события, именно такой ответ нужен был Баттенбергу, в своей поездке он всячески показывал, что ему трудно поддерживать эти требования, так как Россия категорически против. Кояндеру же князь ответил, что «как не болгарин не может прямо высказаться против агитации за воссоединение, но постарается умерить ее», и намекнул на желательность своей поездки в Петербург для личной встречи с царем¹¹⁸. Но русское правительство было уверено

¹¹⁷ АВПР. Ф. К. Д. 82. София, 1884 г. Л. 56, 59. Отчет Кояндера о митингах и текст его протеста; Л. 71. Отчет о беседе с Цанковым; Л. 78. Отчет о протесте австро-венгерского представителя.

¹¹⁸ АВПР. Ф. К. София, 1884 г. Д. 82. Л. 53. Отчет Кояндера о беседе с князем.

в том, что сам князь «принимает деятельное участие в этом движении» и, не желая скомпроментировать себя перед Турцией и Австро-Венгрией, отказало ему в поездке в Петербург¹¹⁹.

Еще до эвакуации русских войск из Восточной Румелии петербургский кабинет стремился нормализовать жизнь в крае, добиться прекращения столкновений между болгарам и турками. С этой целью Горчаков советовал генерал-губернатору этой провинции А. Богориди «беречь, насколько это возможно, покой в Румелии», ибо выступления против султана могут привести к оккупации провинции турецкими войсками, что одинаково невыгодно как для Восточной Румелии, так и для Турции. Враждебные действия Порты против болгар могли бы вызвать мятежи в Македонии, Эпире, Феслании, Албании, Греции, Боснии, Герцеговине, даже Египте — предупреждал Горчаков. Петербургский кабинет настаивал на необходимости успокоения Востока путем проведения там реформ. Правящие круги Турции, утратив власть над балканскими народами, усилили националистическую пропаганду среди мусульман империи. В результате этих действий имели место выступления мусульманского населения, направленные против христиан в Восточной Румелии, на границах Македонии и в Константинополе.

Из европейских государств с особой настойчивостью против воссоединения выступала Англия, пытаясь тем самым подорвать престиж России, но когда она увидела, что Россия также выступает против воссоединения, то сразу же изменила свою позицию и выступила в поддержку князя, стремясь доказать, что политика Англии действительно отвечает интересам болгар. Австро-Венгрия, хотя и понимала неизбежность потери для Порты Восточной Румелии, но считала воссоеди-

---

¹¹⁹ Там же. Резюме Н.К. Гирса; Л. 84. Ответ князя на просьбу о визите.

нение несвоевременным шагом, тем более что венский кабинет, несмотря на официальные заверения в противном русского дипломатического представителя, был уверен, что за этим движением стоит Россия. Ещё в 1881 г. министр иностранных дел двуединой монархии граф Д. Андраши высказывал недовольство русскому послу в Вене действиями русских представителей в Восточной Румелии и Болгарии, поддерживавших объединение. «Подобный диссонанс между взглядами наших двух правительств и поведением их отдельных представителей, — замечал он, — может только внести беспокойство в умы и вселить недоверие в Европе на будущее¹²⁰. Старая и постоянная боязнь потонуть в «славянском море» особенно беспокоила его преемника — графа Кальноки, когда Баттенберг стал выступать при поддержке Англии за воссоединение. Окружение Австрии славянами обязательно произойдет, — писал он Бисмарку, — если обе Болгарии станут русскими провинциями. Огромная масса балканского славянства увидит в этом знак того, что славянское дело пришло в движение. Опираясь на Россию, эти славяне обведут Австро-Венгрию полукольцом, затруднят ей обладание Боснией и отрежут ее от Турции, которая окажется брошенной на произвол судьбы»¹²¹.

Интересно, что это письмо свидетельствует не только об известном страхе Австрии, но и об уверенности Вены в том, что, несмотря на имеющиеся разногласия между болгарским князем и русским царём, славяне, объединившись, станут важным фактором, укрепляющим Россию. Вместе они превратятся в непреодолимый заслон не только для дальнейшего расширения двуединой монархии, но и станут губительным фактором для самого существования Австро-Венгрии. Но прави-

---

¹²⁰ Кинятина Н.С. Из рукописи книги «Восточный вопрос...»

¹²¹ Там же.

тельство России заботилось в первую очередь лишь о том, чтобы не позволить Баттенбергу укрепить своё положение. Создалось своеобразное парадоксальное положение: правительство России, с одной стороны, санкционировало тайную отправку оружия в Восточную Румелию, которое использовалось для подготовки восстания, а с другой — резко выступало и старалось всяческими мерами сорвать движение за воссоединение в самом княжестве Болгарии не столько из-за боязни осложнений с Австро-Венгрией и Турцией, сколько из-за нежелания поддерживать А. Баттенберга. Император категорически заявил болгарскому князю о своём «неодобрении появившегося в последнее время стремления к объединению», так как оно «идёт вразрез с истинными и настоящими интересами Болгарии»¹²². Результат же этого протеста был совершенно иной, нежели ожидали в Петербурге. Александр Баттенберг официально заявил, что именно русский царь, а не он выступает против осуществления законных чаяний болгарского народа. Это было вторым после отмены Тырновской конституции ощутимым ударом по престижу России в Болгарии.

Более того, А. Баттенберг стал открыто поговаривать о необходимости совещаться по этому вопросу с Веней и Лондоном, на что, естественно, получил их согласие. Они даже указали ему, что «присутствие иностранных офицеров в Болгарии — это единственная опасность, грозящая княжеству»¹²³. Петербург, видя, что А. Баттенберг полностью уходит из-под влияния и становится главной помехой балканской политике России, решил сместить его с княжеского трона. Планировалось, что Цанков, ссылаясь на имеющуюся поддержку

---

¹²² АВПР. Ф. К. София. 1885 г. Д. 100. Л. 108, 112. Сообщение Кояндера о беседах с князем и Каравеловым.

¹²³ Там же. Л. 259. Гирс — Кояндеру.

русского МИДа, предложит князю после его возвращения из поездки по стране отречься от трона. Участие в этом акте было предложено и Стамболову¹²⁴. Кояндер, согласовывая план смещения Баттенберга, опирался на либералов, оппозиционно настроенных князю, как на главных исполнителей этой операции. Но Баттенберг узнал об этих планах и решил, опередив Петербург, добиться примирения с либералами и попытаться несколько улучшить отношения с Россией. Первое ему удалось. Он продемонстрировал Цанкову и Стамболову свое расположение. Видя, что князь может уступить их требованиям, и они смогут взять в свои руки всю полноту власти, либералы заколебались. Стамболов вообще отказался приводить в исполнение планы по отречению. Цанков один действовать не решился. Они заявили Кояндеру, что смещение князя может свергнуть страну в ненужный кризис и потому надо выждать время¹²⁵, чем привел в ярость Кояндера. «Ни на одного болгарина нельзя положиться», писал он после отказа либералов и предложил разработать новый план¹²⁶. План был составлен, но его осуществлению помешали события, развернувшиеся на Балканах с сентября 1885 г.

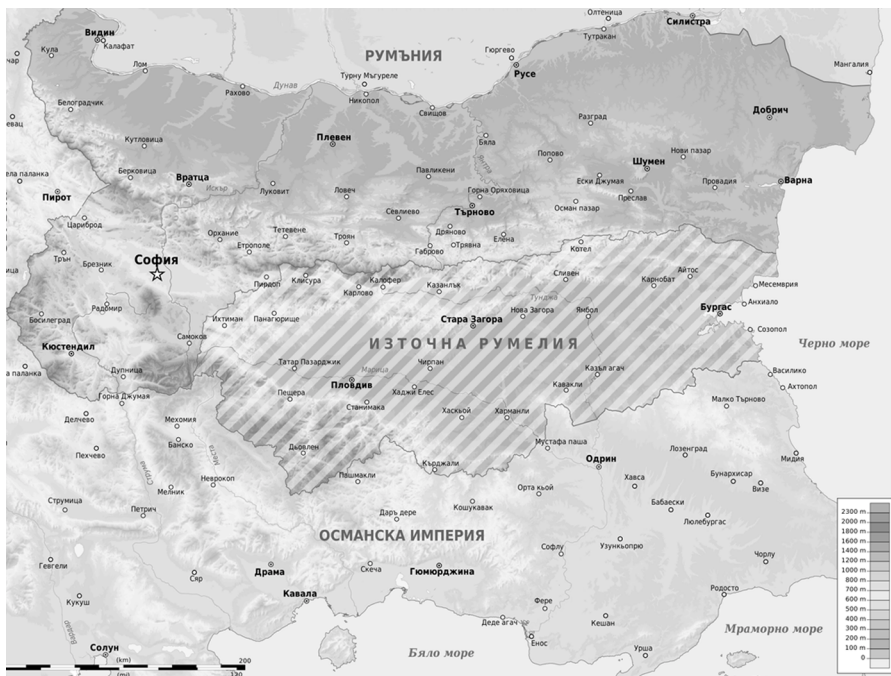
¹²⁴ ЦГВИА. Ф. 430. Оп. 173 (3). Л. 302–304. Письмо Кояндера консулу в Русуке.

¹²⁵ История на България. София, 1962. Т.2. С. 56.

¹²⁶ Авантюры русского царизма в Болгарии. М., 1935. С. 6.

ГЛАВА III

Балканский кризис 1885 г.

§ 1. Воссоединение Болгарии и великие державы. Сербия на пути к войне

6 сентября 1885 г. болгарский князь А. Баттенберг направил в Петербург телеграмму с сообщением о восстании в Восточной Румелии и просил русское правительство признать воссоединение этой провинции с Болгарией. Баттенберг надеялся, что Александр III будет вынужден признать свершившийся факт, тем более что Россия до Берлинского конгресса сама выступала за подобное объединение¹²⁷. Но он ошибался. И это стало

¹²⁷ Об объединении см. подробнее: *Струкова К.* Цит. соч.

ясно сразу же по первой острой реакции русской печати на события в Болгарии: не выступая против воссоединения, она высказала резкое осуждение князю Баттенбергу, а газета «Московские ведомости» расценила воссоединение как очередной шаг в превращении Болгарии в цитадель против России. Вместе с тем издатель этой газеты М.Н. Катков отметил, что Россия не выступает против объединения, однако для нее не безразлично «кто, как и в каких видах исполняет его», и назвал Баттенберга и его сторонников «авантюристами»¹²⁸. В таком же тоне сообщили об этом событии и другие газеты, в частности «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время», «Свет» и др.

Сам царь и его приближенные видели в воссоединении, объявленном без их ведома, «умаление значения России и компрометацию ее на международной арене»¹²⁹. Александр III прекрасно понимал, что это событие вело к укреплению позиций непокорного болгарского князя и нарушало статус-кво, а Россия, связанная Союзом трех императоров, обязывалась предупреждать возможные неожиданности на Балканах. В таких условиях любое изменение статус-кво было не в пользу России. Еще в 1881 г. русский министр иностранных дел Гирс составил инструкцию, определившую политику России на случай непредвиденных событий. Один из пунктов этой инструкции гласил, что Россия (по замыслу Гирса — вместе с Австро-Венгрией, но, как показали события, это было ошибкой) будет бороться «откуда бы таковая [угроза] не исходила, используя для этой цели всё свое влияние»¹³⁰. К тому же воссоединение нарушало планы проведения операции по смещению Баттен-

---

¹²⁸ Московские ведомости. 7 сентября 1885.

¹²⁹ АВПР. Ф. К. 1885. София. Д. 100. Л. 176.

¹³⁰ Сказкин С.Д. Цит. соч. С. 183.

берга, и Петербург вынужден был срочно телеграфировать ее исполнителям о вынужденной отсрочке¹³¹.

Исходя из этих фактов, Петербург немедленно отказался признать воссоединение, а делегатам Народного собрания Болгарии, прибывшим к Александру III, им самим было заявлено, что при данном князе Россия не изменит своей позиции. Подобный ответ царя вызвал разочарование в болгарских патриотических кругах, но это мало интересовало Александра III. «Довольно популярничать в ущерб истинным интересам России. Славяне теперь должны сослужить службу России, а не мы им», — так писал Александр III генералу Н.Н. Обручеву 24 (12) сентября 1885 г.¹³² Но несмотря на такую официальную реакцию Петербурга, Баттенберг уже 8 сентября издал манифест об объединении Восточной Румелии с Болгарским княжеством. Теперь уже этот вопрос встал не только перед Россией и Турцией — он требовал участия европейских держав, подписавших Берлинский договор, т.к. расширение Болгарии противоречило этому документу. Как только стало известно о перевороте, турецкий султан решил, что это произошло без участия России и даже обратился в Петербург за разъяснениями. Русский посол в Константинополе А.И. Нелидов не упустил возможности лишний раз продемонстрировать султану невыгодность проводимой им враждебной по отношению к России политики. «Турция, — сказал он, — постоянно заботясь об ослаблении нашего влияния в Восточной Румелии, фактически способствовала успеху замысла болгарского князя» и намекнул, что в данный момент «Турции лучше искать содействия России»¹³³. Влиятельный А.С. Суворин в своей газете «Новое время» предупредил Турцию, что

---

¹³¹ ЦГВИА. Ф. 430. Оп. 173 (3). С. 309.

¹³² Красный архив. 1923. Т. 3. С. 45.

¹³³ АВПР. Ф. Отчеты. Л. 90–91.

она должна вести теперь «примирительную и уступчивую политику»¹³⁴.

Европейские кабинеты насторожились — что предпримет Порты? Даже газеты Австро-Венгрии и Германии, обычно остро реагирующие на международные события, в течении нескольких дней отделялись публикацией сообщений, носящих чисто информативный характер. Правда, берлинские газеты всячески старались подчеркнуть свое отрицательное отношение к воссоединению, объясняя это тем, что оно может вызвать опасные последствия, т.е. поднять восточный вопрос во всем его объеме¹³⁵. Но султан медлил. Ему было над чем задуматься: Турция не имела в Восточной Румелии достаточно войск для того, чтобы собственными силами подавить восстание, но самой главной причиной молчания являлся страх перед возможностью новых восстаний в других подвластных Турции областях, если он начнет военные действия против Баттенберга¹³⁶.

Видя замешательство султана, Россия в ноте, отправленной на следующий день после официального объявления о воссоединении, предложила европейским державам взять на себя решение сложившегося положения. Султан и на этот раз не высказал своего мнения, но, желая показать заинтересованность в передаче этого вопроса в ведение великих держав, уволил в отставку великого визиря, выступавшего за восстановление старого порядка с оружием в руках, и объявил, что Турция не применит силу без согласия на то великих держав¹³⁷. Этот шаг внес некоторые коррективы в определение европейскими кабинетами своей политики.

---

¹³⁴ Новое время. 8 сентября 1885.

¹³⁵ National Zeitung. 10.9.1885.

¹³⁶ АВПР. Ф. Отчеты. С. 87–88; ГСИП. 1885. Ф. И. 4. Донесение от 15 сентября.

¹³⁷ Документы за българската история. София. Т. IV. С. 64.

Почти одновременно вместе с Россией на воссоединение публичноотреагировала Англия. В печати этой страны появилось множество статей, суть которых сводилась к необходимости признать свершившийся факт, т.к. «сильная Болгария будет менее русофильской», что в первую очередь выгодно Англии¹³⁸. Об этом же заявил сербскому послу в Лондоне Р. Солсбери, прямо сказав ему, что воссоединение необходимо признать, так как «оно поможет отделить Болгарию от России и освободить её от панславистского влияния»¹³⁹. Через несколько дней после этой беседы Солсбери, выступая в парламенте, более точно сформулировал свою политику: «Наша цель помешать продвижению русских к Царьграду. Единая Болгария под единым князем, послушным европейскому влиянию, став верной союзницей султана, была бы солидной гарантией против распространения русского господства»¹⁴⁰.

Эти заявления окончательно уверили Бисмарка, что на воссоединение князя толкнула Англия, дабы ещё больше углубить раскол Болгарии с Россией и вырвать у России роль «покровителя» интересов славян. Канцлер Германии, верный своей системе «жонглирования» пятью шарами сразу, как впоследствии писал о нём его преемник Л. Каприви, имея ввиду отношения Бисмарка с Россией, Австро-Венгрией, Италией, Испанией и Англией, почувствовал, что «шар», пущенный Баттенбергом, на самом деле летит не из Софии, а из Лондона и не может не задеть интересы как России, так и Австро-Венгрии. В беседе с послом Сербии он предупредил, что воссоединение не станет проблемой лишь для турецкого султана. Этот конфликт в первую очередь коснётся России, Англии и Австро-Венгрии. В то же время

---

¹³⁸ Times. 15.9.1885.

¹³⁹ ГСИП. 1885. Ф. Р. 2. Сообщение посла из Лондона.

¹⁴⁰ Times. 20.9.1885.

балканские события не могли не отразиться и на Германии. За 1884–1885 гг. она стала обладательницей крупных и мелких колониальных владений общей площадью в 2907 тыс. кв. км и все чаще сталкивалась с Англией. Следовательно, если за спиной Баттенберга стоит Англия, то укрепление положения болгарского князя вело к укреплению английского влияния в этом районе, что противоречило как политическим, так и экономическим интересам Германии. Поэтому Бисмарк, не желая пока активно вмешиваться в эти события, всё же внимательно наблюдал за их развитием.

Тем временем Баттенберг, не встречая резких противодействий своим планам со стороны великих держав и опасаясь посылки турецких войск, объявил мобилизацию. Россия попала в щекотливое положение. Что делать русским офицерам, служившим в болгарской армии? Как составная часть этой армии, они должны были подчиниться князю и в случае его приказа войти в Восточную Румелию, т.е. на территорию Турции. Это могло быть истолковано как поддержка Россией действий Болгарии. Если же офицеры откажутся подчиниться приказу князя, то подвергнутся унижительной процедуре увольнения со службы. Военный министр Болгарии русский генерал М.А. Кантакузин, докладывая царю о состоянии болгарской армии, намекал, что лучшим выходом из положения было бы отозвать русских офицеров из страны. Этим, во-первых, будет спасен престиж офицеров, а, во-вторых, болгарская армия станет недееспособной, лишившись такого объема командного состава»¹⁴¹. Его поддержал дипломатический представитель России в Болгарии Кояндер¹⁴².

---

¹⁴¹ В самой Болгарии было 159 русских офицеров, в руках которых находилось все управление армией. 21 офицер служил в Восточной Румелии. ЦГВИА. Ф. I. Оп. 2. Д. 1081. С. 24.

¹⁴² АВПР. Ф. К. София. 1885 г. Д. 100. Л. 165–173. ЦГВИА. Ф. 430. Оп. 173 (3). С. 358–360.

Прежде чем пойти на осуществление этого шага, Кантакузин и Кояндер сделали попытку остановить князя от «необдуманных решений и обратили его внимание на возможность выступления турок через Кюстендил и Дубницу на Софию»¹⁴³. Но и эта угроза не остановила князя, и тогда Кантакузин подал в отставку, а русские офицеры были отозваны с болгарской службы¹⁴⁴. Оставался, правда, нерешенным вопрос о поставках в Болгарию оружия по договору, заключенному между Болгарией и русскими оружейными магнатами. Правительство России после обсуждения этого вопроса решило не поднимать его вообще, ибо задержка с поставками вызовет протест фабрикантов, официально объяснив свое решение тем, что оружие поставляется в Болгарию только частным образом¹⁴⁵. Россия открыто показала всем, что она не поддерживает это воссоединение, хотя с официальным ответом на него она медлила, несмотря на повторное требование об этом Турции. Неожиданно и для Петербурга, и для Лондона дальнейшее развитие этого конфликта резко обострилось из-за вмешательства сербского монарха.

Провозглашение воссоединения застало Милана в Германии, где он находился на лечении. Немедленно после переворота он поехал в Белград, остановившись по пути в Вене для беседы с Кальноки. Австрийский министр прямо заявил ему, что воссоединение ведет не только к нарушению Берлинского договора, но и к возрождению Сан-Стефанского, и что оно явно произошло не без участия России¹⁴⁶. В свою очередь Милан, опираясь на 7-ю статью австро-сербского договора

---

¹⁴³ АВПР. Ф. П. А. София. 1885 г. Д. 1280. Л. 353–356.

¹⁴⁴ Там же. Л. 202.

¹⁴⁵ АВПР. Ф. П. А. 1885 г. Д. 19. Л. 8.

¹⁴⁶ АВПР. Ф. П. А. 1885. Д. 431. Л. 289–292. Отчет посла о беседе с Миланом.

(Тайной конвенции) от 28 июня 1881 г. (согласно которой Австро-Венгрия обязывалась поддержать Сербию, если обстоятельства позволят ей сделать территориальные приобретения со стороны южных границ этого государства), заметил, что, по его мнению, последние события способствуют выполнению этой статьи. Сербский король получил не только поддержку своих планов, но и 10 млн динаров на нужды мобилизации армии.

9 сентября на заседании сербского правительства Милан убедил министров в том, что воссоединение — это удобная возможность для ликвидации многих внутренних бед и для территориальных приобретений. 11 сентября сербский король под предлогом защиты статус-кво объявил мобилизацию и поставил об этом в известность правительства европейских стран. Посол в Петербурге при этом получил наказ сообщить русскому правительству, что проведение на Балканах и в Европе каких-либо перестановок «без учета законных прав и интересов Сербии невозможно»¹⁴⁷. Сербские послы в европейских странах с началом мобилизации провели консультации с правительствами стран, в которых они были аккредитованы. Общий вывод, сделанный в Белграде после этих консультаций, состоял в том, что Великие державы в конце концов одобряют воссоединение Восточной Румелии с Болгарией. Бисмарк сразу же заявил сербскому послу, что не одобряет мобилизации сербской армии. И даже подчеркнул, что в данный момент главная задача состоит в локализации румелийского переворота, то есть в том, чтобы пример болгар не распространился на другие области. «То обстоятельство, что мы из-за восточных неурядиц легко можем попасть на долгое время в плохие отношения с Англией, еще легче с Австрией и, наконец, особенно легко с Рос-

¹⁴⁷ ГСИП. Ф. Р. 2. 1885. Телеграммы МИДа.

сией, имеет для будущего Германии бесконечно большее значение, чем отношения Турции к ее подданным или другим державам», — горил Бисмарк еще в 1876 г. И через 10 лет он не изменил своего мнения. Поэтому канцлер попытался убедить посла, что русский царь не одобряет воссоединения Румелии с Болгарией и ничего о нем не знал, и что лучшим способом для сербов уладить балканские дела — это начать переговоры с Австро-Венгрией, Россией и Англией¹⁴⁸.

Такой оборот событий не входил в планы Сербии, о чем свидетельствуют консультации Гарашанина в Белграде с греческим и румынским послами, во время которых глава правительства Сербии стремился выяснить мнение и позиции Греции и Румынии «на случай возможного замешательства на Балканах»¹⁴⁹. Иначе говоря, создать балканский военный блок. Он попытался убедить Грецию в необходимости заключить договор между двумя странами, но Афины, с опаской поглядывая на Лондон, с официальным ответом медлили. Гарашанин предпринял нажим на Грецию, заявив, что если на Балканах не будет восстановлен статус-кво, то Сербия может и одна выступить и занять либо Македонию, либо Старую Сербию. Если же Греция хочет добиться каких-либо территориальных расширений, заявил Гарашанин, то ее требования будут более вескими при условии, что она сразу выступит вместе с Сербией¹⁵⁰.

Ответ Греции пришел, когда сербское правительство уже твердо решило добиваться расширения границ за счет Болгарии. Греческое правительство в принципе приняло предложение о заключении договора, но хотело подробнее знать мнение другой стороны, на ка-

---

¹⁴⁸ ГСИП. Ф. И. 2. 1885. Сообщение от 11 сентября.

¹⁴⁹ АВПР. Ф. Канцелярия. 1885 г. Белград. Д. 11. Л. 23–29. Сообщение посла.

¹⁵⁰ Вучкович В. Цит. соч. С. 27.

кой основе она предлагает заключить его. К тому времени Милан и Гарашанин изменили свои планы. Они опасались, как бы греко-сербские переговоры не повредили отношениям Сербии с Турцией, что, безусловно, было бы для Сербии крайне нежелательно. Поэтому они ответили, что целью их запроса было стремление выработать общую платформу по румелийскому вопросу. Более того, они рекомендовали Греции избегать действий, могущих отвлечь внимание великих держав от вопроса, и обратиться к греко-сербским требованиям¹⁵¹. Это ясно показывает, что взоры сербского правительства были направлены уже не на освобождение славянских земель, находившихся под турецким игом, а в сторону молодого славянского государства — Болгарии.

Видя, что Сербия готовит какие-то акции, греческий посол запросил Гарашанина, когда, по его мнению, может наступить подходящий момент для военных действий¹⁵². Получив ответ: «После решения великих держав по вопросу о воссоединении», в Греции поняли, что Сербия готовится к войне. Греческое правительство сообщило в Белград, что «Греция будет ждать, пока какая-нибудь великая держава не одобрит ее выступления в поддержку Сербии»¹⁵³. Намек был явно в адрес Англии, но подобного одобрения Лондон не мог дать, и Сербия, понимая это, прекратила свои контакты с Грецией по вопросу о воссоединении Восточной Румелии с Болгарией.

Другой стране, с которой Сербия хотела заключить военный союз — Румынии в Белграде в награду за ведение совместных военных действий предлагали территории болгарского княжества от Рушукда до Варны. Формально Сербия, вступив в переговоры с Румынией без

---

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. С.38.

¹⁵³ ГСИП. Ф. И. 5. 1885. Сообщение от 30 сентября.

предварительного одобрения австрийского правительства, нарушила 4-й пункт Тайной конвенции 1881 г. Когда австрийский посол в Белграде Кивенхиллер обратил внимание своего министра иностранных дел на это обстоятельство, то последний ответил: «Думаю, будет лучше, если в этом вопросе мы предоставим Милана самому себе»¹⁵⁴. Эта позиция стороннего наблюдателя была выбрана Кальноки не потому, что сербско-румынский военный союз был невыгоден Австрии. Австрийский министр опасался больших осложнений в отношениях с Берлином и Петербургом, которые могли возникнуть, если бы там посчитали, что сербско-румынский союз создан с благословения венского кабинета.

Несмотря на фактическое одобрение Веной сербско-румынского договора, таковой заключен не был: Сербии мешал договор с Австро-Венгрией от 1883 г., по которому и Австрия, и Германия обязались защищать Румынию, а последняя должна была выступить на стороне Австро-Венгрии в случае австро-русской войны. Таким образом, без Бисмарка Румыния не могла дать согласия, а Бисмарк, не желая расширить конфликт, не одобрил союза и посоветовал узнать мнение России. Русский посол в Бухаресте Л.П. Урусов категорически отверг всякую возможность территориального расширения, заявив, что «Россия не допустит территориальных уступок за счет Болгарии»¹⁵⁵. Этим и объясняется ответ Румынии о незаинтересованности в румелийском вопросе¹⁵⁶.

Сербский король, несмотря на неудачу в организации сербско-греческого и сербско-румынского союзов, всё же не остался в одиночестве. Кальноки без особого труда смог убедить свое правительство в необходимос-

---

¹⁵⁴ Вучкович В. Цит. соч. С. 29.

¹⁵⁵ ЦГВИА. Ф. 430. Оп. 173. Д. 3. С. 312.

¹⁵⁶ Вучкович В. Цит. соч. С. 28.

ти оказания более широкой поддержки Милану. «Воссоединение Восточной Румелии с Болгарией, — сказал он Францу Иосифу, — дело уже решенное, и сербский король имеет много причин для мобилизации армии, так как кроме этой внешней причины, есть еще и сильные внутренние. По сообщениям из Сербии, там возбуждение велико, и король должен выступить. Это послужит целям сохранения порядка и престола. Австро-Венгрия стоит сейчас перед альтернативой: либо полностью поддержать Сербию, либо потерять ее, предоставив себе самой»¹⁵⁷.

Сербский король, узнав об этом, повел себя более решительно и выдвинул официальные требования: либо стутус-кво в Европе, т.е. недопущение воссоединения Румелии с Болгарией, либо территориальное расширение Сербии как противовес созданию Великой Болгарии. Таким образом, Милан потребовал компенсацию за признание воссоединения.

И Вена действительно не только не оставила Сербию, но и всячески подталкивала ее к действиям, предложив другой план. «Если Милан решит войти в Македонию, спросив Австро-Венгрию, — говорил Кальноки в беседе с сербским послом, — то мы бы ему не посоветовали. Но если он это сделает сам, то мы потом поддержали бы его. Сербия, вероятно, имеет там своих людей, и они могут, в случае необходимости, вызвать беспорядки, а Австрия и Сербия в целях сохранения порядка и мира вошли бы в Македонию. В этом случае Австро-Венгрия сможет мобилизовать один полк, два поставить в резерв. Если при этом Россия выступит на помощь Болгарии, то и Австрия войдет в Солун». На встречный вопрос посла «не столкнулись бы в таком случае интересы Сербии и Австро-Венгрии», Кальноки

---

¹⁵⁷ ГСИП. Ф. И. 1. 1885 г. Телеграмма посла Сербии М. Гарашинину от 11 сентября.

ответил: «Хватит места там и нам, и Сербии, с которой можно было бы заключить краткосрочное соглашение об урегулировании этой проблемы, пока существует династия Обреновичей. В случае, если в Сербии изменится династия, тогда вообще может встать вопрос о существовании Сербии». Для большей убедительности Кальноки сообщил, что Россия якобы, передала 14 тысяч дукатов Карагеоргиевичу и обещала в ближайшее время предоставить ему еще столько же¹⁵⁸. Этот диалог ясно свидетельствует о том, что австрофильская политика поставила под угрозу независимость Сербии, да и сама Австро-Венгрия не прочь была «погреть руки» за счет славянских народов, но боялась вызвать австро-русский конфликт.

Милан усомнился в целесообразности осуществления подобного плана, так как после турецких войн был весьма высокого мнения о турецкой армии и не хотел рисковать. Он осторожно решил выяснить мнение Бисмарка. Тот, сразу поняв, о чем идет речь и что дело может обернуться большим конфликтом, послал резкий протест Кальноки, в котором обвинил Австро-Венгрию, что она не только ничего не предприняла дабы отговорить Милана, но и «внушила ему тайные надежды»¹⁵⁹.

Вопрос о компенсации не входил в планы и Англии. «Если дать ее Сербии, — заявил Солсбери в беседе с сербским послом, — то ее придется давать и Греции, а возможно и Албании. Что тогда останется от Турции?». Эта проблема, безусловно, волновала Англию в первую очередь, так как Турция для нее была форпостом в борьбе с Россией. Лондон предупредил Сербию, что она может рассчитывать на дружбу с Англией, только если не

---

¹⁵⁸ ГСИП. Ф. И. 1. 1885 г. Отчет посла Сербии о беседе с Кальноки. Сообщение от 20 сентября.

¹⁵⁹ ГСИП. Ф. Р. 2. 1885 г. Телеграмма посла от 18 сентября.

войдет с оружием в руках в Македонию. Более того, английское правительство разъяснило, что оно стремится «к освобождению славянских народов от влияния России», и потому будет против «неосмотрительных действий Сербии»¹⁶⁰.

Русское правительство, будучи уверенным, что события на Балканах подогреваются Австро-Венгрией с целью расширения своей сферы влияния и укрепления своих позиций, сочло необходимым предоставить Черногории миллион франков на нужды армии¹⁶¹. Подобная попытка оказать нажим на Сербию с целью отказа от мобилизации не увенчалась успехом. Милан заявил, что Сербия должна быть готова на случай, если Европа признает воссоединение, так как оно нарушит равновесие между балканскими государствами. Если Россия или другие балканские государства хотят избежать нового балканского кризиса, то они должны предоставить Сербии территориальные вознаграждения¹⁶².

Король Сербии официально еще не говорил, о каких областях идет речь, хотя ранее и упоминал Трн и Видин. Такое исправление сербской границы ему было необходимо, потому что Видин был важен как дунайский порт, а Трн стоял на пути в Восточную Румелию и являлся хорошим стратегическим пунктом. Совет французского министра иностранных дел Ш. Фрейсини о необходимости сохранять спокойствие, также не возымел успеха у Милана. В день получения этого сообщения от Фрейсини Милан показал австрийскому послу в Белграде Р. Кевенхюллеру проект своего выступления на заседании скупщины. При этом он заявил, что уже не удовлетворится ранее выставленными требованиями. «Король Милан больше не стоит перед рубиконом. Он его про-

---

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ АВПР. Ф. Отчеты. 1885 г. Л. 9.

¹⁶² АВПР. Ф. Канцелярии. 1885. Белград. Д. 11. Л. 44–45.

шёл». Так резюмировал Кевенхюллер беседу с Миланом, когда сообщал о ней своему министру иностранных дел Кальноки¹⁶³.

§ 2. Дипломатическая активность на Балканах накануне сербско-болгарской войны

20 сентября начала работу скупщина Сербии. В обращении короля к депутатам не было даже упоминания о воссоединении Восточной Румелии с Болгарией. Он говорил лишь о мерах, предпринимаемых для восстановления равновесия, и о необходимости для Сербии быть готовой на случай возможной войны. Но с кем воевать, об этом король даже не упомянул, хотя уже твердо знал, в какую сторону он пошлет свои дивизии. Именно этот факт и помог Милану получить одобрение своих действий у всех депутатов, даже у представителей оппозиции, т.к. они были уверены, что война будет вестись за Старую Сербию и Македонию¹⁶⁴. Единственно, кто постарался использовать создавшуюся обстановку — это радикалы, находившиеся в эмиграции. Пашич и Пеко Павлович написали обращение к народу, которое было распространено в приграничных областях Сербии. В нём содержался призыв к восстанию. При этом восставшим обещалась «помощь со всех сторон»¹⁶⁵.

---

¹⁶³ Вучкович В. Цит. соч. С. 23.

¹⁶⁴ Нова уставност. 1885. №104.

¹⁶⁵ Архив Сербии. Стенографске бележке о седницама Народне скупштине. С. 66. В связи с тем, что обращение упоминалось у некоторых авторов, но содержание его не публиковалось, автор считает возможным привести его полностью:

«Дорогие граждане, настал момент подняться и уничтожить навязанное нам иго, которое грозит оторвать Сербию от остальных славянских народов; сбросьте навязанную вам власть и замените

Письмо попало в руки правительства, и Гарашанин послал его сербскому послу в Петербург, чтобы тот, используя его и «некоторые другие факты о террористической деятельности эмигрантов», проинформировал русское правительство об обстановке и о деятельности сербской эмиграции в Болгарии, «хотя болгарское правительство и заявляло, что оно переселило в глубь страны всех эмигрантов, проживающих на болгаро-сербской границе»¹⁶⁶. В ответ Гирс предписал своему послу в Болгарии забрать русские паспорта у эмигрантов, чтобы не вызвать лишних для России осложнений, если они, предприняв вооруженные действия, потерпят неудачу и попадутся с русскими паспортами¹⁶⁷. 17 сентября Пашич пишет письмо болгарскому политическому деятелю Н. Сукнарову, в котором просит его ходатайства перед болгарским правительством выделить четыре–пять тысяч винтовок. «Это дело срочное, — писал он. — Позже поднять восстание будет труднее, так

её представителей на тех, кого вы выберете, создавайте всевозможные помехи всем видам связи, захватывайте оружие, и обмундирование, создавайте четы, батальоны, армию. Установите связь с населением других округов и особенно, если король будет находиться там, то с Белградским и Нишским.

Мы перейдем границу и придём к вам. Братья, не теряйте ни одной минуты. Время благоприятно. Восстаньте! Не позволяйте вашим сынам идти в армию, которая используется против народа, не платите налогов, которые дают возможность вашим хозяевам вести разгульную жизнь. Сейчас момент благоприятный. Если восстаните — получите помощь со всех сторон. Сербская народная армия не может быть союзницей иностранцу, она не должна слушать предателей и идти по их стопам против народа, против его свободы, против своей Родины, против славянских братьев. Армия должна брататься со своими братьями и очистить Сербию от тирана и предателей.

На границе земли сербской 27 сентября от имени сербского мученического народа Н. Пашич, Пеко Павлович».

¹⁶⁶ ГСИП. Ф. Р. 2. 1885 г. Телеграмма МИДа.

¹⁶⁷ ГСИП. Ф. И. I. 1885 г. Телеграмма Гирса — Персиани.

как шовинисты становятся все сильнее»¹⁶⁸. Но за день до написания этого письма болгарское правительство твердо решило переселить сербских эмигрантов в глубь страны. В Берлине пошли дальше, предложив даже выдать Пашича и его сторонников в руки Милана. Посол Сербии отказался, заметив, что Сербии «нужен статус-кво, а не Пашич»¹⁶⁹. 20 сентября, в день заседания скупщины, сербскому послу в Вене официально заявили, что Австрия не откажется от защиты интересов Сербии¹⁷⁰. Более того, в Вене нарисовали слишком радужную для Милана расстановку сил в Европе. Германия, согласно проектам Вены, «если придется выбирать между Россией и Австрией, встанет на сторону последней. Франция — вначале поломается, но потом поддержит Австро-Венгрию», Италия, если Сербия «сможет её убедить, что все делает только по своей воле», поддержит Сербию; Англия в виду неразрешимых противоречий с Россией встанет на сторону Вены и Милана¹⁷¹. Получив официальную поддержку Вены, Милан переезжает в Ниш для организации уже непосредственной подготовки к войне с Болгарией. Вместе с тем в Лондон и Берлин из венского МИДа продолжали поступать успокоительные телеграммы с заверениями, что Австро-Венгрия сделает все для недопущения военного конфликта.

Тем временем болгарский князь А. Баттенберг для укрепления собственного положения всячески старался убедить общественное мнение своей страны в том, что Россия тайно поддерживает его. Но русский посол Кояндер, когда депутация Народного собрания Болга-

---

¹⁶⁸ *Јовановић С.* Цит. соч. С. 546.

¹⁶⁹ ГСИП. Ф. И. 4. 1885 г. Донесение посла от 3 октября.

¹⁷⁰ ГСИП. Ф. И. 1. 1885 г. Донесение посла от 20 сентября.

¹⁷¹ ГСИП. Ф. И. 1. 1885 г. Донесение от 20 сентября (отчет посла о беседе в МИД).

рии пришла к нему с просьбой передать царю благодарственную телеграмму, категорически отказал им в этом. Продемонстрировав истинное отношение к политике князя, он рассчитывал, что это отрезвит болгар и вызовет вражду к князю¹⁷². Александр Баттенберг попытался провести переговоры с Австро-Венгрией, Россией и Англией, для чего послал в эти страны своих эмиссаров: Начевича, митрополита Климента и Гешова. Но и они успеха не имели. В Петербурге Клименту заявили, что Россия не поощряет нынешнюю политику князя и требует восстановления статус-кво, чтобы лишить возможности другие балканские страны просить компенсации¹⁷³. Вена не дала практически никакого ответа, а Лондон предложил устранить сербских эмигрантов из Болгарии и попытаться непосредственно договориться с султаном, причем Англия обещала в этом вопросе свою поддержку. В случае успеха переговоров с султаном была бы устранена база для вмешательства европейских стран¹⁷⁴.

Болгарское правительство решило предпринять некоторые меры против сербских радикалов, что стало известно и радикалам, и Петербургу. Пашич переехал в Румынию и через русского посла в этой стране Урусова запросил разрешения прибыть со своими сторонниками в Москву, под покровительство России. Гирс посчитал неудобным в самый разгар событий допускать сербских радикалов в Москву, но предписал Урусову в случае, если австрийское или сербское правительство потребует выдачи радикалов, «оказать Пашичу покровительство», а при необходимости — разрешить им выезд в Одессу»¹⁷⁵. Подобные меры предосторожности

¹⁷² АВПР. Ф. П. А. 1885 г. София. Д. 1280. С. 363–376.

¹⁷³ АВПР. Ф. Отчеты. 1885 г. С. 91; ЦГВИА. Ф. 430. Оп. 173 (2).

¹⁷⁴ АВПР. Ф. Отчеты. 1885 г. С. 95; Ф. П. А. София. 1885 г. Д. 100. С. 272.

¹⁷⁵ АВПР. Ф. П. А. 1885 г. Д. 19. Л. 60–62. Телеграмма Гирса.

были излишними, так как Австро-Венгрия и Сербия не стали заострять внимание всех держав на этом вопросе, дабы не увести от главного — территориального вознаграждения и расширения Сербии.

Великие державы по предложению России решили взять румелийский вопрос в свои руки. 22 сентября открылась так называемая «Малая конференция» послов Германии, Австро-Венгрии и России в Константинополе. Ее целью было попытаться найти приемлемую форму для практического решения вопроса о воссоединении. Перед открытием конференции Гарашанин заявил, что быть миру или войне — зависит от решения этой конференции. Сербы были уверены, что конференция осудит Болгарию как нарушителя Берлинского договора, так как и Россия, и Австро-Венгрия всё время заявляли о своём несогласии с воссоединением. Но неожиданно для всех общего согласия достигнуть оказалось не так-то просто: Россия, желая использовать кризис для свержения Баттенберга, предложила признать воссоединение, но отстранить Баттенберга от власти. Против подобного плана резко выступила Австро-Венгрия.

На первой фазе переговоров Бисмарк попытался добиться согласия между Австрией и Россией. Два вопроса вызывали разногласия этих стран: удовлетворение Сербии и положение князя Александра. Вена стремилась выторговать уступки королю Милану, и в то же время оставить на престоле Баттенберга. Россия противилась тому и другому, ибо прекрасно видела, что увеличение Сербии за счет болгарской территории ведет к территориальному расширению сферы австрийского влияния. Поэтому параллельно с переговорами на конференции Россия послала в Вену генерала Кантакузина, бывшего до отзыва русских офицеров из Болгарии военным министром этого княжества. В беседе с сербским послом генерал сказал ему, что «русский царь и слышать не хочет, чтобы отдать Сербии часть Болга-

рии, за которую пролито столько крови и на развитие которой истрачено столько миллионов рублей»¹⁷⁶.

Кантакузин посоветовал найти выход из создавшегося положения по-другому. «Если другие державы согласятся, — сказал он, — то пусть Сербия получит компенсацию от Турции, но при этом компенсацию должна получить и Черногория». Этот вариант, подчеркнул он, должна предложить Австро-Венгрия, а Россия поддержит ее. Если же Турция будет возражать, или другие державы не согласятся, то пусть Сербия объединится с Болгарией и «на свой страх и риск воюет с Турцией»¹⁷⁷.

Второй генеральский «совет», разумеется, сербами не был принят во внимание, но что касается первого, то посол тут же посетил одного из влиятельных австрийских министров Калаи, и тот от имени Австро-Венгрии дал согласие на компенсацию Черногории за счет Албании¹⁷⁸. Австрийский МИД сделал соответствующий запрос Бисмарку, но в ответ Австрия получила протест¹⁷⁹, так как подобные действия вновь поднимали вопрос о разделе Турции. Канцлер понимал, что перед лицом враждебной Франции ему нельзя ссориться с Россией, но и нельзя терять Австро-Венгрию, а потому посоветовал последней «вылить ушат холодной воды» на Милана. Не дожидаясь, пока это сделает Вена, он сам попытался охладить пыл сербского короля, для чего пригласил его прибыть с визитом в Берлин. Но приглашение принято не было. На решение Милана отказаться от поездки в Берлин влияли новые тайные заверения Австро-Венгрии сербскому королю в том, что он не будет предоставлен сам себе, независимо от того,

---

¹⁷⁶ ГСИП. Ф. И. 1. 1885 г. Отчет посла Сербии от 23 сентября о беседе с Кантакузиным.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ ГСИП. Ф. И. 1. 1885 г. Телеграмма посла от 23 сентября.

¹⁷⁹ Там же. Сообщение от 27 сентября.

откажется ли он от планов расширения или нет. Более того, в Вене подчеркнули, что «если князь что-то сделает по своей воле, то они его не оставят»¹⁸⁰. На следующий день после этого заверения Россия, Англия и Франция посоветовали Сербии не нарушать мира¹⁸¹. Сербский король, испугавшись, что Австро-Венгрия уступит нажиму других держав и откажется от своей поддержки, решил прибегнуть к методу запугивания в отношениях со своим покровителем и пригрозил венскому кабинету своим отречением от престола¹⁸².

Потеря Милана означала бы для Австро-Венгрии потерю Сербии и увеличение опасности потерять славянские провинции. Не допуская и мысли о вознаграждении Сербии за счет Боснии и опасаясь теперь требований вознаградить ее за счет Турции, австро-венгерская монархия постоянно подталкивала Милана в сторону Болгарии. Но для этого Милан должен был «уговорить» Бисмарка поддержать предложение. Король не замедлил последовать совету Вены. В беседе с германским послом он намекнул на возможность удовлетворения Сербии за счет софийского санджака, мотивировав это тем, что Россия, испугавшись нарушения мира на Балканах (если к тому же Германия даст согласие на удовлетворение Сербии), пойдет на эту уступку¹⁸³. Зондаж Берлином мнения России привел к неожиданным результатам: она заявила, что на это предложение не согласится, но не будет возражать, если к Сербии отойдут от Турции Косово поле и несколько деревень вдоль болгаро-сербской границы, принадлежащие ей по условиям Бухарестского мира 1812 г.¹⁸⁴. Таким образом, вопрос о

---

¹⁸⁰ ГСИП. Ф. И. 1. 1885 г. Сообщение посла от 29 сентября.

¹⁸¹ АВПР. Ф. П. А. 1885 г. Белград. Д. 431. Л. 251–253. Сообщение посла России о его беседах с официальными лицами.

¹⁸² ГСИП. Ф. Р. 2. 1885 г. Циркулярная телеграмма Гарашанина.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ ГСИП. Ф. И. 8. 1885 г. Сообщение от 30 сентября.

компенсации опять фактически замкнулся на турецких территориях, и Бисмарк вновь обратился к Милану, чтобы тот не нарушал мира. Сербия нехотя «согласилась» подождать решения конференции послов, правда, оставила за собой право выступить с оружием, если посчитает, что в данный момент это будет необходимо для защиты «внутренней безопасности от действия сербских эмигрантов в Болгарии и Черногории»¹⁸⁵. Милан оставил за собой право начать войну тогда, когда он сам сочтет необходимым.

Россия упорно молчала, а в Лондоне тем временем почти ежедневно проходили выступления в пользу болгар. Сербскому послу в английском МИДе открыто посоветовали объединиться с Болгарией «против той или иной великой державы» под прикрытием Англии. В крайнем случае Сербии предложили искать компенсаций не за счет Болгарии¹⁸⁶. Лондон намеренно не уточнил о ком идет речь: о России или Турции. Солсбери лишь еще раз предупредил, что только в случае отказа от войны с Болгарией, Сербия может рассчитывать на дружбу с Англией и ее покровительство¹⁸⁷.

Султан, видя, что из-за расхождения англо-русско-австрийских интересов быстрого разрешения этого вопроса не будет, и испугавшись болгаро-сербского союза изменил свое отношение к болгарскому князю. Он предложил европейским державам внести изменения в Берлинский договор, оговорив, что болгарский князь является и губернатором Румелии¹⁸⁸. Это лишало бы Сербию и Грецию (в случае, если бы та решила) возможности требовать вознаграждения. У. Гладстон, смеивший Солсбери на посту главы лондонского прави-

---

¹⁸⁵ ГСИП. Ф. И. 4. 1885 г. Циркуляр Гарашанина.

¹⁸⁶ ГСИП. Ф. И. 5. 1885 г. ГСИП. Ф. Р. 5.

¹⁸⁷ ГСИП. Ф. Р. 2. 1885 г. Донесение из Лондона.

¹⁸⁸ Документы за... Т. 4. С. 66–67.

тельства, счёл необходимым подкрепить предложение султана резким заявлением греческому правительству о непризнании «прав Сербии и Греции на интриги вне их территории». Это мгновенно охладило пыл греков, и они заявили Милану, что «просить сейчас компенсации от Турции, значит навлечь на себя беду». Однако, предложение султана не устраивало ни Россию, ни Австро-Венгрию. Петербург видел в нем возможность усиления позиции Баттенберга. Гирс считал, что предложение султана сделано по совету Англии, которая, как он подчеркивал, «будет всегда действовать в противовес России». Он не скрывал даже перед сербским послом, что «царь стремится использовать все возможности для смещения с престола Баттенберга»¹⁸⁹. Венское правительство, зная, что предложение султана встретит резкое сопротивление Милана, не выразило удовлетворения подобным выходом из положения.

2 октября после 10-дневного заседания «Малая конференция» послов в Константинополе закончила работу. Послы достигли компромиссного решения: переворот подвергся формальному осуждению, султану высказали благодарность за миролюбивую политику, его права на Восточную Румелию были вновь подтверждены. Другие турецкие провинции призывались к спокойствию. Особенно важными были 5 и 6 пункты, в которых предупреждались «те, кому принадлежит власть в Балканских странах, что они будут признаны ответственными за беспорядки, если таковые последуют в дальнейшем», а болгарский князь призывался к недопущению сосредоточения своих войск на румелийской границе.

Всё же конференция не дала ответа на главный вопрос: что делать дальше с Восточной Румелией. Хотя Милан был предупрежден об ответственности за беспо-

---

¹⁸⁹ ГСИП. Ф. И. 8. 1885 г. Сообщение посла о беседе с Гирсом.

рядки, «если таковые последуют в дальнейшем», но конференция не дала ответа на вопрос о путях урегулирования возникшей проблемы. Единственно, о чем послы смогли договориться, так это о необходимости созыва конференции шести государств, подписавших Берлинский договор. На ней и должен был обсуждаться вопрос о том, что делать дальше с Восточной Румелией.

Представители Австрии, Германии и России договорились, что предстоящая конференция должна призвать Баттерберга вывести войска из Румелии. Причем, в случае неподчинения Баттерберга этому решению, державы должны были заявить ему, что они не возражают, если «султан осуществит свои суверенные права в Румелии», то есть введет туда войска. Если же Баттенберг соглашался на вывод своих войск, то европейские государства обязывались вступить в переговоры с Турцией и попытаться «удовлетворить желание народа Восточной Румелии». Этот план был принят Австрией под нажимом Германии и России, о чем свидетельствует тот факт, что сразу же после этого предложения Кальноки заявил о своем несогласии на турецкие вооруженные акции, а английское правительство объявило, что не поддержит ни одного плана, если он будет направлен непосредственно против Баттенберга. Видя серьезные намерения Сербии и желая выглядеть в глазах князя его единственным защитником, в Лондоне попытались предотвратить назревавшее себско-болгарское столкновение. Англия посоветовала князю либо пожертвовать Трном и Видином ради Восточной Румелии, областью, где проживает 800 тысяч жителей, либо вступить в прямые переговоры с Сербией.

Баттенберг выбрал переговоры и в качестве первого шага еще дальше переселил сербских эмигрантов, ограничив их в передвижении по стране. Затем он написал Милану официальное послание с объяснением своей позиции в румелийском вопросе. Помимо этого, написал

очень важное частное письмо, в котором предлагал союз против Турции. В случае принятия этого предложения, Баттенберг намеревался прибыть в Ниш для переговоров. «Пока есть хоть один турок в Европе, — писал он, — Сербия и Болгария должны стоять друг за друга. Я понимаю, что желание Сербии получить компенсацию огромно, но ведь и Турция велика. Договоримся о совместных действиях и тогда против нее будет стоять не 50 тыс., а 100»¹⁹⁰. Письмо так и не было отправлено, так как болгарские министры убедили князя, что если предложение о союзе станет известно Турции, то это создаст непреодолимое препятствие для достижения соглашения с султаном по румелийскому вопросу. В Белград было отправлено только официальное послание, копия которого во избежание провокаций и интриг передана турецкому комисару в Софии Нахид-паше.

Для передачи послания в Белград был отправлен бывший министр юстиции Д. Греков, который при личной аудиенции у короля должен был устно пересказать ему содержание частного письма Баттенберга. Но М. Гаршанин без труда убедил короля не принимать Грекова, ибо его визит якобы свидетельствует лишь о слабости и страхе Баттенберга. И король не только отказался принять Грекова, но постарался из своего отказа извлечь политические выгоды¹⁹¹. Премьер Гаршанин отправил циркулярную ноту европейским правительствам и султану, в которой сообщал, что король не принял Грекова, так как Сербия, «стоя на позиции Берлинского договора, не хочет вести двусторонние контакты с Болгарией, дабы не усложнять тем самым переговоры, ведущиеся между великими державами»¹⁹². Но что особенно важно, в ноте открыто сообщалось, что болгарский

---

¹⁹⁰ Вучкович В. Цит. соч. С. 34.

¹⁹¹ Порекло наших несрећ. Београд, 1892. С. 11.

¹⁹² ГСИП. Ф. Р. 2. 1885 г. Папка 3. Текст ноты.

министр хотел обсудить возможность совместных действий против Турции. Этот «реверанс» Милана перед Турцией не остался незамеченным ни в самой Турции, ни в европейских странах. Милан одним ударом провалил очередную попытку Лондона примирить Баттенберга с султаном и остановить тем самым военные приготовления Сербии. Призрак болгаро-сербского союза против Турции сильно испугал султана, и он посчитал, что будет надежней, если уничтожить даже возможность их примирения. Путь к этому был один — столкнуть два славянских государства. Поэтому на предостережение английского посла в Константинополе о надвигающейся на Балканах войне, султан ответил предельно ясно и кратко: «Пусть их себе подерутся»¹⁹³.

Открытое выступление Англии в поддержку Болгарии не получило должного внимания в Константинополе, но зато не осталось незамеченным в Берлине. 7 октября Бисмарк во время встречи с министром иностранных дел России Гирсом обратил внимание последнего на то, что требование Александра III о безусловном смещении Баттенберга вызовет отпор у Англии и Австро-Венгрии, а интересы тройственного союза требуют не предпринимать ничего, что могло бы увеличить солидарность этих двух стран. Канцлер посоветовал России как можно скорей договориться с Австрией и, не теряя зря времени (а заодно и для демонстрации своей решимости не допустить балканской войны), предупредил Милана, чтобы тот «вел умеренную политику». Более того, он помешал отправке крупновских пушек в Сербию, о чем Милан ранее договорился с Крупном¹⁹⁴ и даже предложил «войти на Балканы и разогнать разозлившихся петухов»¹⁹⁵.

¹⁹³ Вучкович В. Цит. соч. С. 33.

¹⁹⁴ ГСИП. 1885 г. Ф. Р. 2. Папка 3. Переписка Милан — Крупн.

¹⁹⁵ ЦГВИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 161. С. 33.

Под влиянием растущего нажима со стороны Германии и России, Австро-Венгрия 10 октября официально предложила Сербии провести демобилизацию армии, оправдываясь перед ней тем, что, во-первых, европейские государства не допустят изменений границ на Балканах, а во-вторых, если Милан пойдет на демобилизацию, то поднимет тем самым свой авторитет в глазах Европы. При этом австрийское правительство обещало, что оно при удобном случае в будущем поможет Сербии провести территориальные изменения. Демобилизация сербской армии, писал Кальноки в личном послании Милану, сильно поднимет авторитет Сербии и, в первую очередь, у Бисмарка, который в будущем при новой возможности для Сербии сделать территориальные изменения, не станет противиться расширению королевства. Таким образом, австро-венгерская монархия прямо указала на Бисмарка, а, следовательно, и на Россию (так как, без неё канцлер не занял бы столь жёсткий курс) как на противника планов расширения Сербии.

Уступка Кальноки давлению России вызвала резкий протест у мадьярских реакционеров. Они видели в румелийских событиях лишь усиление славянской Болгарии и потому потребовали у Вены продолжить поддержку Милана в его стремлениях добиться статус-кво. Неудовлетворяясь лишь давлением на Кальноки, они решили сами поощрить сербского монарха. Один из влиятельных венгерских министров — Каллаи посоветовал Милану быть твердым и готовым к действиям. Венгрия, подчеркнул он, осуждает действия Кальноки и его недостаточно энергичную поддержку Милана. Он посоветовал Милану самому быть поэнергичнее с Веной, т.к. иначе австро-венгерское правительство может уступить не только давлению России, но и Англии, стремившейся к тому, чтобы Вена признала воссоединение¹⁹⁶.

---

¹⁹⁶ ГСИП. 1885 г. Ф. И. 1. Сообщение посла от 17 октября о беседе в МИДе.

Совет пал на благодатную почву. Милан не только не отказался от мобилизации, но и в довольно резкой форме потребовал у Кальноки доказательств действительного расположения к нему австрийского кабинета и добился в связи с этим разрешения на тайный провоз по австрийской территории в Сербию пушек, закупленных им у Франции. Австро-Венгрия лишь посоветовала Сербии при малейшей возможности продемонстрировать благонамеренность к Турции. Такая возможность представилась в связи с прибытием в Белград нового турецкого посла Зеябея, которому Милан устроил пышную встречу.

В то же время австрийский посол в Турции продолжал усиленно добиваться турецкого нейтралитета на случай столкновения на Балканах. С разрешения Кальноки посол даже пригрозил Турции, что она может столкнуться с Австро-Венгрией, если выступит на стороне Болгарии, гарантировав, что в благодарность за нейтралитет султана сербские войска не перейдут границу по направлению к Косово полю¹⁹⁷.

Баттенберг резко отреагировал на отказ Милана принять Грекова и объединиться с Болгарией против Турции, а также на упорное нежелание Сербии провести демобилизацию армии. Сразу же после того как стал известен ответ сербского короля, болгарское правительство заявило, что «если Сербия не успокоится, то сербским эмигрантам будет разрешено перейти границу»¹⁹⁸. 12 октября из Константинополя в Белград и Софию была отправлена коллективная нота с требованием избежать действий, могущих привести к нарушению мира на Балканах. Сербии предлагалось провести демобилизацию, а Болгарии — не допускать призывов к восстанию в других областях, находившихся под управле-

---

¹⁹⁷ *Јовановић С.* Цит. соч. С. 246–247.

¹⁹⁸ ГСИП. 1885 г. Ф. Р. 2. Телеграмма МИДа от 11 октября 1885.

нием Турции, и вывести войска из Румелии. Впрочем, это не вело к восстановлению статус-кво. Поэтому сербский король отказался, потребовав вначале вывода болгарских войск из Румелии и восстановления нарушенного равновесия¹⁹⁹. В противовес ему болгарский министр иностранных дел дал официальное согласие выполнить все требования, содержащиеся в ноте, но сам князь Баттенберг, несмотря на официальное заявление своего министра, выполнять их не собирался. Его убедил в этом английский консул, напомнив князю, что в свое время султан Абдул Хамид II, будучи уверенным в непримиримости противоречий великих держав и пользуясь поддержкой все той же Англии, отказался принять выработанный Константинопольской конференцией проект реформ в балканских провинциях. В данный момент, подчеркнул английский консул, никто из стран, подписавших ноту, не решится прибегнуть к силе²⁰⁰. И он оказался прав.

В применении силы прямо были заинтересованы лишь Александр III и турецкий султан. Но последнему это грозило осложнением с Англией, а соответственно и с Грецией, и потому пойти на подобный шаг, не заручившись общей поддержкой, султан, естественно, не мог. Еще больше причин для отказа от применения силы было у России, ибо это вело, во-первых, к ухудшению русско-английских отношений, во-вторых, давало повод Австрии на оккупацию Сербии под предлогом поддержания равновесия сил на Балканах. И хотя венский кабинет не пошел бы на этот шаг по причине, как говорил Бисмарк, «плохого пищеварения», т.е. боязни раствориться в славянском мире, но ремарки Александ-

---

¹⁹⁹ АВПР. Ф. К. Белград. 1885 г. Д. 2. Л. 58; Ф. П. А. София. 1885 г. Д. 1280. Л. 396–400. Отчет о беседе с Миланом послов стран, подписавших ноту.

²⁰⁰ АВПР. Ф. К. София. 1885 г. Д. 100. Л. 313.

ра III на отдельных документах свидетельствуют о том, что он считался с такой возможностью. Русское правительство оказалось в затруднительном положении, ибо принять крайние меры оно не могло, но и бросить Болгарию на произвол судьбы, оставив ее без офицеров и без боеприпасов накануне грозящей войны, Александр III не мог, так как понимал, что этот факт Баттенберг мгновенно использует не только для дальнейшего подрыва морального авторитета России, но и для оправдания открытого обращения к английскому правительству.

В связи с этим Александр III и Гирс делают широкий жест перед болгарской общественностью, с которой оба тогда должны были заигрывать для достижения основной цели царя — удаления Баттенберга. До сведения соответствующих кругов княжества доводится, что царь, обеспокоенный судьбой Болгарии и «ввиду угрозы для неё, исходящей от Сербии, считает неудобным совершенно лишать княжество средства защиты», а потому разрешил поставки необходимого количества оружия и боеприпасов²⁰¹. Но чтобы никто не смог истолковать эту царскую «милость» как поддержку князя, Александр III накануне открытия «Большой конференции» послал в Константинополе, где должен был обсуждаться румелийский вопрос, объявляет рескрипт об исключении Баттенберга из русской армии, в которой он имел чин генерала. Но главное значение этого указа в другом. Рескрипт явно был рассчитан на великие державы, чтобы их представителям на конференции не оставалось ничего, кроме как признать низложение Баттенберга свершившимся фактом. Наиболее влиятельные газеты Москвы и Петербурга даже подчеркивали, что если Европа оставит Баттенберга на престоле, то Россия «сумеет достичь своей цели и помимо ее желания»,

---

²⁰¹ ЦГВИА. Ф. 430. Д. 165. С. 210–211. Переписка военного министра с дипломатическими представительствами.

и что помочь в этом деле должен сам султан, так как если поступок Баттенберга останется безнаказанным, то почему бы и другим не начать проводить подобную политику?²⁰² Угроза подействовала, и султан, решив, что Россия все равно добьется низложения Баттенберга, принял сторону короля Милана. Это означало принятие предложения России, а заодно и поддержку Австро-Венгрии. В то же время, дабы не осложнять отношения с Англией, султан заявил, что Порта будет придерживаться политики нейтралитета, если действия Милана будут вызваны необходимостью защиты Берлинского договора²⁰³. Для Сербии это означало фактически официальную поддержку ее военных планов.

Так понял заявление султана и министр иностранных дел Австро-Венгрии Кальноки. Он лишь посоветовал Милану не начинать военных действий до окончания работы «Большой конференции», так как её решения по предложению Австрии должны содержать требования о восстановлении прежнего статус-кво. На это решение и должен бы опираться сербский король²⁰⁴.

Чтобы не рассердить своего могучего союзника — Бисмарка, Вена уговорила основного противника Германии Францию также поддержать Сербию, а фактически, и действия самой Австрии. Накануне открытия конференции французский министр Фрейсини сделал заявление, что Франция «воздержится от вмешательства, если Турция поможет Сербии силой восстановить прежнее положение, так как только эти две страны имеют право на такой крайний шаг»²⁰⁵.

---

²⁰² ЦГИА. Ф. 1470. Д. 161. С. 156–157. Сводный отчет о прессе для Александра III.

²⁰³ АВГР. Ф. П. А. 1885 г. Белград. Д. 431. Л. 293–295. Телеграмма посла России из Константинополя.

²⁰⁴ ГСИП. 1885 г. Ф. Р. 2. Папка 3. Отчет о беседе сербского посла с Кальноки.

²⁰⁵ ГСИП. 1885 г. Ф. Р. 2. Сообщение от 22 октября, (заявление Фрейсини).

Таким образом, хотя конференция еще не начинала работу, вопрос о военных действиях уже был фактически решён. Милан по совету Кальноки ждал лишь формального окончания конференции, надеясь либо на полный срыв ее работы, либо на принятие благоприятных для него решений. 24 октября открылась «Большая конференция» послов в Константинополе. В её работе принимали участие представители стран, подписавших Берлинский договор. Председательствовал министр иностранных дел Турции Саид-паша. На конференции сразу же возникли разногласия между интересами ее участниц. Англия прилагала все усилия для узаконения воссоединения и оставления на престоле Баттенберга, Австрия добивалась статус-кво или осуждения воссоединения и поощрения действий Сербии.

Труднее всего было послу России Нелидову. Его задачей было добиться осуждения воссоединения, согласия великих держав на удаление Баттенберга, и в то же время не допустить ни в коем случае выдачу компенсации сербам за счет Болгарии, так как это вело бы к расширению сферы влияния Австро-Венгрии. Таким образом, стремясь к восстановлению статус-кво, то есть того положения, против которого русская дипломатия боролась на Берлинском конгрессе, Россия хотела тем самым показать балканским странам, что без ее санкции изменить что-либо в существующем положении нельзя. В то время как два партнера по тройственному союзу стремились каждый склонить на свою сторону Германию, Бисмарк предписал своему послу «утопить весь вопрос в чернилах».

Канцлер придерживался в румелийском вопросе политики свершившегося факта: допустить воссоединение, но не дать компенсации Сербии за счет Болгарии, так как в ней больше чем в Сербии был заинтересован крупный капитал Германии, повернувший свое лицо к этой стране после неудачных попыток Немецкого бан-

ка еще в 1882 г. принять участие в финансовых операциях в Сербии. К тому же, на территории Болгарии должны были проходить коммуникации, соединяющие Германию с Ближним Востоком²⁰⁶.

На первом же заседании послы Австро-Венгрии и России потребовали немедленного вывода болгарских войск из Румелии, после чего они согласились рассмотреть вопрос о положении в этом районе. Один лишь английский представитель предлагал обратный путь: вначале обстоятельно исследовать положение в Румелии, а потом рассмотреть вопрос о войсках. К тому же Англия, как намекнул посол, не отказалась от своего предложения пересмотреть решения Берлинского конгресса с целью узаконить сложившееся положение²⁰⁷. Обращаясь к английскому послу, Нелидов напомнил ему, что Берлинский договор разделил Болгарию именно по требованию Англии, Россия же, несмотря на то, что была против такого расчленения, относится к Берлинскому договору как к международному документу с полной лояльностью и считает, что нельзя оставлять безнаказанными тех, кто его нарушает. Русский царь, подчеркнул Нелидов, согласен признать воссоединение, но Баттенберга, как основного виновника разрушения международного договора, необходимо сместить.

Это было большой тактической ошибкой царя, так как в Лондоне не замедлили довести требование Нелидова до сведения Баттенберга, в глазах которого Англия стала теперь единственным его защитником от России. Лондон твердо решил ни в коем случае не допустить осуждения Баттенберга и сообщил об этом Турции²⁰⁸.

---

²⁰⁶ *Туполев Б.М.* Германский капитал и железные дороги в Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX в. М., 1952. С. 217–220.

²⁰⁷ АВПР. Ф. К. София. 1885 г. Д. 100. Л. 341. Отчет о заседании конференции.

²⁰⁸ История... С. 63.

Султан не только не стал настаивать на осуждении Баттенберга, предоставив это дело послу России, но и вступил в тайные переговоры с английским послом с целью найти взаимоприемлемую форму признания воссоединения. Султан при этом исходил из того, что если Россия все-таки добьётся смещения Баттенберга, то Турция не станет возражать и даже сделает соответствующее заявление, в котором предупредит другие подвластные ей народы, что их борьба уже заранее обречена на провал. Если же России не удастся осуществить ее план, и верх возьмет Англия, то незачем ссориться с Лондоном, тем более, что изменить что-нибудь султан был не в силах. Нейтральной политики в этом вопросе придерживалась и Франция. Министр иностранных дел Франции Фрейсини заявил, что его страна вообще отказывается обсуждать вопрос о личной ответственности князя Баттенберга.

Лондонский кабинет всё решительнее защищал болгарского князя, не скрывая, что царский рескрипт об исключении Баттенберга из русской армии является новым доказательством того, что князь Александр вполне заслуживает английской поддержки. Почти ежедневно во время работы конференции сербский посол в Лондоне Ч. Миятович получал настоятельные советы английского МИДа и военных добиться болгаро-сербского примирения через голову Петербурга, заключив соглашение о совместной защите от России²⁰⁹.

Султан, надеясь, что противоречия между Англией и Россией дадут возможность извлечь выгоду, предложил свой план: Баттенберг выводит свои войска из Румелии, и тогда державы проявят к нему снисходительность; султан назначает губернатора Восточной Румелии, а для предотвращения нового нарушения Берлинского договора охрана румелийских границ поручается

---

²⁰⁹ ГСИП. Ф. И. 5. 1885 г. Телеграмма Миятовича — Гарашанину.

турецким войскам. В этом случае признается воссоединение и в то же время снимается вопрос о компенсации. Но английский представитель не согласился с этим предложением, так как Баттенберг лишился славы победителя, а Россию не устраивал этот план, так как он не вел к свержению князя. Милан, узнав об этом предложении, понял, что Турция ни в коем случае не прибегнет к военной силе и даже не стремится получить официальную санкцию от конференции на восстановление статус-кво с помощью армии. Это обусловило его решение направить сербские войска на болгарскую границу, что сразу ускорило ход конференции.

Послы срочно приняли текст общего заявления, согласно которому балканские страны не должны предпринимать каких-либо решений румелийского вопроса без предварительного совместного обсуждения. Россия же в связи с этими событиями решила осуществить свой план удаления Баттенберга из Болгарии. Поэтому на просьбу Кояндера, последовавшую 30 октября, отозвать его из страны под предлогом, что политика князя сделала дальнейшее пребывание представителя России в Болгарии невозможным, Петербург тотчас же ответил отказом²¹⁰. Кояндер считал, что отзыв посла из Болгарии принес бы большую пользу, так как он мог бы резко усилить оппозицию в Болгарии, но царь, видимо, решил, что пришло время низложить князя. Осуществить это желание втайне от Австро-Венгрии было невозможно, учитывая положения договора о Союзе трёх императоров, и потому Петербург был вынужден поставить в известность Австро-Венгрию о своём предполагаемом шаге, убеждая её, что тем самым будут решены все проблемы. Австрия не только категорически высказалась против такого шага, но её представитель в Болгарии стал убеждать руководителей оппозиции и некото-

---

²¹⁰ АВПР. Ф. К. София. 1885 г. Д. 100. Л. 341. Телеграмма Гирса.

рых болгарских министров, что удаление князя из страны будет вредным для Болгарии²¹¹. Не согласился на удаление и турецкий султан. Резкий протест Англии заставил его, несмотря на стремление поддержать Россию и высказаться в пользу действий Сербии, отказаться от подобных планов²¹². Так провалилась попытка России одним махом решить румелийский вопрос и восстановить свое влияние в Болгарии.

Как только стало известно, что Константинопольская конференция в ближайшее время не решит стоящий перед ней вопрос, Милан в открытую повёл подготовку к войне. Кальноки старался придерживаться политики, отвечающей интересам, как он говорил, и «Европы», и «Сербии». Он заявил в парламенте, что Сербия будет действовать «на свой страх и риск», но тут же прибавил, что Сербии «не заявлялось об отказе Австрии охранять её интересы, если она сделает шаг к оккупации, так как Австрия уважает независимость Сербии»²¹³.

Милан понял это как последнее официальное заверение Австрии поддержать Сербию. 30 октября турецкий посол в Белграде сообщил Милану о получении предписания своего правительства «хранить и укреплять хорошие отношения с Сербией»²¹⁴, что было расценено Белградом как согласие султана с проводимой Сербией политикой. Мнение Англии, поддерживающей Болгарию, было хорошо известно, но известно также, что Англия в случае войны не могла бы оказать Болгарии фактическую помощь. Теперь все дело упиралось в Россию. Гарашанин предписывал своему послу в Петербурге генералу Хорватовичу обратить внимание Гирса на то, что

---

²¹¹ Там же. Л. 336, 346. Телеграмма посла.

²¹² АВПР. Ф. Отчеты. 1885 г. С. 96.

²¹³ АВПР. Ф. П. А. Белград. 1885 г. Д. 431. Л. 289–292. Текст выступления Кальноки.

²¹⁴ Вучковић В. Цит. соч. С. 40.

болгарские отряды совершают постоянные нападения на сербские пограничные отряды, а сербские эмигранты с ведома князя продолжают террористическую деятельность²¹⁵.

Это была подготовка русского правительства, проводившаяся по совету австрийского посла в Белграде Кивенхиллера. Он посоветовал Милану обосновать начало военных действий «именно болгарской агрессией, а не борьбой за статус-кво», так как на это Сербию никто не уполномочивал. Посол даже сам принял прямое участие в составлении ноты Сербии европейским странам, в которой обосновывалась война. Кальноки также лично предложил перед началом войны рассматривать возможную сербско-болгарскую войну как «событие местного значения».

Министр иностранных дел России Гирс в ответ на ноту заявил, что основой для примирения Болгарии и Сербии должен быть Берлинский договор, и что ни одна из великих держав не должна принимать участие в их борьбе, а если Турция решит применить силу, то целесообразность этого шага должна быть установлена великими державами. Гирс ни словом не обмолвился, что Россия выступает против войны, а фактически поддержал идею о локализации конфликта, не высказав своего отношения к самому конфликту, так как и он, и царь боялись, что «в этом австрийском предложении кроется какой-то подвох»²¹⁶. Подобный ответ Гирса был истолкован Веной как невмешательство России в сербо-болгарскую войну и даже как «фактическое согласие» России на открытие военных действий. Так и было сообщено Милану²¹⁷.

---

²¹⁵ ГСИП. Ф. Р. 2. 1885 г. Телеграмма МИДа.

²¹⁶ АВПР. Ф. Отчеты. 1885 г. Д. 100. Л. 31.

²¹⁷ ДАСРС. Препис «Политичке сфере у Европи».

Германия, решив, что Вена и Петербург достигли общего мнения, изменила тон разговора с Сербией. Барон Хольшвейн от имени Бисмарка в беседе с сербским послом Петрониевичем сказал, что вернуть прежнее положение на Балканах не удастся, и «вам никто ничего не даст, если сами не возьмете». «Великие державы не смогут прийти к согласию, и акция ограничится между Сербией и Болгарией. Решайте сами, какое зло для вас меньше: демобилизация или идти вперед». Посол был в замешательстве и не мог понять, чем вызван такой резкий поворот германской политики. Но в Белграде, зная позицию Турции, Австро-Венгрии и России, хорошо понимали, что подобный «нейтралитет» Германии вызван отсутствием резких разногласий между Австрией и Россией по вопросу о сербо-болгарской войне. Милан твёрдо настроился воевать с Болгарией, и постоянные уверения венского кабинета в том, что он в любом случае получит поддержку, укрепили в нем это настроение. В свою очередь, в Вене прекрасно понимали, что Милан идет на этот шаг не столько из стремления добиться равновесия сил на Балканах, сколь по внутренним причинам, а потеря Милана для Австрии могла означать потерю Сербии.

Проследив шаг за шагом внешнеполитические действия Сербии, становится ясно, что её дипломатическая активность по вопросу о воссоединении Румелии с Болгарией — это не поиск возможности восстановить нарушенное равновесие сил, или восстановить статус-кво в Европе, а поиск приемлемого предложения для развязывания войны. При этом Сербия пользовалась активной поддержкой венского кабинета.

Против военных устремлений Милана выступала Россия, так как расширение Сербии вело к территориальному расширению сферы влияния Австро-Венгрии. Но в то же время, царизм не хотел вставать на защиту воссоединения, так как это вело к укреплению непокор-

ного князя Баттенберга, пользовавшегося к тому же поддержкой Англии. Царь хотел доказать балканским странам, что без его одобрения их действия обречены на провал.

Таким образом, противоречия между великими державами позволили Милану начать подготовку к войне.

§ 3. Сербско-болгарская война и великие державы

Бой у Сливницы

В ночь с 30 на 31 октября 1885 г. на сербско-болгарской границе произошла очередная стычка между болгарскими и сербскими пограничными отрядами. В результате продолжавшегося более часа боя обе стороны понесли потери в живой силе. На следующий день этот инцидент стал известен в Белграде и Софии. И если князь Баттенберг расценил это как очередную пограничную стычку, то Милан нашёл в этом бое повод для объявления войны. При этом он понимал, что оттягивать войну не в его пользу как в политическом, так и военном плане. Он знал, что мобилизация сербской армии произошла быстрее, нежели болгарской. Уже на седьмой день после объявления мобилизации первые сербские полки выступили к месту сосредоточения армии. Полная мобилизация сербской армии прошла за 10 дней. Столь быстрое сосредоточение сил стало возможным благодаря железной дороге Белград — Ниш. К тому же из армии не были отпущены 10 тысяч резервистов, участвовавших в осенних манёврах. К моменту объявления мобилизации на сербско-болгарской границе для защиты от возможного нападения эмигрантов было расквартировано по 1 батальону во Вране и Княжеваце, батальон и полевая батарея в Зайчаре, три горных батареи в Кладово, плюс пять пограничных полков пехоты и один пограничный эскадрон кавалерии. Все эти факты позволили сербской армии уже к 20 октября быть в состоянии готовности.

К началу войны на сербско-болгарской границе было сосредоточено: у Сербии — около 70 тыс. пехоты и 116 орудий, у Болгарии — 30 тыс. пехоты и 50 орудий.

Но из-за столь быстрой мобилизации, интендантская служба не успела выполнить свою задачу, что впоследствии тяжело сказалось на положении дел в армии. В частности, обмундировано было лишь 40 тыс. человек, а некоторые части, несмотря на надвигающиеся холода, были одеты по летней форме, резервисты — в

своей одежде. Не была подготовлена санитарно-техническая служба, а во всей армии служило лишь 22 военных врача. Была ещё одна объективная и серьёзная трудность: прошедшее накануне перевооружение сербской армии отрицательно сказалось на боеготовности, так как солдаты ещё плохо владели новым оружием. Но эти моменты уже не могли остановить Милана.

2 ноября 1885 г. сербский король объявил войну Болгарии. В обосновании говорилось, что причиной этому послужил переход болгарскими войсками сербской границы. В вину Болгарии ставилось также нарушение Берлинского договора и нарушение равновесия на Балканах, присвоение сербской территории в районе Брегова, оказание активной помощи сербским эмигрантам в их борьбе с королевским правительством, установление таможенных барьеров для сербских товаров и нападение на сербские пограничные отряды.

Отсутствие резких протестов и вообще острой реакции со стороны великих держав показало, что это событие ожидалось ими как неизбежное. Царская дипломатия попала в незавидное положение. Победа Милана означала укрепление Австро-Венгрии на Балканах, победа же Баттенберга потенциально вела к усилению английского влияния в Болгарии и особенно самого Баттенберга.

Но так как в победу болгар после отзыва русских офицеров в Петербурге не верили, то надо было постараться в первую очередь оказать нажим на Австро-Венгрию, наиболее вероятный путь борьбы с которой лежал через Берлин. Поэтому первой реакцией России на войну было обращение русского посла к канцлеру Германии Бисмарку с жалобой на невыполнение Веней своих обязательств перед Тройственным союзом²¹⁸.

---

²¹⁸ АВПР. Ф. Отчеты. 1885 г. С. 96.

Канцлер, не желая активно вмешиваться в события на полуострове, не хотел в то же время упустить возможность столкнуть Англию с Россией. Его расчет был прост: Англия, видя невмешательство Германии, пойдет на оказание прямой поддержки Баттенбергу, т.е. против России оказалась бы Англия и Австро-Венгрия. Поэтому он выполнил, но по-своему, просьбу Петербурга: постарался убедить австрийцев не ссориться с Россией до тех пор, пока у них не будет абсолютной уверенности, что Англия также не уклонится от борьбы. При этом Бисмарк постоянно повторял Австро-Венгрии, что помочь он ей не сможет, ибо договор 1879 г. разрешает ему оказать помощь только в случае прямого нападения России на Австро-Венгрию. «Если Англия не пойдет впереди, — писал Бисмарк, — глупа будет Австрия, рассчитывая на неё. Англия боится выступить вместе с Австрией и Турцией, так ради чего же тогда одна Австрия должна ухватить кошку за хвост? Чтобы потом быть покинутой Англией?»²¹⁹ Для доказательства своего невмешательства он уволил в отставку служившего в германской армии поручика Франца-Иосифа Баттенберга, брата князя болгарского, за то, что он, находясь в Софии, активно поддерживал брата²²⁰.

Лондон же выбрал иной путь, нежели предлагал Бисмарк. Солсбери решил добиться болгаро-турецкого примирения. Его консул посоветовал князю войти в согласие с султаном, ибо в случае заключения такого соглашения Сербия теряла официальный предлог для продолжения войны. Расчет был прост: война будет окончена, и Баттенберг станет князем всей Болгарии без русских войск на болгарской территории, а влияние Англии в этой стране окажется сильнее, нежели влияние других стран. Соглашения оказалось добиться не

²¹⁹ История дипломатии... С. 247.

²²⁰ ЦГВИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 161. С. 224. Выписка из приказа.

так просто. Турецкий посол в Англии, узнав об этих планах, сообщил первым делом о них сербскому послу Миятовичу, добавив, что «Порта не думает в настоящее время вообще вмешиваться в конфликт»²²¹.

Ответ султана тем более не оставлял никаких надежд на соглашение. «Болгария, — писал он, — сама вызвала действия Сербии, и поведение последней является по сути дела проявлением добрых намерений Сербии по отношению к Порте»²²². Ободренный такой поддержкой, Милан заявил, что мир будет восстановлен только в двух случаях: либо после захвата болгарской столицы, либо если Порта введет свои войска в Румелию²²³. В Белграде невмешательство Турции было истолковано как фактическое разрешение на оккупацию Софии. Сербская армия, используя численное превосходство, перешла границу Болгарии и быстро продвигалась в глубь страны. Милан, объявляя войну, был полностью уверен, что это будет «военной прогулкой до Софии». Не желая делить славу победителя, он сам встал не только во главе верховного командования, но и принял на себя командование основной группой войск прорыва. Более того, среди других командующих не было опытных генералов, прошедших турецкую войну, таких как Белимаркович, Протич, Хорватович и др. Победа, по мнению Милана, должна была уверить всех в величии сербского монарха²²⁴.

При открытии военных действий основная масса сербских войск была брошена для прорыва на Софию. Учитывая, что основные подразделения болгарской армии были сосредоточены, в основном, на границе с Турцией, главной задачей тех болгарских частей, которым

---

²²¹ ГСИП. 1885 г. Ф. И. 5. Донесение Миятовича от 4 ноября о беседе.

²²² ГСИП. 1885 г. Ф. Р. 2. Сообщение от 5 ноября.

²²³ Там же.

²²⁴ Скоко С., Опачић П. Цит. соч. С. 118.

пришлось отражать удар противника, было задержать его до подхода основной армии. Гарнизон крепости Видин должен был не только не допустить ее сдачи, но и при возможности, отразив атаку, вторгнуться на территорию Сербии, зайдя в тыл главной сербской армии, действовавшей на направлении Ниш – София. Болгарское командование после некоторого колебания решило основные силы сосредоточить в 29 км от столицы в районе города Сливница на перекрестке дорог, ведущих от Сербии к Софии.

Сербское командование стремилось овладеть до подхода главных болгарских сил Софией и одновременно овладеть крепостью Видин. Три сербские дивизии, наступая по разным направлениям, быстрым маршем двигались в сторону Сливницы. Сюда же, предварительно овладев Трном, должны были подойти Моравская и Шумадийская дивизии. Отдельная кавалерийская бригада, усиленная гвардейским батальоном и одной батареей, должна была с левого фланга отрезать пути болгарской армии для соединения. Сербский король всячески демонстрировал перед всеми державами, что его победа уже обеспечена и что теперь он будет определять положение на Балканах. В победе Сербии был уверен и Кивенхиллер и потому посоветовал Гарашанину после близкой победы быстро заключить перемирие, не дожидаясь вмешательства великих держав. В Лондоне успехи сербской армии вызвали большую тревогу, так как там понимали, что этим может воспользоваться Россия и пойти на оккупацию Болгарии. Стремясь предотвратить такую возможность, Солсбери предложил Берлину и Вене объединить усилия в борьбе против России²²⁵. Бисмарк, не желая вмешиваться, выжидал, что насторожило Вену. Зато Александр III действительно

---

²²⁵ ГСИП. 1885 г. Ф. И. 5. Сообщение посла Сербии из Вены от 4 ноября.

решил, что теперь настало время действовать ему. По его распоряжению министр иностранных дел России Гирс предупредил Австрию, что действия Сербии могут привести к пагубным последствиям для Болгарии и что Россия, в связи с этим, не может остаться равнодушной к происходящим событиям. Чтобы не давать никакого повода расценить это как предупреждение об оккупации Болгарии, министр потребовал срочного созыва совещания представителей Австро-Венгрии, Турции, России с целью выступить единым фронтом и заставить Милана прекратить военные действия.

Предложение стало известно в Белграде и в Софии. Милан сразу же запросил Грецию, может ли она объявить мобилизацию армии, рассчитывая, что этот шаг Греции приведет к расширению конфликта и выведет его за пределы Балкан. В Афинах не возражали против сербско-болгарской войны, но объявить собственную мобилизацию именно из-за боязни расширения конфликта отказались, прямо сообщив, что «это может придать всему делу другой оборот и привести к нежелательному вмешательству Турции»²²⁶. Не осталось незамеченным заявление Гирса и в Софии. Им воспользовались противники Баттенберга. Руководители оппозиции стали распространять слух, что отступление армии объясняется решением князя продать Австро-Венгрии ту часть территории Болгарии, по которой проходят пути в Македонию. В связи с этим Цанов и митрополит Климент попросили у русского консула помощи в борьбе с Сербией, а за это обещали прогнать князя из Болгарии. Царь, боясь, что это опять какая-нибудь ловушка, потребовал официального письменного обращения болгарского правительства к России²²⁷. Ответ прийти не успел, так как положение на фронте изменилось.

---

²²⁶ ГСИП. 1885 г. Ф. Р. 2. Сообщение из Афин.

²²⁷ АВГПР. 1885 г. Ф. К. София. Д. 100. Л. 359, 374; Ф. П. А. София. Д. 1280. Л. 99–101. Телеграмма Гирса с сообщением о решении царя.

Планы сербского генерального штаба по соединению 6 ноября своих дивизий у Сливницы с нанесением удара по Софии оказались несбыточными. Милан со своими генералами был слишком уверен в лёгкой победе, недооценивая недостатки своей армии. Даже в моменты наступления Генеральному штабу пришлось издавать частые приказы о поднятии дисциплины, о необходимости выполнить долг и т.д. Как свидетельство полной незаинтересованности народа в войне можно расценивать большое количество приказов, в которых прямо говорилось о многочисленных случаях нерешительности и нежелания идти в бой.

Отсутствие карт болгарской территории привело к нарушению оперативности связи между сербскими подразделениями, особенно между идущими к Сливнице по разным маршрутам. Не смогла выполнить поставленную задачу и отдельная кавалерийская бригада, так как отсутствие дорог и сильная пересеченность местности резко снизили темп продвижения отряда. Задержка произошла и у Трна, так как во фронтальном нападении на эту крепость сербы потеряли много времени. Если бы сербское командование отрезало расположенный неподалеку слабо укрепленный район Врабача, то Трнский гарнизон был бы полностью парализован. Однако, сербские генералы были уверены в легкой победе и шли напролом. Но болгары сражались против оккупантов отчаянно. Большую и действенную помощь оказывало и местное население, обучавшееся военному делу ранее в ополчении, под руководством русских унтер-офицеров. Недоценили сербы и крепость Видин, бросив на ее взятие пополнение из второго призыва, т.е. лиц старше 40 лет. В результате, они не только не смогли взять крепость, но и отступили на свою территорию. Все эти факты привели к тому, что планируемого общего соединения сербских войск не произошло. Сербская армия, однако, несмотря на неполный состав дивизи-

зий подошедших к месту боя, имела численное превосходство перед болгарской армией, подтянутой 5 ноября к Сливнице. Сербские войска, стоящие у Сливницы насчитывали 20 батальонов пехоты, 9 эскадронов кавалерии и 72 пушки. В болгарской армии было соответственно 12 батальонов, 2 эскадрона, 36 пушек. Но моральный дух болгар, защищавших свою столицу, был несравнимо выше.

Верховный штаб болгарской армии решил, не дожидаясь полностью подхода всех своих войск (планируемого на 6 ноября), навязать бой сербам на день раньше, пока части противника не подойдут к театру военных действий. Это заставило сербское командование выделить из основной ударной группы войск отряды для флангового укрепления. Болгарское командование, несмотря на меньшую численность войск, пошло на это сражение по двум причинам: во-первых, чтобы не допустить соединения сербской армии; во-вторых, навязать бой противнику там, где выгодно болгарской армии. Правда, выбор места был столь же удобным, сколь и рискованным. Фланги болгарской армии с одной стороны защищались горами, с другой — болотами, что значительно сужало оперативный простор для сербов и затрудняло возможность нанесения флангового кавалерийского и артиллерийского удара по болгарской армии. Риск же заключался в том, что в случае поражения болгары имели бы для отступления одну дорогу и могли бы оказаться в клещах у подошедших сербских дивизий.

Сражение, начавшееся 5 ноября, видимых успехов ни одной из сторон не принесло, но к вечеру болгары смогли несколько потеснить сербские фланги, и это резко подняло их дух и решимость. Сербское командование, как и личный состав, решив, что болгарская инициатива в бою вызвана подошедшим подкреплением, решило не начинать контрнаступления до подхода своих войск. Милан срочно перевел свою штаб-квартиру

из Цари-Брода (около места сражения) в Пирот; вызвав туда министра иностранных дел, вызвал панику среди сербского командного состава: они решили, что Милан нашел сражение проигранным и бросил армию на произвол судьбы. К тому же сербские дивизии, которые должны были подойти к месту сражения 6 ноября, так и не успели соединиться к назначенному времени.

В растерянности был и болгарский князь. Испугавшись быстрого продвижения превосходящего по силе противника, он пошел на сливничкое сражение только под давлением своего штаба. Сражение нужно дать, говорил он: «Ибо нельзя же без боя отдать столицу»²²⁸. Убежденный в поражении, он через английского консула срочно обратился к султану. Подошедшие болгарские части усилили наступление, и 8 ноября сербские отряды в беспорядочном состоянии отступили к Пироту. К 10 ноября все болгарские части соединились и уже в полтора раза превышали на основном направлении сербскую армию по численности. Теперь уже болгарские части стояли на границе Сербии, готовясь перейти в дальнейшее наступление. Но перейти границу Баттенберг не решался, боясь реакции европейскииъ держав.

Разгром армии поверг в ужас короля Милана. На следующий день он буквально умолял австрийского посла, чтобы в Вене предприняли шаги перед европейскими кабинетами с целью добиться перемирия. Картину поражения дополнил австрийский военный наблюдатель при сербской армии полковник Пинтер, сообщивший в Вену, что положение на фронте для сербской армии критическое, и она на грани полного развала. Кальноки

---

²²⁸ Бендерев А. Ф. Цит. соч. стр. 299. О пораженческом настроении князя свидетельствует и его требование предать суду командующего правым флангом за то, что своими действиями смял противника, обеспечив победу болгарам, но нарушил приказ князя о пассивных действиях.

по совету военного министра тотчас же сообщил русскому послу в Вене А.Б. Лобанову о своем согласии с предложением России остановить войну. Поражение Сербии вызвало резкую перестановку сил в Европе. С этого момента интересы Австро-Венгрии и царизма в балканском вопросе вновь сошлись. Если до поражения Сербии Россия могла, выждав удобный момент, выступить на европейской арене в качестве спасителя Болгарии и, воспользовавшись этим, сместить князя с престола, то с победой болгар подобные надежды рушились²²⁹. Выиграв войну, князь приобрел популярность в народе и укрепил свое положение. Выход из этого положения был один — войну остановить и чем скорее, тем лучше. Окончания войны требовала и Австро-Венгрия, так как падение Милана не устраивало правящие круги двуединой монархии.

Но единомыслие этих двух держав было отнюдь не полным. Если Россия требовала установления мира на Балканах для низложения Баттенберга, то этот шаг совсем не отвечал интересам Австро-Венгрии. Вена легко могла найти общий язык с Баттенбергом. К тому же, антирусски настроенный князь в Болгарии был выгоден не только Англии, но и Австрии. Это прекрасно понимали в Петербурге. Поэтому перед началом нового тура дипломатической борьбы по балканскому вопросу правительственная газета «Санкт-Петербургские ведомости» открыто заявила, что на карту поставлены настоящие интересы России, которые она будет поддерживать «всем авторитетом могущественной державы»²³⁰. Политика России из выжидательной и нерешительной, каковой она была в момент подготовки войны, как толь-

---

²²⁹ АВПР. Ф. Отчеты. 1885 г. Л. 39–41; 1885 г. Главный архив. Ф. 5. А. 2. С. 250–254.

²³⁰ ЦГИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 161. С. 119–120. Вырезки из газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

ко стало ясно положение дел на фронте, сразу же превратилась в настолько активную, что Петербург не оставился даже перед угрозой собственной армией.

9 ноября Порты и Россия с согласия Австро-Венгрии предложили Болгарии заключить перемирие. Теперь Баттенберг не захотел заключать мир, резонно заметив, что пока болгарская армия не очистит свою территорию от сербов и военные действия не перейдут на вражескую территорию, ни о каком мире не может быть речи.

Сербская армия поспешно отступала, Милан метался, отдавая противоречивые приказания, и наконец приказал войскам отойти к Пироту. Узнав об этом приказе, Гарашанин стал убеждать короля отменить его и обратился за содействием к королеве. Но Милан, находясь в состоянии крайней подавленности, отказался от командования и намеревался даже отречься от престола. Слух о возможном отречении короля мгновенно распространился по стране и за границей, вызвав живейший интерес. Королева Наталья по совету Гарашанина и его сторонников, испугавшихся как бы оппозиция не воспользовалась отходом короля от дел и не совершила переворот, взяла власть в свои руки. «Король в состоянии полного нервного потрясения», так сообщили своим правительствам австрийский и английский послы, а посол России добавил, что король «находится на грани умопомешательства».

Европейские страны по-разному отреагировали на эти события. Кальноки на всякий случай попытался подготовить своего императора к падению Милана. Австрийская политика в Сербии, писал он, опирается отнюдь не на одного Милана, и потому его отсутствие на престоле не повлияет на проведение проавстрийской политики этого королевства. «Опора Сербии на Австро-Венгрию гарантируется не столько наличием Милана, сколько зависимостью Сербии от Австро-Венгрии и её

боязнию последней», — говорилось в этом докладе. Кальноки лишь обратил внимание Франца Иосифа, что в интересах Вены на престоле должна остаться династия Обреновичей, и главная задача при этом не допустить, чтобы королева Наталья попросила помощи у России²³¹. Исходя из этого, Кальноки вновь предложил России предпринять совместные шаги в Белграде и Софии, но Петербург не спешил с ответом. Александр III на сообщении своего посла о состоянии Милана на грани умопомешательства написал: «Это было бы лучше для всех»²³². Царь, видимо, решил выждать.

Не спешили и в Лондоне. Успехи болгар еще больше подняли здесь авторитет князя, но лондонский кабинет в то же время не хотел допустить и отречения Милана. «Король Сербии, — сказал английский министр иностранных дел сербскому послу Миятовичу, — всем хорошо известен своими патриотическими чувствами, а потому его отречение может вызвать большие осложнения для Сербии»²³³. О каких «патриотических чувствах» шла речь, посол ясно понял, тем более, что в Лондоне не скрывали своей основной цели — объединить всех противников России. Послу еще раз высказали сожаление, что Сербия и Болгария не добились соглашения «о совместной защите от России»²³⁴. Английский МИД попытался распространить свое влияние и на Сербию, предложив ей обратиться к европейской конференции, а Англия в этом случае обещала Сербии добиться хотя бы частичного удовлетворения ее требований²³⁵. Все же очередная попытка Солсбери «прибрать к рукам» Сербию не увенчалась успехом, т.к. Кальноки добился

---

²³¹ Вучкович В. Цит. соч. С. 51.

²³² АВПР. Ф. К. Белград. 1885 г. Д. 11. Л. 101.

²³³ ГСИП. 1885 г. Ф. И. 5. Сообщение из Лондона.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же.

при посредничестве Германии совместного обращения России, Австро-Венгрии, Германии, Италии и Франции к воюющим сторонам о заключении мира. Подобная солидарность держав заставила формально поддержать обращение и Англию²³⁶.

Остановить болгарскую армию для Сербии в тот момент было гораздо важнее, чем получить требуемую ею компенсацию за воссоединение, а потому предложение Солсбери Милан оставил без внимания и согласился прекратить военные действия и приступить к переговорам. Глава болгарского правительства отказался от прекращения огня, мотивируя отказ тем, что некоторая часть сербской армии все еще находилась на болгарской земле²³⁷. 14 ноября болгарская армия перешла границу Сербии и овладела Пиротом, но удержать его не смогла. Пришлось довольствоваться местностью вокруг него. Милан обратился за помощью к австрийскому и турецкому послам, прося их пригрозить Болгарии вторжением, если та не согласится на перемирие. 16 ноября Турция заявила князю Баттенбергу, что «хотя он является причиной войны, но если болгарская армия вернется на прежние позиции и прекратит военные действия, то Турция делает все от нее зависящее, чтобы помочь Болгарии»²³⁸. Не желал озлобить Баттенберга и Кальноки, а потому предписал Кивенхиллеру удовлетворить просьбу Милана, но не прибегая к «угрожающему тону». Кивенхиллер же, зная характер болгарского князя, не верил в то, что от него можно добиться каких-то уступок, не прибегая к угрозам и, в свою очередь, попросил своего министра оставить за ним «свободу в выборе тона разговора с Баттенбергом», а если будет необходимо, то пригрозить австро-венгерской и русской оккупа-

---

²³⁶ АВПР. Ф. П. А. София. 1885 г. Д. 1280. Л. 423–425.

²³⁷ Там же. Л. 425–427.

²³⁸ ГСИП. 1885. Ф. Р. 2. Текст заявления от 16 ноября.

цией. Кальноки в конце концов уступил нажиму своего посла и разрешил ему заявить Баттенбергу, что «Болгария столкнется с Австро-Венгрией, если не послушает её дружеского совета»²³⁹. 16 ноября посол прибыл в штаб князя Баттенберга и заявил, что всё, о чем он будет говорить, не следует рассматривать как угрозу, но Болгария нарушила международное право и фактически не допускает, чтобы великие державы дипломатическим путем добились разрешения вопроса. Затем посол энергичным тоном потребовал от князя прекращения огня. Князь попытался было поставить некоторые условия, но услышал в ответ, что если он не подчинится требованию, то Австрия введет свои войска в Сербию, а Россия в Болгарию. Баттенберг понимал, что такой поворот событий мог стоить ему престола, и ему ничего не оставалось, как согласиться на перемирие. Правда, он всё же поставил условие, чтобы войска оставались на занятых позициях, а державы послали бы ему ноту как оправдательный документ перед Народным собранием²⁴⁰.

Первым, кто высказался против этих условий, был, как ни странно на первый взгляд, русский царь. Он выразил недовольство тем, что Кивенхиллер без полномочий со стороны России, говорил от ее имени, а угрозу вторжением посчитал как фактическое вмешательство в войну. В официальном протесте австрийскому правительству Россия заявила, что это противоречит соглашению Австрии с Россией, обязывающему не вмешиваться в войну и не предпринимать никаких шагов без совещания. Но это было объяснение лишь для официального протеста. На самом деле взволновало царя другое. Каравелов со ссылкой на австрийского представителя в Софии Бигелебена сообщил Кояндеру, что Ав-

---

²³⁹ Вучкович В. Цит. соч. С. 53.

²⁴⁰ АВПР. Ф. К. София. 1885 г. Д. 11. Л. 99.

стрия, дабы не допустить революции в Сербии, «решилась на оккупацию этой страны». Александр III поверил в возможность ближайшей оккупации Сербии Австро-Венгрией. Россия же пойти на оккупацию Болгарии в то время не могла, так как это вызвало бы европейский конфликт и в первую очередь грозило войной с Англией. Во-вторых, оккупация австрийцами Сербии вела к потере всех шансов на изменение внешнеполитической ориентации в этой стране. К тому же Гирс был против оставления войск на прежних позициях, так как это создавало атмосферу неуверенности и напряженности²⁴¹.

Австрийский министр Кальноки свалил все на своего посла, заверив Гирса, что Кивенхиллер сделал заявление по собственному почину и что слух о возможной оккупации Австрией Сербии не отвечает действительности. Бисмарк также встретил известие о демарше Кивенхиллера неодобрительно. Он, как и Александр III, усмотрел в этом шаге Австрии стремление пойти на разрыв отношений с Россией, чтобы оккупировать Сербию. Против действий посла выступила и Англия. Солсбери указал русскому послу, что Болгария не является территорией России, а потому угрожать оккупацией может лишь Порты.

Прекращение военных действий не сняло подавленности с Милана и не изменило его решения отречься от престола. С этой целью он вызвал своих министров на совещание в Ниш. Зная, о чем пойдет речь, министры решили избежать встречи с королем и послали своих представителей Д. Райковича и В. Петровича. Они должны были убедить короля отказаться от своего намерения. После долгих переговоров министры вместе с Гарашанином заставили короля отказаться от идеи об отречении, но сменить военного министра на генерала

---

²⁴¹ АВПР. Ф. К. София. 1885 г. Д. 100. Л. 400.

Хорватовича, активного участника войн с Турцией, бывшего в то время послом в России, а также принять меры к защите государства, объявив новую мобилизацию²⁴². Король, уступая настояниям королевы, решил полностью положиться на энергию Гарашанина, надеясь на восстановление армии и возврат «потерянной чести». Затягивающаяся развязка румелийского вопроса вселила в Милана надежду на европейский конфликт. При этом и Сербии представится возможность, рассчитывал он, загладить ее позорное поражение²⁴³. В связи с этим он решил использовать мирную передышку для новых военных приготовлений. На остатки займа венского банка сербы закупили новые пушки, 23 000 ружей, 15 млн патронов, а сербский посол в Петербурге обязывался срочно прислать карты болгарской территории²⁴⁴.

Новая мобилизация была рассчитана на то, чтобы поставить под ружье 100 тыс. человек. Чтобы оправдать возможное возобновление военных действий, Сербия решила добиться еще большей турецкой поддержки. В конце ноября сербский посол в Константинополе дважды посещал великого визиря, уговаривая его ввести свою армию в Пловдив. Но визирь отказался последовать этому совету, заявив, что Турция без согласия держав не пойдет на этот шаг и намерена добиваться решения восточного вопроса на основе Берлинского договора²⁴⁵. Единственным выходом для Милана оставалось обратиться за помощью к России, поэтому новым послом в России вместо генерала Хорватовича, ставшего командующим сербской армией, он назначил полковника Груича, воспитанника Петербурга, пользовавшегося

---

²⁴² Вучкович В. Цит. соч. С. 56.

²⁴³ АВПР. Ф. Отчеты. 1885. Л. 51.

²⁴⁴ ГСИП. 1885 г. Ф. Телеграммы.

²⁴⁵ ГСИП. 1885 г. Ф. И. 6. Сообщение посла из Константинополя.

там популярностью. Кандидатура была выбрана действительно удачно. Александр III посчитал это назначение серьезным шагом Милана для примирения с Россией²⁴⁶. Назначение Груича послом в Россию английская дипломатия использовала в качестве сильного козыря, с помощью которого Лондон смог убедить султана в необходимости быстрее урегулирования отношений с князем Баттенбергом. Англия представила этот шаг Милана как свидетельство решимости сербского правительства вновь обрести покровительство России и как свидетельство опасных замыслов России, против которых лучшим оплотом является князь болгарский.

Султан решил опередить Россию и сам выступил в качестве третьей стороны на Балканах. Он отправил генерала Шакию-пашу в Софию для ведения переговоров, указав, что первейшей целью генерала должно стать достижение согласия Болгарии на участие Турции в переговорах между Сербией и Болгарией²⁴⁷. С помощью английского консула Шакия-паша быстро достиг согласия Баттенберга на это предложение султана, и последний неожиданно для Сербии и России официально заявил, что Болгария находится под покровительством Турции. Поэтому все переговоры могут проходить только при участии в них представителя султана, а соглашения получают правовую силу лишь после одобрения их Турцией. Более того, султан не преминул напомнить Милану о его уверениях в дружеских чувствах к Турции и в стремлении к восстановлению законности, и, в свою очередь, выразил уверенность, что Сербия поддержит этот шаг и не предпримет более без совета с султаном ни одного шага, который хоть как-то мог коснуться Болгарии. Милан, таким образом, сам попался в свою же

---

²⁴⁶ АВПР. Ф. П. А. Сербия. 1885 г. Д. 431. Л. 341–343. Реплика Александра III на донесение посла.

²⁴⁷ ГСИП. 1885 г. Ф. И. 6. Послание султана королю Милану.

ловушку и ему ничего не оставалось, как согласиться с участием Турции в переговорах о заключении мира. Правда, Гарашанин предложил султану потребовать от болгарского князя отзыва с передовой румелийских отрядов (это резко нарушило бы равновесие на фронте в пользу Сербии), но получил отказ.

Подобный поворот в политике Турции заставил Петербург пересмотреть свою позицию в румелийском вопросе и заявить, что «Россия не может считать объединение Восточной Румелии с Болгарией несовместимым со своими взглядами и со своей стороны никаких препятствий к окончательному признанию воссоединения не видит²⁴⁸. Этим заявлением русский кабинет еще раз показал Сербии, что ее курс на перевооружение не имеет оправдания, ибо великие державы не возражают против воссоединения. Делая подобное заявление, в Петербурге знали, что Австро-Венгрия не давала официального согласия на воссоединение, но в связи с тем, что Англия и Германия стояли за его признание, царь был уверен, что в Вене не осмелятся протестовать. К этому времени на повестке дня первым уже стоял не румелийский вопрос, а заключение сначала перемирия, а потом и мира между Болгарией и Сербией.

В начавшихся переговорах между Сербией и Болгарией сразу же выявилось множество различных точек зрения на перемирие и линию раздела. Болгары требовали вывода с болгарской территории оставшейся части сербских войск, осадивших Видин, в то же время свои войска, находившиеся на сербской территории около Пирота, они отводить отказались. Кроме того, для доказательства, что сербы не используют перемирие с целью укрепления армии, болгары требовали от нее обязательств сразу же после подписания перемирия назначить сербских полномочных представителей для

---

²⁴⁸ АВПР. Ф. Отчеты. 1885 г. Л. 91–93.

заклучения мира. Затыжка переговоров о перемирии была истолкована в Белграде как стремление Болгарии продолжить войну, и Милан запросил помощи в Вене. По его просьбе австрийский министр иностранных дел предупредил Петербург, что «как только возобновятся военные действия, Австрия немедленно объявит мобилизацию части своих войск»²⁴⁹. Вслед за этим предупреждением Сербия потребовала от Болгарии согласия на взаимный отвод войск с чужих территорий, а вопрос о заключении мира не связывать с перемирием и рассматривать его отдельно. «Сербия, — заявил Милан, — готова принять мир, если он не унижает достоинства государства»²⁵⁰. Предупреждение Вены, непреклонность проигравшего войну Милана, вновь возродили в Петербурге подозрение в намерении Австро-Венгрии оккупировать Сербию, и Россия опять обратила внимание Бисмарка на недружелюбное поведение их партнёра по союзу.

Балканские события явно противоречили канцлеровской политике «свободных рук» по отношению к Франции. Но не только в этом была причина возросшего внимания Бисмарка к Балканам. Существенную роль в этом вопросе сыграл и тот факт, что французские банкиры после поражения Сербии сумели, искусственно подняв цену сербских акций, соблазнить германские банки купить их. Россия, обращаясь к Бисмарку, принимала во внимание этот факт, ибо довольно тесные отношения канцлера и берлинских банкиров, безусловно, повысили его заинтересованность в устранении кризиса на Балканах. Бисмарк в довольно-таки жестком тоне заявил, что не даст втянуть себя в войну с Россией и не позволит односторонней перемены на

---

²⁴⁹ ЦГВИА. Ф. 430. Д. 177. Ч. 2. С. 175.

²⁵⁰ АВПР. Ф. П. А. Белград. 1885 г. Д. 431. Л. 321–323. Телеграмма посла России Гирсу.

Балканах, намекая на оккупацию Сербии Австрией. К тому же, как писал Бисмарк, Австрия подобной политикой «сама толкает Болгарию в руки России»²⁵¹. Нажим подействовал. Австрийский посланник неожиданно для сербов заявил, что в случае их упорства на переговорах о заключении перемирия Австро-Венгрия закроет границу и не пропустит подвоза в Сербию военных припасов²⁵². Этот шаг Австро-Венгрии был встречен в Белграде крайне неодобрительно.

Одновременно с давлением Австрии на Сербию росли претензии Порты. Теперь уже султан требовал не просто участия в переговорах, а участия на правах старшего. Визирь попытался припугнуть Сербию, заявив, что Порта не допустит политических сделок Сербии и Болгарии. Гарашанин парировал угрозу, заметив, что это не политическая сделка, а военное соглашение²⁵³. Против активного вмешательства Турции возражал и Баттенберг, упрекнув, что она «не сочла своим долгом принять участие в войне, объявленной непосредственно князю»²⁵⁴. Султан теперь уже ясно почувствовал обратную сторону своего нейтралитета. Выход из положения нашел Кальноки, предложив создать военную комиссию из представителей великих держав для решения спорных вопросов. Ее решению стороны должны были подчиниться беспрекословно. И хотя это предложение было принято, оно вызвало недовольство высших кругов Сербии, посчитавших что Вена пошла на уступки России за счет Сербии. Милан, искусно игравший в трудные для себя моменты на австро-русских противоречиях, решил и на этот раз прибегнуть к проверенному методу.

---

²⁵¹ Вучковић В. Цит. соч. С. 61.

²⁵² АВПР. Ф. К. Белград. 1885 г. Д. 11. Л. 104.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ АВПР. Ф. К. София. 1885 г. Д. 100. Л. 450. Копия письма А. Баттенберга турецкому султану.

Один из его министров, Пирочанац, предложил стороннику России Ристичу сформировать новый кабинет. Последний, решив, что Пирочанац сделал своё предложение без прямого указания короля, обратился за помощью к Александру III. «Помогите мне взять власть в свои руки, — сказал он русскому посланнику в Белграде, — и ваше правительство останется довольным Сербией»²⁵⁵. Вслед за этим и русский посланник сообщил Гирсу, что в Белграде всё чаще поговаривают о сближении с Россией. В качестве ответного шага он направил от имени Красного Креста 100 тыс. франков на медицинские нужды и 5000 франков лично Ристичу от «благотворительных обществ». Но получилось так, что все деньги попали в распоряжение Ристича, и он выдавал их от своего имени, а не от имени России. Этот «перегиб» вызвал сильное недовольство русского дипломатического представительства, и оно потребовало исправления формы раздачи денег, резко указав Ристичу, что его авторитет и авторитет России — это не одно и то же²⁵⁶. Более того, такое поведение бывшего главы правительства Сербии вызвало к нему недоверие Петербурга.

Ускорить события взялась сама королева Наталья. Её затянувшаяся ссора с королем собрала вокруг неё видных деятелей оппозиции, советовавших ей взять власть в свои руки. Для осуществления этих планов она также решила обратиться к Петербургу. Посетив русское представительство, она умоляла Россию прийти ей на помощь и уверяла в своей твёрдой ориентации на Россию, т.к. Австрия обманула и ее, и Сербию²⁵⁷.

В Петербурге серьезно задумались об изменении верховной власти Сербии. Возможных вариантов заме-

---

²⁵⁵ АВПР. Ф. П. А. Белград. 1885 г. Д. 431. Л. 329–333. Переписка МИД России с послом в Белграде.

²⁵⁶ Там же. Л. 319–320.

²⁵⁷ АВПР. Ф. П. А. Д. 431. Белград. 1885 г. Л. 450. Отчет посла.

щения Милана после его отречения было, по мнению русского правительства, три:

1. Регенство без участия королевы.
2. Регенство с королевой во главе.
3. Перемена династии.

Первый был почти неосуществим, так как ни одна из партий не допустила бы перехода верховной власти в руки политических соперников без междуусобной войны. К тому же наиболее реальной кандидатурой на пост главы правительства был в тот момент Ристич, доверие к которому в Петербурге после его действий уже ослабло. На второй вариант в Петербурге надежд не возлагали, т.к. видели, что королева движима лишь материнским желанием оставить престол за сыном, а потому «при новых обстоятельствах может полностью отказаться от ориентации на Россию»²⁵⁸. Россию устраивал лишь третий вариант — перемена династии. Тогда она обрела бы прочное влияние на Сербию. Именно к такому решению вопроса и стали стремиться в Петербурге. Наиболее подходящей кандидатурой для замены династии был, естественно, Петр Карагеоргиевич. Дипломатический представитель России Персиани уверял царя из Белграда, что на стороне Петра многочисленная оппозиция, недовольная Миланом и нуждающаяся в материальной поддержке; на его стороне скупщина, так как он обещал ей предоставить больше свободы²⁵⁹. К тому же новый командующий сербской армией генерал Хорватович все больше склонялся к кандидатуре Петра Карагеоргиевича.

В России вспомнили о Пашиче и радикалах и от имени благотворительного общества Петербурга послали ему 6 тысяч рублей²⁶⁰. Вместе с тем Петербург стремился

---

²⁵⁸ АВПР. Ф. П. А. Д. 431. Белград. 1885 г. Л. 355.

²⁵⁹ Там же. Л. 323–328.

²⁶⁰ ЦГВИА. Ф. 430. Оп. 173 (3). С. 316. Телеграмма Гирса послу в Софии.

не только полностью склонить генерала Хорватовича на сторону Петра Карагеоргиевича, но одновременно и углубить (и как можно быстрее) королевскую оппозицию. Исходя из этого, России было выгодно заставить Милана принять нежелательные для Сербии условия, чтобы не дать ему восстановить свой престиж. Но сделать все это надо было руками Австро-Венгрии, чтобы доказать, что союз Милана с Веной расходится с интересами Сербии. Именно этим и можно объяснить обращение России к Бисмарку с просьбой оказать нажим на Австро-Венгрию для скорейшего разрешения кризиса. Петербург активно поддержал предложение Кальноки о создании военной комиссии и делегировал в неё генерала Каульбарса.

Первое заседание военной комиссии состоялось в Вене 2 декабря. На ней было достигнуто общее согласие о том, что войска должны быть отведены на свои территории, и первыми должны были это сделать сербы как проигравшие войну. Милан заявил, что Сербия не принимает решения комиссии и отвергает требования Болгарии оставить свои войска в Пироте до подписания мира. В Белграде представитель Австро-Венгрии проводил одну за другой беседы с Миланом и Гарашанином. Под конец, когда он практически уговорил короля подчиниться решениям комиссии, к нему присоединился русский посол Персиани, и они от имени двух государств потребовали принять решения комиссии²⁶¹. Одновременно нажим проводился и в Софии. Но там русский посланник действовал один. После длительной беседы с министром иностранных дел Болгарии Цановым ему удалось убедить последнего положиться на европейские державы, пообещав, что они не допустят продолжения войны²⁶². В конечном итоге болгары объявили о

---

²⁶¹ АВПР. Ф. К. Белград. 1885 г. Д. 11. Л. 122. Телеграмма посла.

²⁶² АВПР. Ф. П. А. София. 1885 г. Д. 1280. Л. 450–457. Телеграмма посла.

своей поддержке решений комиссии. Вскоре и Гарашанин заявил, что «по настоянию австро-венгерского правительства» Сербия соглашается подчиниться решению военной комиссии²⁶³. Итак, то, к чему стремился Петербург — заставить Милана принять невыгодные ему условия, свалив все на Вену, было достигнуто. Слова «по настоянию Австро-Венгерского правительства» говорили сами за себя. Добиваться согласия Баттенберга было намного легче, так как наступившие морозы поставили его армию в тяжелые условия. Не хватало обмундирования, не было теплых казарм. Баттенберг признался австрийскому послу, что его солдаты буквально умирают от холодов, так как вынуждены спать на снегу. Выпавший сильный снег усугубил трудности регулярной связи армии с тылом. Нехватка продовольствия, топлива и падеж скота ухудшили положение. Стоять на месте дальше было невозможно. Князь встал перед дилеммой: либо идти вперед, либо возвращать войска.

9 декабря 1885 г. было подписано перемирие на срок до 17 февраля 1886 г. В тексте договора о перемирии сказано: «Если мир до этого времени не будет подписан, перемирие продолжается. В случае, если одна из сторон решит его нарушить после 17 февраля, она должна об этом заявить не позднее чем за 10 дней». Обе стороны должны были вывести свои войска с оккупированной территории, причем Сербия выводит свои войска до 13 декабря, а болгары до 15-го. Между государствами создавалась нейтральная полоса шириной 6 км; сразу же после перемирия стороны должны были представить своих делегатов на переговоры о заключении мира.

Подписанием перемирия завершился короткий, но важный период в жизни двух славянских государств — Сербии и Болгарии. Насыщенные бурными событиями

---

²⁶³ ГСИП. Ф. 1885 г. Ф. Р. 2. Циркуляр Гарашанина.

как в области дипломатии, так и на поле боя несколько месяцев, прошедшие от провозглашения воссоединения до подписания перемирия важны тем, что показывают, как отражается на малых народах империалистическое соперничество великих держав. Вместо действительных стремлений избежать войны мы становимся свидетелями игры буржуазных держав и их дипломатов, «прошедших, — по меткому выражению В.И. Ленина, — науку интриг, подсиживаний и корыстных подножек друг другу»²⁶⁴. Внешне борясь за недопущение военных действий на Балканах, европейские страны на деле искали такого выхода из создавшегося положения, который бы обеспечил им выгоды. «Конкуренция капиталистических держав, желающих «урвать кус», расширить свои владения и свои колонии, — затем боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или «опекаемых» Европой народов — вот два двигателя всей европейской политики»²⁶⁵. И хотя слова были написаны Владимиром Ильичём Лениным в 1912 г., они метко характеризуют и суть внешней политики последней трети XIX в., а в данном случае рассматриваемых нами событий.

---

²⁶⁴ Ленин. В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 142.

²⁶⁵ Там же. Т. 17. С. 223.

ГЛАВА IV

От перемирия до мира

Подписание перемирия не сняло проблемы, остро стоящей перед Россией: либо принять все меры против Баттенберга и свергнуть его с престола, либо заставить его отказаться от Восточной Румелии. Не будучи в силах провести эти акции самостоятельно, так как против свержения Баттенберга выступали Англия и Австро-Венгрия, Россия обращается к Союзу трёх императоров с предложением о совместном дипломатическом давлении с тем, чтобы добиться от Баттенберга отказа от Румелии и восстановления статус-кво на Балканах. В случае успеха этой акции общественное мнение Болгарии, все враги и сторонники князя убедились бы, что без санкции царя предпринимать ничего нельзя, а соответственно, нельзя ссориться с ним, нельзя искать другого покровителя. В этой политике царь Александр III неожиданно нашел союзника внутри самой Австро-Венгрии в лице венгерских помещиков, посчитавших, что воссоединение — это усиление одного из славянских государств. Статус-кво им был необходим как форма сохранения собственного спокойствия, поэтому они потребовали от Кальноки добиваться его восстановления. Но у них в этом вопросе не было согласия и единства. Так, А. Андраши и А. Аппоньи считали, что надо добиваться ослабления Болгарии, но не допустить ее союза с Россией. Другой виднейший деятель венгерской оппозиции Силанджи полагал, что подобная борьба бесполезна. «Рано или поздно, — утверждал он, — Болгария опять вернется под влияние России, хотя бы уже из-за своих притязаний на Северную Македонию, которой она не добьётся без поддержки России. Поэтому в интересах монархии добиться удовлетворения требования Сер-

бии о вознаграждении»²⁶⁶. Эти разногласия явились причиной относительной самостоятельности Кальноки в проведении своей политики.

Князь Баттенберг, не имея возможности приписать себе все заслуги в создании болгарской армии, послал благодарственное письмо Александру III за заботу о болгарской армии. Но царь никак не ответил на этот жест²⁶⁷. С целью упрочения своего положения, Баттенберг стал добиваться визита в Петербург, что, естественно, во-первых, явилось бы внушительной демонстрацией «благонадежности» по отношению к царю, а во-вторых, могло привести к укреплению армии как в отношении боеготовности, так и в отношении кадров. Сразу же после подписания перемирия князь сделал заказ Круппу и французским оружейным фирмам на поставку пушек и снарядов, а у тульских оружейников закупил несколько тысяч винтовок.

14 декабря болгарские войска отошли от линии фронта. Были распущены отряды добровольцев и ополченцы, но от проведения полной демобилизации болгарское правительство отказалось. Более того, 23 декабря князь издал указ о реорганизации армии на случай войны и официально ввёл в состав болгарской армии войска Восточной Румелии. Военный министр Болгарии Каравелов с ведома и при деятельном участии князя использовал любую возможность для увольнения с действительной службы или перевода на незначительные должности тех офицеров, которые благосклонно относились к России. Как военный министр, так и вновь назначенные высшие офицеры при любом удобном случае стремились подчеркнуть, что «при русских таких успехов достичь было вообще невозможно». Но среди сол-

---

²⁶⁶ Вучкович В. Цит. соч. С. 26.

²⁶⁷ Интересно, что на донесение об этом приказе царь написал только одно слово «комедия».

дат и низших чинов этот выпад не имел абсолютно никакого успеха²⁶⁸.

Чтобы сломить оппозицию, укрепиться на престоле и избежать грозящей зависимости от Турции, князь стал деятельно хлопотать о приеме его в Петербурге. Но царь прекрасно понимал, какие цели преследует Баттенберг. Более того, в Петербурге знали и о действительном положении в армии и в стране. «Пусть вынесет изнанку войны» — с этим предложением бывшего главы болгарского правительства, русского генерала Л.Н. Соболева царь был полностью согласен. Он считал, что популярность Баттенберга временна и что через несколько месяцев, ничего не добившись, князь попадет в затруднительное положение. Возникнет кризис, и вот тогда без поддержки царя он не сможет помешать приходу к власти сильной оппозиции.

При встрече с генералом Каульбасом во время его пребывания в Софии в качестве члена международной военной комиссии по выработке условий перемирия, Баттенберг откровенно спросил, может ли он рассчитывать на визит в Петербург в ближайшее время. На что получил не менее откровенный ответ: «Устроить сейчас этот визит будет трудно. Да и что, собственно, князь собирается сообщить?»²⁶⁹ Баттенберг понял, что приехать в Петербург, не везя в своем «багаже» раскаяния, он не сможет.

Царизм стремился всеми силами устранить непокорного князя. Турция скоро совсем уйдет из Европы, — писал все тот же Соболев в докладной царю, — и нам надо усилить сейчас свое влияние и могущество в её европейских владениях». Он предлагал заключить с Болгарией жесткую тайную конвенцию, которая вела бы к

---

²⁶⁸ ЦГВИА. Ф. 430. Д. 77 (1). С. 215.

²⁶⁹ ЦГВИА. Ф. 430. Оп. 167. Ч. I. С. 83. Письмо генерала Каульбаса.

полному подчинению страны царизмом и фактическому лишению князя власти²⁷⁰.

Александр III был согласен на нее, но знал, что Баттенберга такое предложение еще сильнее толкнёт в сторону Лондона. Поэтому он занял выжидательную позицию.

Параллельно с попытками добиться визита в Петербург, Баттенберг обсуждал с Англией возможности укрепления союза с Турцией. По совету Лондона он заявил о согласии на участие в переговорах турецкого представителя и на скрепляющую подпись султана. Английский же посол в Турции добился от Порты больших уступок на переговорах о мире: султан обещал оказать свое содействие в удовлетворении требований Болгарии о возмещении убытков, причиненных войной²⁷¹.

Не оставили военных стремлений и в Сербии. Гарашанин 10 декабря писал королеве Наталье, тоже недвольной соглашением и политикой Вены, чтобы та не предпринимала никаких шагов, ибо «нас обманул весь мир, а потому и мы должны его обмануть. Это единственно возможный способ все спасти»²⁷².

Он дает срочное задание послу в Петербурге достать и прислать карты болгарской территории²⁷³. Ещё более откровенно о планах сербского правительства сообщил сам Милан в письме королеве, так как боялся, что она во время его отсутствия в Белгаде может при поддержке оппозиции предпринять какие-нибудь важные шаги. Согласно этим планам, Сербия должна была сделать вид, что перемирие приняла искренне, а в то же время в строгой тайне начать новую подготовку к войне и сразу же по истечении срока перемирия, т.е. 17 февраля

---

²⁷⁰ ЦГВИА. Ф. 430. Оп. 167. Ч. II. С. 142–150.

²⁷¹ Документы... Т. IV. С. 68.

²⁷² Вучковић В. Цит. соч. С. 71–72.

²⁷³ ГСИП. Ф. Телеграммы. Декабрь 1885 г.

и в случае признания европейскими государствами воссоединения, начать неожиданное наступление²⁷⁴. Поэтому, чтобы не восстановить против Сербии великие державы (о чём Кальноки предупреждал Милана), Милан отказался от своей идеи послать этим государствам ноту протеста и исподволь начал готовиться к исполнению своего плана. Он послал Гарашанина в Белград для переговоров с королевой и лидерами прогрессистов и либералов с целью выяснить, можно ли на них рассчитывать и как они мыслят дальнейшую политику. На этих переговорах Гарашанин поставил вопрос: надо ли заключить мир или продолжать войну и какие внутриполитические шаги необходимо предпринять. Ристич от имени участников переговоров заявил, что войну надо продолжить только в том случае, если Болгария потребует территориальных или финансовых вознаграждений, или если она сама продолжит военные действия. «Для Сербии, — сказал Ристич, — необходимо как можно быстрее заключить почётный мир, а под почётным миром мы подразумеваем мир, не требующий каких-либо жертв».

Так в самом начале провалилась попытка Милана и Гарашанина добиться поддержки военной политики среди политических деятелей. Переговоры показали, что против продолжения войны выступают не только либералы, но и лидеры напредняцкой партии. Но и это не остановило короля Сербии. Он решил для упрочения своей власти привлечь на свою сторону руководителей радикалов, осужденных за Тимокское восстание. Чтобы заручиться их поддержкой, он обещал им издать указ о помиловании всех радикалов, кроме находящихся в эмиграции. К этому времени Милан твердо решил продолжить войну при благоприятных обстоятельствах. Он объявил, что не согласен с решением военной

---

²⁷⁴ Вучковић В. Цит. соч. С. 71–72.

комиссии и отказался от демобилизации, хотя и подписал перемирие. Это переполнило чашу терпения царя Александра III. Он писал Гирсу: «Если его (Милана) теперь не прогнать, то опять всё пойдет вверх дном»²⁷⁵. Курс на династическую перемену был взят совершенно твёрдо. Петру Карагеоргиевичу передали некоторые советы, касающиеся его поведения в связи с изменившимся состоянием дел в Сербии. В частности, он должен был обещать предоставить скупшине больше свободы, не организовывать гонений на либералов, помочь своим «неимущим» сторонникам и т.д.²⁷⁶

Заигрывания Милана с оппозицией встревожили радикалов, находящихся в эмиграции. Один из руководителей (фамилию которого, к сожалению, установить не удалось) в конце 1885 г. нелегально прибыл в Сербию для ведения переговоров с представителями оппозиции. Через три дня, добившись от них согласия «не идти на поводу» у Милана, он покинул страну. Но эти переговоры стали известны правительству и самому Милану²⁷⁷.

Активность России не укрылась от глаз Кивенхиллера. Он чувствовал, что Милан начинает всё меньше доверять Австрии, а особенно после подписания перемирия, и поэтому решил обратить внимание короля на подозрительную активность русского посольства в Белграде. Милан видел это и сам, и это заставило его ещё более серьёзно задуматься о направлении своей политики. Он решил запросить Австрию о ее отношении к болгарским требованиям о возмещении убытков и об отношении к возможному турецко-болгарскому соглашению. Кальноки ответил, что, несмотря на то, что Ми-

---

²⁷⁵ АВПР. Ф. К. Белград. 1885 г. Д. 11. Л. 155.

²⁷⁶ АВПР. Ф. П. А. Белград. 1885 г. Д. 413. Л. 354–356.

²⁷⁷ ДАСРС. Стенографске белешке о седницама народне Скупштине. С. 89.

лан сам в последнее время стал проводить политику, отличную от австрийской, Австро-Венгрия продолжает с благосклонностью относиться к Сербии. Австро-Венгрия закрывает глаза на болгарские требования о возмещении убытков, продолжал Кальноки, и постарается решить вопрос о мире в пользу Сербии, но не возражает против турецко-болгарского соглашения.

Милану ответ очень не понравился, так как он понимал, что Австрия не будет поддерживать политику продолжения войны. Он в гневе заявил, что с её стороны это предательство, пригрозив, что вынужден теперь «уступить место другим влияниям», то есть либо отречься от престола, либо пойти на сближение с Россией. Вена моментально отреагировала на эту угрозу. Кальноки, вызвав сербского посла, сделал последнему резкое заявление. Он надеется, сказал австрийский министр, что король произнёс эти слова «в запальчивости». «Но их подхватили русские, и это может иметь нехорошие последствия как для двусторонних отношений, так и для самого Милана»²⁷⁸.

Но и эта угроза не остановила короля, всеми силами стремившегося затянуть решение вопроса о мирных переговорах. Он цеплялся то за форму названия болгарского делегата (будет ли это делегат самостоятельного государства или доверенный Турции), то не соглашался на место проведения переговоров и т.д. И в то же время вёл усиленную подготовку к продолжению войны. Генерал Хорватович в беседе с русским посланником сообщил, что к сроку истечения перемирия 90-тысячная армия будет полностью обеспечена всеми военными припасами на случай войны²⁷⁹.

Встревоженный Петербург решил взять инициативу в свои руки. От имени европейских стран Россия потре-

---

²⁷⁸ ГСИП. Ф. Р. 2. Отчет посла Сербии о беседе с Кальноки.

²⁷⁹ АВПР. Ф. К. Белград. 1885 г. Д. 11. Л. 164. Отчет о беседе.

бовала от Сербии и Болгарии проведения демобилизации. Но ни та, ни другая сторона не хотела проводить демобилизацию: сербское правительство рассчитывало взять реванш за поражение, а болгарское — потому что догадывалось об этих планах. Вслед за этим русский дипломат в Белграде Персиани посетил Гарашанина и пытался склонить его к демобилизации, объясняя её необходимость тяжёлым экономическим положением страны. Но к его удивлению Гарашанин отнёсся к положению в стране очень спокойно, считая его нормальным состоянием для балканских стран. Вопрос о демобилизации так и остался открытым²⁸⁰.

На новогоднем балу в Петербурге Александр III лично заявил сербскому послу, что военные приготовления Сербии сейчас посреди зимы напрасны и продолжать войну нельзя. Милан же не только не слушал подобных советов, но более того, активно готовил армию к войне, пополняя боеприпасы. В начале января 1886 г. он получил кредит от Ротшильда на покупку во Франции 5 млн патронов, которые были немедленно через Северную Италию и Австро-Венгрию поставлены в страну²⁸¹. Боясь, что о подобной сделке станет известно европейским кабинетам, правительство Франции сочло необходимым сделать официальное предложение Сербии заключить мир с Болгарией, «так как потом это будет сделать труднее. К тому же военные авантюры для Сербии могут быть очень опасными»²⁸².

Всё же напряженная внутривосточная обстановка, крупные ссоры с королевой заставляли сербского короля вновь и вновь задуматься о своем положении. Он решил угрозу, высказанную им Кивенхиллеру, не

---

²⁸⁰ АВПР. Ф. П. А. Белград. 1885 г. Д. 434. Л. 18–26.

²⁸¹ ГСИП. 1885 г. Ф. П. 2. Папка 1, 2.

²⁸² ГСИП. 1886 г. Ф. Р. 2. 8 января 1886 г. Заявление представителя МИД Франции.

оставить просто угрозой и выяснить мнение России о нем самом. В начале января 1886 г. в длительной беседе с Персиани он пытался убедить его в повороте своей политики от ориентации на Австрию к России и свалить вину за развязывание войны на Австро-Венгрию. Для большей убедительности он рассказал Персиани содержание беседы с Кальноки в сентябре, подчеркнув при этом, что именно австриец посоветовал ему приступить к мобилизации. После этого он стал убеждать Персиани в своей преданности России. Дальнейший торг Милана заслуживает того, чтобы его привести полностью.

— Я готов, — сказал Милан, — подчиниться императору России, если только он согласится удовлетворить страну территориальными вознаграждениями.

Персиани:

— Сейчас удовлетворение этого требования невозможно.

Милан:

— Хорошо, тогда я отрекись от престола, но Россия должна оставить престол за моим сыном.

Персиани:

— Такого рода обязательство, если бы оно и могло быть принято, трудно выполнимо, и я считаю, что регенство всё же пагубно для Сербии.

Милан:

— Если моего сына примут в России и составят ему положение и материальное состояние, я готов к низложению и добьюсь в Скупщине принятия любого кандидата на престол.

На это предложение Персиани не ответил, пообещав лишь, что он передаст эту просьбу Александру III²⁸³. Таким образом, Милан подтвердил свою догадку, что Россия стремится к его отречению. Этот вывод был

---

²⁸³ АВПР. Ф. П. А. Белград. 1885 г. Д. 434. Л. 23–27. Телеграмма Персиани.

позднее подтверждён самим царём. Из всех поставленных вопросов царь ответил, и то уклончиво, лишь на последний — о зачислении сына Милана в пажеский корпус, сказал, что это возможно, но «надо выждать благоприятное время, ибо он (император) не желает вмешиваться в отношения короля и королевы». Остальные предложения короля будут приняты во внимание²⁸⁴.

В Петербурге прекрасно понимали, что это заискивание Милана вызвано лишь желанием упрочить собственное положение, но заполучить сына короля, поставив в то же время своего ставленника на престол, было уж слишком заманчиво. Тогда Россия имела бы мощное средство давления на нового короля. Но как ни заманчиво было это предложение, Россия все же потребовала от Милана твердых гарантий выполнения всех условий, прежде чем идти на удовлетворение его просьбы²⁸⁵.

Ответ Сербии и Болгарии на ноту европейских правительств с требованием провести разоружение не содержал ничего нового, хотя некоторые нюансы (Болгария, например, в отличие от Сербии прислала мотивировку отказа) были не в пользу Сербии, о чем Кальноки не замедлил довести до сведения последней и предупредил, что в ближайшее время последует новое требование о разоружении, и сербам лучше сразу согласиться, т.к. «Сербия сейчас не сможет предпринять контрнаступление против Болгарии, а болгары, по имеющимся у него сведениям, не станут нападать»²⁸⁶. Видя явное неудовольствие Сербии, в Вене решили не доводить дело до нового скандала с Миланом и обнадежить его тем, что у него будет возможность для реванша.

---

²⁸⁴ АВПР. Ф. П. А. Белград, 1885 г. Д. 22. Л. 19–20; Там же. Ф. Отчеты. Л. 59–60.

²⁸⁵ АВПР. Ф. П. А. Д. 22. Л. 23.

²⁸⁶ ГСИП. Ф. Р. 1. 1886 г. Телеграмма посла о беседе с Кальноки.

Белград незамедлительно послал распоряжение своим послам в Берлине и Петербурге еще раз прозондировать вопрос о возможности для Сербии продолжать свою политику. В Берлине ответили, что «это будет вредно для Сербии»²⁸⁷, а в Петербурге — более резко: «Россия, — сказал Гирс, — сделает всё возможное для возвращения мира и избежания кровопролития»²⁸⁸. Слова «сделает всё возможное», как и сам тон разговора, произвели в Белграде особо сильное впечатление, так как в России в то время с визитом находился черногорский князь Николай, за передвижениями и переговорами которого вимательно и с опаской следили в Сербии. Сразу же после подобного «опроса» послы великих держав посетили в Бухаресте Миятовича, и посол Германии от имени европейских правительств потребовал от Сербии заключить мир с Болгарией. «Европа, — сказал он, — не позволит соединить вопрос о мире с румелийским», и сообщил далее, что Турция снимает румелийский вопрос и не желает его обсуждать. Более того, он передал Милану слова Бисмарка о том, что «канцлер» не допустит столкновения России с Австро-Венгрией из-за Сербии»²⁸⁹. Согласие снять вопрос о воссоединении было тяжелым ударом для Милана. Окончательный переход султана на сторону Баттенберга означал победу Англии и вел к укреплению положения болгарского князя. Король метался меж двух огней. Он поругался с австрийским правительством, но не мог примириться с русским не только из-за недоверия к нему со стороны России, но и потому, что эта страна, так же как и Австрия, не гарантировала ему возможности продолжать свою политику.

---

²⁸⁷ ГСИП. 1886 г. Ф. И. 6. Телеграмма посла о беседе с Бисмарком.

²⁸⁸ ГСИП. 1886 г. Ф. И. 1. Телеграмма посла о беседе с Гирсом.

²⁸⁹ ГСИП. 1886 г. Ф. Р. 1. Отчет Миятовича.

Лондон усиленно добивался соглашения князя Баттенберга с Портой. Для того, чтобы полностью сломить Порту и убедить ее пойти Баттенбергу навстречу, Солсбери делает ловкий ход, раздувая в печати слух, что Англия подговаривает балканские государства к союзу против Турции. 10 января, как бы в подтверждение этих слов, в Болгарии был объявлен призыв новобранцев, развернулись фортификационные работы. Испугавшийся визирь потребовал объяснения у английского правительства²⁹⁰. Солсбери предложил туркам выход из создавшегося положения: Турция должна пойти на уступки Баттенбергу во всех вопросах, а Англия за это гарантировала, что соглашения против Турции не будет. Для большей убедительности Англия послала свою эскадру в греческие воды. Турки догадались, что она может быть использована и как гарант их защиты, и для нападения на них. Поэтому они мгновенно сделали встречный шаг. Турецкий представитель предложил болгарскому князю объединение армий в случае нападения на одну из сторон. Причем командование будет осуществлять та страна, на которую будет совершено нападение²⁹¹. Князь согласился.

Теперь уже Россия не могла противостоять не только турецко-болгарскому соглашению по Румелии, но и решению всех других вопросов. Болгария все больше из русского плацдарма на пути к Константинополю превращалась в барьер для России на том же пути. Допустить этого царизм, разумеется, не мог. Правительство России решило сосредоточить все силы на борьбе с Баттенбергом путём усиления внутренней оппозиции. Петербург отозвал своего представителя в Софии, показав тем самым своё отношение к князю. Русское консульство должно было всемерно поддерживать болгар,

---

²⁹⁰ Документы... С. 70. Нота визиря.

²⁹¹ Там же.

стремившихся к упрочению связей с Россией, открыто демонстрируя свое холодное отношение к князю, но не отталкивать его резко, чтобы он не решился полностью порвать с Россией. Министр иностранных дел Гирс так сформулировал свою политику в Болгарии: «Болгар необходимо подвести к более справедливой оценке как их собственных интересов, так и тех побуждений, которыми руководствовалось императорское правительство»²⁹².

Баттенберг понимал, к чему ведет такая политика, и всеми силами старался «растопить» этот показной лёд, пытаясь убедить Россию в своей преданности, хотя эта «преданность» дальше демонстраций не шла.

В Константинополь в начале января прибыл министр иностранных дел Болгарии И. Цанов для ведения переговоров с Турцией. Он передал неперемное условие князя: единство армий и народного собрания Румелии и Болгарии. В то время как Цанов диктовал эти условия, князь уже проводил их в жизнь, рассчитывая поставить Порту перед свершившимся фактом.

21 января 1886 г. между Портой и Болгарией было достигнуто соглашение. Князь Александр Баттенберг объявлялся губернатором Восточной Румелии, Кирджалийский округ отходил к Турции, а взамен Турция обязалась не пользоваться 15-й статьей Берлинского договора — правом содержать свои гарнизоны на Балканах. Но самое главное было в том, что договор предусматривал военную помощь, а Органический статут подвергался пересмотру турецко-болгарской комиссией. Это устраняло участие держав в назначении губернатора Румелии, в изменении Органического статута и окончательно отрывало Болгарию от России. Султан, уверенный, что против такого соглашения воспротивится Рос-

---

²⁹² АВГПР. Ф. П. А. София. 1886 г. Д. 1280. Л. 469–477. Телеграмма Гирса.

сия, послал болгарского и турецкого министров к русскому послу в Турции, чтобы те убедили его в том, что военное соглашение не направлено против России, а лишь преследует цель оградить Македонию от поповлений Австро-Венгрии²⁹³.

Но Россия выдвинула следующие требования: заменить слова «князь Александр» в том месте соглашения, где говорится о назначении губернатора Румелии, выражением «князь болгарский», не определяя срока назначения; исключить статьи о военном соглашении; изменение Органического статута должно утверждаться на европейской конференции²⁹⁴. Твердая позиция России заставила поддержать это предложение европейские кабинеты. Баттенберг заявил, что подобное исправление соглашения и установление зависимости его полномочий не только от Турции, но и от Европы — унижение для него как князя, а потому он отверг это требование. Перемена выражения «князь Александр» на «князь болгарский» также не прошла мимо его внимания. Султан поспешил высказать ему уверение, что князь опять пользуется его «неизменной благосклонностью» и для большей убедительности решил оказать действительную помощь князю в его планах на случай продолжения войны, выделив Болгарии полк и два батальона, а в случае необходимости — и все турецкие войска на Балканах²⁹⁵.

В Белграде поняли, что затяжка с переговорами об установлении мира привела с помощью Англии к важному турецко-болгарскому союзу, и каждый сделал свои выводы для проведения дальнейшей политики в этом районе. На дальнейшее поведение сербского короля немаловажное влияние оказал визит черногорского коро-

---

²⁹³ АВПР. Ф. Отчеты. С. 98–100.

²⁹⁴ Там же. Л. 103–110.

²⁹⁵ Документы... Т. 4. С. 74.

ля Николая в Россию. Милан, как, впрочем, и Баттенберг, был убеждён, что Николай едет на переговоры о болгарском и сербском престоле, сам он будет добиваться болгарского престола, а для своего зятя — сербского. Николай, проезжая через Константинополь, действительно пытался убедить султана, что если он будет во главе одной из славянских стран, то это будет лучше для Турции, ибо он явится связующим звеном в русско-турецком союзе.

Султан, прежде чем дать согласие, потребовал согласия России, а царь, в свою очередь, обещал одобрение, если Николай сможет добиться согласия Австрии. Зато царь твёрдо высказался в пользу Карагеоргиевича и за замену им Милана. Более того, в России даже стали разрабатывать планы по осуществлению этой цели. На встрече Александра III с Николаем Черногорским оба пришли к выводу, что все намеченные планы можно быстро реализовать, если Австрия не окажет сильного сопротивления. Николай после Петербурга поехал в Вену и Берлин. В беседе с Кальноки он постарался убедить его, что далеко не во всем доволен Россией, что она недостаточно помогает ему, и вообще, он хотел бы иметь лучшие отношения с Австрией и пользоваться большим доверием со стороны последней. Но его убеждения на Кальноки не подействовали. Разумеется, этот разговор был доведён до Милана и он, получив ещё одно коллективное требование великих держав начать переговоры о мире, понял, что дальнейшее сопротивление не только бесполезно, но может плохо кончиться. Король вынужден был согласиться на проведение мирных переговоров. Но решил всё-таки ещё раз, уже с помощью Англии, попытаться добиться территориальных компенсаций за воссоединение.

23 января в торжественной обстановке в Бухаресте открылась конференция по заключению мирного договора между Сербией и Болгарией. Но представитель

Сербии Ч. Миятович, воспользовавшись тем фактом, что турецкий представитель еще не получил официальных документов, подтверждавших его право на ведение переговоров, потребовал отложить их начало, пока не уладится этот процедурный вопрос. Выиграв тем самым необходимое для себя время, он попытался еще до начала переговоров найти приемлемый выход из положения. Буквально на следующий же день после открытия конференции Ч. Миятович предложил английскому послу компромиссный выход: воссоединение двух частей Болгарии признаётся; Греция получает земли, положенные ей по Берлинскому договору; Сербии отходит часть Старой Сербии; за территориальные изменения обе страны платят Турции единовременно плату²⁹⁶. Ставка на Англию объяснялась ее возросшей ролью при решении балканских проблем во время заключения турецко-болгарского соглашения. К тому же, это был своего рода пробный камень, с помощью которого в Белграде хотели узнать, не изменилась ли политика Англии после правительственной перемены в этой стране.

Но новый лондонский кабинет категорически отказался даже обсуждать это предложение. Безрезультатным было и обращение к Турции. Там твердо сказали, что «границы должны отвечать букве и духу Берлинского договора»²⁹⁷. Тогда Белград решил обратиться к Петербургу и для достижения своих планов использовать слухи о возможном скором заключении болгаро-турецкого договора об обороне. Однако и в этом случае сербская дипломатия потерпела неудачу. Министр иностранных дел России Гирс лишь обещал, что Россия не допустит подобного союза, который является следствием «коварного поведения Англии», и еще раз подчеркнул, что «кроме возврата к старому выхода из создав-

---

²⁹⁶ ГСИП. 1886 г. Ф. Р. 1. Январь. Отчет о работе конференции.

²⁹⁷ Там же.

шегося положения нет»²⁹⁸. Царь прямо возложил вину за все невзгоды на сербского короля и его австрофильскую политику»²⁹⁹.

До сведения сербского правительства вскоре было официально доведено мнение России относительно пути достижения мира между двумя балканскими государствами. Оно состояло в следующем:

1. Сербия и Болгария не обсуждают румелийский вопрос, так как он находится в компетенции великих держав.

2. При решении территориального вопроса необходимо исходить из восстановления статус-кво, но возможны некоторые исправления границ как болгарских, так и сербских.

3. Вопрос о денежной компенсации снимается совсем³⁰⁰.

Таким образом, Россия уже не отвергала возможности территориальных изменений, но это всё, чего смогла добиться сербская дипломатия от Петербурга.

Несмотря на все неудачи, Милан всё же решился выдвинуть свой явно неприемлемый проект договора, согласно которому Болгария должна была предоставить льготы сербским товарам, гарантировать порядок на сербско-болгарской границе, в кратчайший срок открыть свои железные дороги. Более того, город Брегово должен был быть передан Сербии, а Видин полностью разрушен, так как его существование представляло угрозу Сербии³⁰¹. Естественно, что эти требования вызвали резко отрицательную реакцию. Даже Вена не сочла возможным поддержать Милана, но сербский ко-

---

²⁹⁸ ГСИП. 1886 г. Ф. И. 1. Телеграмма посла.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ ГСИП. 1886 г. Ф. Телеграммы. Январь.

³⁰¹ ГСИП. 1886 г. Ф. Р. 1. Январь. Копия письма Гарашанина Миятовичу с текстом требований.

роль и не рассчитывал, что это предложение будет принято. Проект был выдвинут с целью дальнейшего затягивания переговоров. По требованию Турции и России Вена посоветовала Сербии забрать проект договора и как можно быстрее заключить мир, так как для Белграда продолжение войны было бы вредно. Кальноки жаловался сербскому послу, что Милан ему не доверяет и даже действует ему вопреки. Он предложил королю «под видом давления со стороны великих держав разоружиться и заключить мир», обещав, что хотя он, Кальноки, и не верит в успех, но поддержит сербские требования о компенсации. Однако «независимо от исхода решения вопроса о компенсации, армия Сербии должна быть демобилизована»³⁰². Попытку найти выход из создавшегося положения предпринял и султан. 31 января турецкий представитель предъявил свои официальные полномочия и вместе с ними обращение султана передать решение вопроса о мире на его усмотрение. Он, в свою очередь, обещал принять во внимание интересы всех сторон»³⁰³. Но Сербия, сославшись на то, что турецко-болгарский союз помешает султану объективно рассмотреть требования сторон, отказалась от этого предложения. Попытка сербских дипломатов в Петербурге представить это предложение как стремление султана «отодвинуть» Россию от решения важных вопросов и тем самым добиться её поддержки, не принесла результатов.

Окончательно потерпела неудачу и предпринятая Миланом очередная попытка добиться внутреннего мира путём создания союза партий. На совещании, проведенном королем в Нише 6 февраля, стало ясно, что радикалы ни на какие уступки не пойдут. Помилование осуждённых радикалов, объявленное королем в начале

---

³⁰² Там же. Отчет посла о беседе с Кальноки.

³⁰³ Там же. Текст ноты султана.

1886 г., явно не принесло тех результатов, которых он ожидал. На его сторону перешел лишь Пера Тодорович, один из бывших руководителей радикальной партии, остальные же остались верны своим требованиям проведения конституционных изменений и отставки правительства Гарашинина. Последние надежды короля на достижение внутреннего союза ради новой войны с Болгарией не осуществились. От союза с правящей партией отказались и либералы во главе с Ристичем. Подобный поворот событий для Милана был чреват большой опасностью. Неподчинившиеся радикалы, получив свободу, могли вызвать смуту в армии и тогда — новое восстание. Надо было решаться либо на скорейшее продолжение войны, либо подчиниться требованию европейских держав и провести демобилизацию армии, так ничего и не добившись. Но для продолжения курса на войну уже не оставалось средств. В Вене на счету у Милана от кредита, выданного ему перед войной, оставалось всего 2700 тыс. франков, в собственной казне денег практически не было — 300 тыс. динаров³⁰⁴. Для нового перевооружения этих средств было слишком мало, и к тому же стоимость сербских акций на международном рынке катастрофически падала. Если учесть ещё то, что болгары на переговорах требовали возмещения Сербией убытков, то станет ясно, в каком тяжёлом положении находился сербский король. По совету своего главы правительства, он решил избрать пока политику «ни мира, ни войны», рассчитывая на изменение международной обстановки. Первой задачей Сербии на переговорах было снять с повестки дня требование болгар о возмещении убытков. В этом вопросе ему могли оказать реальную помощь в Лондоне или в Петербурге. Лондон отпал сразу, так как Милан уже смог убедиться в твёрдой поддержке, оказываемой английским прави-

---

³⁰⁴ Вучковић В. Цит. соч. С. 92.

тельством Александру Баттенбергу. Оставался Петербург. Гирс принял с пониманием просьбу Белграда, обещал не допустить, чтобы турецко-болгарский союз при помощи Англии был направлен против Сербии, но в то же время потребовал от Белграда твердого согласия заключить мир и демобилизовать армию безо всяких условий.

Вслед за Россией немедленного заключения мира потребовала и Германия. При чем Бисмарк прямо заявил властям Сербии, что «они в настоящее время находятся в одиночестве, ибо все великие державы, — подчеркнул он, — считают необходимым заключить мир»³⁰⁵. Нежелание России осложнять положение в Европе, нежелание Бисмарка ставить под угрозу интересы тройственного союза, заставили Вену оказать очередной нажим на Милана с целью скорейшего заключения мира.

Сложилось положение, при котором все страны, кроме Сербии, стремились обеспечить быстрейшее подписание мирного договора между Сербией и Болгарией. Стремился к этому и Баттенберг, напуганный ростом недовольства в стране болгаро-турецким соглашением. В знак протеста против этого союза Старо-Загорский округ отказался дать новобранцев, в Сливне прекратили выдачу жалования правительственным чиновникам под предлогом, что из Сербии не приходят деньги. Румелийские войска охватило волнение, так как там распространился слух, что они будут служить под началом турецких офицеров. В печати открыто говорили, что необходимо как можно скорее подписать мир, так как продолжение войны может привести к проигрышу. В начале февраля в Софии состоялось очередное заседание Военного совета для обсуждения военной готовности страны. Совет пришел к заключению, что ввиду малочисленности румелийских войск и отсутствия над-

---

³⁰⁵ ГСИП. 1886 г. Ф. И. 6. Отчет посла о беседе с Бисмарком.

лежащего снабжения армии боеприпасами продолжение войны сопряжено с большим риском³⁰⁶.

Выход из создавшегося положения подсказал Баттенбергу Лондон. Князь предъявил ультиматум: или мирный договор будет подписан в ближайшее время, или 7 февраля он объявляет мобилизацию. Для большей убедительности он запросил разрешения у Турции на провоз по её территории пушек, закупленных у Круппа, одновременно послал в Петербург для закупки новой партии пушек своего начальника артиллерии майора Ванкова.

Но в Петербурге решили не допустить продолжения войны. Министр иностранных дел Гирс, приняв Ванкова, заявил ему, что «для Болгарии вывоз военных материалов из России не одобряется»³⁰⁷. Турция же, испугавшись как бы отказ выполнить эту просьбу не был воспринят в Софии как недоверие князю, пошла на этот шаг³⁰⁸. Более того, султан счел нужным продемонстрировать Сербии свою верность только что заключенному болгаро-турецкому союзу и послал ноту Милану, в которой сообщал, что Порта будет всеми имеющимися в её распоряжении силами защищать Болгарское княжество, если оно подвергнется нападению, и потребовал ускорить переговоры о мире.

Ультиматум Баттенберга и турецкая нота привели, как и предполагали в Лондоне, к упрочению решимости великих держав добиться немедленного заключения мира. Миятович с тревогой писал королю, что послы великих держав обдумывают предложение «навязать мир без долгих проволочек»³⁰⁹. В ответ Милан потребовал, чтобы Болгария первой обнародовала свой проект

---

³⁰⁶ ЦГВИА. Ф. 430. Д. 167. Ч. II. С. 155–156.

³⁰⁷ ГСИП. 1886 г. Ф. И. 1. Донесение посла.

³⁰⁸ Документы... Т. 4. С. 74.

³⁰⁹ ГСИП. Ф. Р. 2–4. 1886 г. Донесение Миятовича.

мирного договора. Расчет был прост: если Болгария потребует компенсации за войну, то Сербия тут же выступит с требованием компенсации за воссоединение. И тогда вопрос опять, в который уже раз, замкнулся бы на румелийской проблеме, по которой в Европе еще не было достигнуто согласия. По сути новый шаг Белграда вёл опять-таки к прекращению переговоров, что явилось конкретным проявлением политики «ни войны, ни мира», проводимой Миланом с целью отыскать возможности для нового перевооружения своей армии.

Болгарская сторона на переговорах действительно потребовала контрибуции в размере 20 млн динаров. Но это было настолько чрезмерным требованием, что даже союзники Баттенберга не смогли его поддержать. Россия, догадываясь, что может крыться за подобным требованием, предложила вначале заключить мир, а потом уладить все спорные вопросы. Завести вопрос о мире в тупик сербы не смогли не только из-за этого предложения России, получившего поддержку у великих держав. На отказ Милана от проведения курса на дальнейшую милитаризацию страны повлиял широко освещаемый во многих странах визит черногорского князя Николы в Петербург.

Печать России открыто называла его в качестве единственно возможной личности для объединения «в роковой час славянских племен»³¹⁰. Его встречи с Петром Карагеоргиевичем, осторожный зондаж возможностей династической перемены в Сербии, который он вел в Вене и Берлине, прокламация Петра Карагеоргиевича с обращением к сербскому народу, которая нелегально распространялась по стране, все это насторожило и испугало Милана. Вена посоветовала ему в виду подобных обстоятельств подчиниться требованию держав. Король Милан, понял, что проиграл и должен за-

³¹⁰ «Московские ведомости», «Новое время», «Свет». Февраль 1886.

ключить мир, иначе это грозило ему потерей трона. Единственно, о чём он попросил Австро-Венгрию и Германию — заставить Баттенберга отказаться от требований контрибуции. Под нажимом этих держав, к которым присоединилась и Россия, Баттенберг снял свои требования. Турецкий султан огласил одобренный державами проект мирного договора. Он состоял лишь из одной фразы: «Мир и дружба между Сербией и Болгарией восстанавливаются»³¹¹. Но и к этому тексту у Гарашанина нашлись претензии. Последний крючок его заключался в требовании снять слово «дружба». Стороны согласились, и 19 февраля 1886 года договор был подписан. На следующий день после подписания мира в Сербии и Болгарии приступили к демобилизации армий.

---

³¹¹ ГСИП. 1886 г. Ф. Р. 2. Текст договора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После завершения процесса национального объединения в Средней Европе центром новых национальных движений стала Юго-Восточная Европа и прежде всего Балканы. Народы этого региона после многовекового турецкого рабства поднялись на борьбу за своё освобождение. Новая волна национально-освободительного движения, поднимавшаяся в конце 70-х годов XIX в., проходила при благоприятных внешнеполитических условиях. После почти семидесятилетней борьбы за национальное освобождение Сербия добилась полной независимости от Турции. 1878 г. принёс государственность и болгарам. Однако национальные стремления балканских народов получили свое завершение в обретении ими государственности только при совпадении этих стремлений с интересами русского царизма на Балканах. Образование независимых национальных государств в непосредственной близости от Австро-Венгрии не могло не оказывать воздействия на угнетенные ею народы. Поэтому совпадение интересов России и балканских народов вело к распаду не только Османской империи, но и Австро-Венгрии. Эти факты обусловили направление внешней политики двуединой монархии в последней трети XIX в. Суть этого направления состояла: 1) в недопущении расширения национального движения и 2) в борьбе против русского влияния в балканских странах. Таким образом, русско-австрийское соперничество проявлялось, прежде всего, на Балканах, и всякое, даже малейшее, нарушение статус-кво в этом регионе Европы вело к обострению отношений между Веной и Петербургом, создавая реальную угрозу возникновения европейского кризиса.

Это, как мы видим, и произошло в 1885 г. Рассмотренные в диссертации вопросы позволяют сделать вы-

вод, что Балканский кризис 1885 г. был вызван воссоединением Восточной Румелии с княжеством Болгарии, а сербский король Милан, искавший выход из внутривосточных осложнений, довел его до высшей точки — войны между двумя братскими народами. Для Сербии война была захватнической, несправедливой и не отвечала не только её государственным и национальным интересам, но и интересам народов всего полуострова, которые требовали установления более тесных отношений между новыми национальными государствами. Сербский король использовал освобождение некоторой части болгарского народа от турецкого ига не для расширения движения за полное освобождение всех оставшихся под турецким ярмом балканских народов, а в личных целях, сознательно пойдя на резкое обострение обстановки в этом районе Европы. Пагубное влияние этой политики сказалось, в первую очередь, на уничтожении даже призрака сербско-болгарского объединения, так напугавшего не только султана, но и Австро-Венгрию, считавшую, что объединение славянских государств может усилить в конечном счёте её основную соперницу — Россию.

Война еще более ухудшила экономическое положение в Сербии, увеличила недовольство народных масс политикой Милана и напредняцкой партии. В 1887 г. партия была вынуждена отойти от власти, и как сильный политический фактор она перестала существовать. Но её уход не укрепил положение Милана. Вскоре и он вынужден был отречься от престола.

Война 1885 г. для болгарского народа фактически являлась продолжением его борьбы за освобождение. Благодаря своим учителям — русским военным инструкторам, сумевшим за короткое время создать боеспособную армию, народ Болгарии отстоял свою независимость. Одновременно это послужило доказательством превосходства военного искусства России над прусским

и австро-венгерским, на основе которого создавалась сербская армия.

Победа Болгарии в войне, как отмечал Д. Благоев, с одной стороны, способствовала росту болгарского национального сознания, а с другой — росту буржуазного национализма³¹². В то время социал-демократия как Болгарии, так и Сербии не смогла помешать буржуазии использовать чувство национального патриотизма в своих корыстных целях. Известный сербский социал-демократ Шовель в письме к Бакалову отмечал, что социалисты балканских стран должны всеми силами бороться против разгорающегося в этом районе шовинистического угара. Мы обязаны помнить, подчеркивал он, что шовинизм разделяет, а социализм объединяет народы³¹³. Это письмо было написано через десять лет после рассматриваемых нами событий, а в середине 1880-х годов социал-демократы Сербии и Болгарии еще не могли оказывать заметного влияния на политическое развитие своих стран. Однако видеть эту разницу и активно бороться против националистических стремлений всегда было одной из важных задач балканских социал-демократов, так как народы этих стран испытывали на себе не только давление своей собственной буржуазии, но, что еще более важно, и реакционное влияние могущественной европейской буржуазии, разжигающей, как писал В.И. Ленин, «шовинизм и национальную вражду, чтобы облегчить себе политику грабежа, чтобы затруднить балканским угнетенным классам свободное развитие»³¹⁴.

Сербско-болгарская война стала возможна лишь благодаря непримиримым противоречиям империалисти-

---

³¹² Благоев Д. «Принос...».

³¹³ ЦГАЛИ. Бакалова Ф. Письмо Шовеля.

³¹⁴ Ленин В.И. Балканская война и буржуазный шовинизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 39.

ческих держав, в первую очередь, Австро-Венгрии, России и Англии.

Правительство России прекрасно понимало, что и Австро-Венгрия, и Англия стремятся сделать все для ослабления позиции России на Балканах, но отсутствие экономических связей с балканскими государствами резко ослабляло ее объективные возможности борьбы за господство в этом районе Европы. У царской дипломатии престижный вопрос — борьба с Баттенбергом — заслонил более важный — отношение к воссоединению Восточной Румелии с Болгарией. Борьба с Баттенбергом стала той «призмой», через которую рассматривались все вопросы, в том числе и отношение к сербско-болгарской войне. Царская дипломатия так и не смогла определить, как отразятся военные действия между Сербией и Болгарией на борьбе Петербурга с Баттенбергом и на возможности России влиять на развитие внутривосточного положения в Болгарии. Этим объясняется пассивная роль России в период подготовки Сербии к войне и, в частности, отсутствие резких мер, которые бы прямо свидетельствовали, что Россия выступает против развязывания войны. Победа Баттенберга поставила Александра III перед необходимостью вернуться к идее насильственного удаления этого князя из Болгарии, что, как известно, и было сделано в 1886 г. Результатом же оказалась серьезная потеря Россией своих позиций на Балканском полуострове.

Германский канцлер Бисмарк, проводя в Европе блоковую политику, стремился не допустить принятия Австро-Венгрией таких мер, которые грозили бы нанести ущерб Германии и поставить под угрозу существование Союза трёх императоров. В то же время Англия проводила линию на блокировку с Австрией, не скрывая, что её цель — как можно сильнее ослабить позиции России на Балканах, поставив ее в политическую изоляцию, если прямо не столкнуть Вену с Петербургом.

Балканский кризис 1885 г. наглядно показал отсутствие единства внутри Союза трех императоров. Война, а также переворот в Болгарии в 1886 г. стали тем локальным взрывом, который ещё более обострил противоречия между великими державами и привел в конце концов к краху этого Союза. Тем самым еще раз было подтверждено, что политика и отношения между ведущими на международной арене государствами и так называемыми малыми странами находятся в тесной взаимосвязи.

БИБЛИОГРАФИЯ

Классики марксизма-ленинизма

1. *Маркс К.* К восточному вопросу (Из писем К. Маркса к В. Либкнехту) // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 15.

2. *Энгельс Ф.* Что будет с Европейской Турцией? // Там же. Т. 9.

3. *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Там же. Т. 22.

4. *Энгельс Ф.* Турецкий вопрос // Там же. Т. 9.

5. *Энгельс Ф.* Политическое положение в Европе // Там же. Т. 21.

6. *Ленин В.И.* Балканская война и буржуазный шовинизм // Полн. собр. соч. Т. 23.

7. *Ленин В.И.* События на Балканах и в Персии // Там же. Т. 17.

8. *Ленин В.И.* Социальное значение сербско-болгарских побед // Там же. Т. 22.

9. *Ленин В.И.* Под чужим флагом // Там же. Т. 22.

10. *Ленин В.И.* Новая глава всемирной истории // Там же. Т. 22.

11. *Ленин В.И.* Тетради по империализму // Там же. Т. 28.

12. *Ленин В.И.* Горючий материал в мировой политике // Там же. Т. 17.

13. *Ленин В.И.* Материализм и империокритицизм // Там же. Т. 18.

14. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Там же. Т. 27.

15. *Ленин В.И.* О праве наций на самоопределение // Там же. Т. 25.

16. *Ленин В.И.* Война и революция. Там же. Т. 32.

Источники

Архив Внешней политики России (АВПР)

1. Фонд Канцелярии: Белград. 1880 г. Д. 22; 1884 г. Д. 11.; 1885 г. Д. 11.
2. Фонд Канцелярии: София. 1884 г. Д. 82; 1885 г. Д. 100.
3. Фонд Политархив: Белград, 1885 г. Д. 431; 1886 г. Д. 431.
4. Фонд Политархив: София: 1885 г. Д. 1280; 1886 г. Д. 1285, 1286.
5. Фонд Политархив: Петербург: 1885 г. Д. 19; Д. 20; 1886 г. Д. 21, Д. 22.
6. Фонд Отчёты: отчёты по Азиатскому департаменту за 1880–1886 гг.
7. Фонд Главный архив У-А: София, 1884 г.

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА)

Фонды Главного управления Генерального штаба:

1. Фонд 430. 1881–1886 гг. Д. 165, 166, 167, 173, 176, 177.
2. Отчеты по военному министерству за 1884–1885 гг.
3. Фонд 1. Опись 2. Д. 1081. Фонд 203 (Генерал Каульбарс А.В.).

Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР)

Фонд: Внешняя политика России КМФ — 5, 1883–1884 гг.

Центральный Государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ)

1. Фонды министерства финансов:
  - Фонд личной канцелярии министра.
  - Фонд государственного банка.
2. Фонд министерства императорского двора. Документы, собранные зав. Общим архивом МИДа Г.В. Есиповым (1666–1897).
3. Фонды внеминистерских учреждений:
  - Фонд Собственной Е.И.В. Канцелярии 1812–1917 гг.
  - Фонд Главного управления по делам печати.
  - Фонд частных банков.
4. Фонды личного происхождения:
  - Фонд Дондукова-Корсакова.

Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ)

1. Фонд Бакалова Георгия Ивановича. 1874–1936 гг. (Ф. 1033).

Архив Союзного секретариата по иностранным делам СФРЮ (ГСИП)

1. Фонды «Извештај» (от 1 до 8):
  - Фонд И. 1. Вена, 1882–1886 гг.
  - Фонд И. 2. Афины, 1885 г.
  - Фонд И. 3. 1885 г.
  - Фонд И. 4. Берлин, 1882–1886 гг.
  - Фонд И. 5. Лондон, 1884–1886 гг.
  - Фонд И. 6. Константинополь, 1882–1886 гг.
  - Фонд И. 7. София, 1882–1884 гг.
  - Фонд И. 8. Петербург, 1882–1886 гг.

2. Фонд Телеграммы», 1884–1885 гг.
3. Фонд «Рат», 1885 г.
4. Фонд «Румелијско питане»: Р. 1–3.
5. Отдельные нескомплектованные папки с документами, относящимися к 1880–1886 гг.

Государственный Архив Сербской Социалистической Республики (ДАСРС)

1. Фонд Стенографске белешке о седницама Народне скупштине.
2. Документи за българската история. София, 1948.
- Т. 4.

Опубликованные документы

1. *Бендерев А. Ф.* Сербско-болгарская война 1885 г. СПб., 1896.
2. *Валуев П. А.* Дневник. 1877–1884 гг. Пг., 1919.
3. Војно-историјске белешке о српско-бугарском рату 1885 г. Београд, 1891.
4. *Вучковић В.* Дипломатска историја српско-бугарског рата 1885–1886 гг. Београд, 1956.
5. История на сръбско-българската война 1885 г. София, 1971.
6. *Ламсдорф В. Н.* Дневник (1886–1890 гг.). М., 1926.
7. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. М., 1925.
8. *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3. М., 1950.
9. Русско-германские отношения 1873–1914 гг. // Красный архив. 1922. Т. 1.
10. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. / Под ред. проф. Адамова. М., 1925.
11. *Mijatovich Ch.* Memoirs of a Balkan Diplomatist. London 1917.

12. *Nikolic M.* Timocka bune 1883 g. Beograd, 1954.
13. *Staal G.F.Ch.* Correspondance diplomatique (1884–1890). Paris, 1929.

Литература

1. *Атанасов Н.* Сръбско-българската война. София, 1910.
2. *Аксаков И.С.* Славянский вопрос 1860–1886 гг. М., 1886.
3. *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии 1877–1878 гг. // Русская старина. 1895 г.
4. *Анго Е.* Соперничество на Балканах (Чем пользуется Австрия?). СПб., 1912.
5. *Бовыкин В.И.* Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. – 1917 г. М., 1960.
6. *Винцлер Ю.И.* Английские капиталовложения за границей. М., 1960.
7. *Владимиров Л.* Балканы и война. Пт., 1918.
8. *Виноградов И.Б.* Новые зарубежные работы по истории Австро-Венгрии // Вестник ЛГУ. Серия: История. Л., 1956. Вып. 3.
9. *Галкин И.С.* Балканские страны в 1870–1914 гг. М., 1950.
10. *Галкин И.С.* Австро-Венгрия в 1870–1914 гг. Лекции в ВПШ при ЦК КПСС. М., 1949.
11. *Глебов В.Л.* Капиталистический путь развития слаборазвитых стран. Новосибирск, 1970.
12. *Гуч Г.П.* История современной Европы. М., 1925.
13. *Демков Я.А.* Австро-Венгрия в 1867–1914 гг. М., 1951.
14. *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951.
15. *Жигарев С.* Русская политика в Восточном вопросе. М., 1896.

16. *Иванов И.С.* Сербия и Болгария со времени Восточно-румельийского переворота 6 сентября 1885 г. Одесса, 1886.

17. *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

18. *Киняпина Н.С.* Балканская проблема во внешней политике России конца 70 – начала 80 гг. XIX в. // Из рукописи книги «Восточный вопрос во внешней политике России XVIII–XIX вв.»

19. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1875–1887 гг. М., 1898.

20. *Короткова В.И.* Тимокское восстание и радикальная партия // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1953. №11.

21. *Лавеле Э.* Балканский полуостров. Т. 1–2. М., 1889.

22. *Леконен Э.* Англия и Германия. М., 1925.

23. *Максимович В.* Военные связи и отношения Сербии и России // Русский архив. Београд, 1930.

24. *Никитин С.А.* Сербский марксист Дмитрий Туцович // Вопросы истории. 1956. №5.

25. *Новичев А.Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М., 1937.

26. *Палоташ Э.* Австро-венгерские связи. Рукопись диссертации на соискание звания кандидата исторических наук.

27. *Пичета В.И.* Экономическая история Сербии // Энциклопедический словарь Граната. Изд. 7-е. Т. 38.

28. *Пристер Е.* Краткая история Австрии. М., 1952.

29. *Попов Н.* Балканские страны в 1870–1914 гг. М., 1948.

30. *Ротштейн Ф.Ф.* Международные отношения в конце XIX в. М.; Л., 1960.

31. *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974.

32. *Стфукова К.Л.* Воссоединение Восточной Румелии с Болгарией. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

33. *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма. М., 1928.
34. *Татищев С.* Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890.
35. *Туполев Б.М.* Германский капитал и железные дороги в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX вв. // Германский империализм и милитаризм. М., 1952.
36. *Терехов А.* Исторический очерк движения России на Балканский полуостров. СПб., 1888.
37. *Тэйлор А.Д.* Борьба за господство в Европе 1848–1918 гг. М., 1958.
38. *Бурлацкий Ф., Галкин А.* Политика, социология, международные отношения. М., 1974.
39. Международные конфликты. М., 1972.
40. *Кон И.* Психология предрассудка // Новый мир. 1956. №9.
41. *Поршнев С.* Социальная психология и история. М., 1966.
42. *Хальсгартен Г.* Империализм до 1914 г. М., 1961.
43. *Венедиктов Ю.* История на сръбско-българската война. София, 1910.
44. Војно-историјске белешке о српско-бугарском рату 1885 г. Београд, 1891.
45. *Генов П.* Источният въпрос. София, 1926.
46. *Вукомановић М.* Радничка класа Србију у другој половини XIX в. Београд, 1972.
47. *Борджевич В.* Историја српско-бугарског рата 1885 г. Београд, 1907.
48. *Гарашанин М.* Два намесништва. Београд, 1893.
49. *Вучо Н.* Привредна историја Србије. Београд, 1955.
50. *Живановић М.* Прилози за проучаване питања империалистичких продирања Аустро-Угарске у Србију од Берлинског конгреса 1878 г. до Уговора 1881 г. // Историјски институт. Београд, 1956. Кн. 9.
51. *Живановић Ж.* Политичка историја Србије у другој половини 19 в. Београд, 1924.

52. *Јакшић Г.* Из нове српске историје. Београд, 1953.
53. *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951.
54. *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића. Београд, 1934.
55. *Крачунов К.* Дипломатическа историја на сръбско-българската война 1885–1886 г. София, 1921.
56. *Новаковић С.* Бугарско-српски рат и одновремене кризе 1885–1886 г. Београд, 1912.
57. *Новаковић С.* Двадесет година политике у Србији 1883–1903 г. Београд, 1912.
58. *Недельковић М.* Страни капитал у Србији и њихов значај. Београд, 1912.
59. *Нинчић В.* Пера Тодоровић. Београд, 1956.
60. *Пенков Н.* Борбата на българският народ против Берлинският договор и меѓународното право 1878–1886 г. София, 1968.
61. *Протић С.* Тајна конвенција измеѓу Србије и Аустро-Угарске. Београд, 1909.
62. Порекло наших несрећа. Београд, 1892.
63. *Продановић.* Историја политичких странака и струја у Србији. Т. 1. Београд, 1947.
64. *Пантев А.* Англија среќу Русија на Балканите 1879–1894 г. София, 1972.
65. Народна банка краљевине Југославије 1884–1934 г.
66. *Скоко С., Опајић П.* Војвода Степа Степановић у ратовима Србије 1876–1918 г. Београд, 1971.
67. *Чубриловић В., Чоровић В.* Србија од 1858 г. до 1903 г. Београд, 1958.
68. *Стојановић К.* Економско стање Србије од окупације Босне и Херцеговине до анексије 1878–1908 г. Београд, 1903.
69. *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX в. Београд, 1958.
70. *Норовић В.* Односи измеѓу Србије и Аустро-Угарске у XIX в. Београд, 1938.

71. *Hauptman F.* Politika Austre-Ugarske. Trojecarski savez i Taina konvencija sa Srbijem godine 1881 // Godišnjak isterijskog društva. Т. IX, Сараево 1958.

72. *Koch Adolf.* Fürst Aleksander von Bulgarien. Damstadt, 1887.

Обобщающие труды

1. Всемирная история. Т. 7. М., 1960.
2. История Болгарии. Изд. АН СССР. Т. 1. М., 1954.
3. История България. Т. 2. София, 1962.
4. История дипломатии. Т. 2. М., 1963.
5. История дипломатии. Т. 2. М.; Л., 1945.
6. История Югославии. Изд. АН СССР. Т. 1. М., 1963.
7. История южных и западных славян / Под ред. С.А. Никитина. М., 1957.

Историки-слависты МГУ

Книга 14

Терехов Вячеслав Константинович

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС

1885 г.

ISBN 978-5-901882-86-3

Формат 84×108/32. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.
Объём 6,38 печ. л. Уч.-изд.л. 7,05. Тираж 100 экз.